

А. М. Шарипов   РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ И. А. ИЛЬИН

А. М. ШАРИПОВ

РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ
ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
ИЛЬИН

*К 125-летию
со дня рождения
Ивана Александровича Ильина*

Мыслитель

Художник М.В. Нестеров

Александр Шарипов

**Русский мыслитель
Иван Александрович Ильин.
Творческая биография**

Издательство Главархива Москвы

Издательство «Деловой ритм»

Москва

2008

УДК 1(470+571)(092) Ильин И.А.
ББК 87.3(2)6-631 Ильин И.А.
Ш25

*Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы
Председатель В.А. Манькин*

Рецензенты

доктор философских наук, профессор А.И. Зимин
доктор исторических наук, профессор В.А. Тюрин

Шарипов А.М.

Ш25 Русский мыслитель Иван Александрович Ильин. Творческая биография / Александр Шарипов; Гл. арх. упр. г. Москвы. – М. : Изд-во Главархива Москвы : Деловой ритм, 2008. – 304 с. – На авантитуле: К 125-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина.

Издание посвящено 125-летию со дня рождения выдающегося русского учёного, профессора Московского университета Ивана Александровича Ильина (1883 – 1954). Круг его исследований составляли: философия, методология науки, теория права, политология, русская история и культура. Всю свою жизнь, даже будучи в изгнании, мыслитель посвятил служению Отечеству, изучению сущности российской цивилизации, с тем чтобы дать ответы на животрепещущие вопросы её бытия.

Книга адресована философам, историкам и культурологам, а также всем, кто интересуется русской историей и культурой.

ББК 87.3(2)6-631 Ильин И.А.

ISBN 78-5-903291-04-05

© Главное архивное управление
города Москвы, 2008

© Шарипов А.М., 2008

Ему было свойственно видеть во всём Главное,
душу людей и вещей, сокровенный смысл событий...

И.А. Ильин. Пушкин в жизни

Каждая эпоха рождает своих героев, как и не остаётся без пророков, что прозревают происходящее в его глубинной сущности. Выдающимся пророком России XX века, без преувеличения, можно назвать Ивана Александровича Ильина (1883–1954) — учёного, философа, хранителя русской культурной традиции.

После успехов XIX столетия — расцвет искусств и литературы, развитие науки, рост общественного самосознания — Россия встречала новый век с большими надеждами. Экономисты, философы и политики разных стран предсказывали, что это будет воистину век России... Но мировая война и революция потрясли Россию до самых основ, и само имя России исчезло с карты мира. Почему это произошло? Среди тех, кто всю энергию души, весь свой творческий потенциал направил на изучение сущности российской цивилизации, с тем чтобы дать ответы на животрепещущие вопросы её бытия, был Иван Александрович Ильин.

Хорошо знавший русского мыслителя архимандрит Константин писал: «Ильин есть порождение Императорской России, её умственного закатного расцвета, давшего такое множество выдающихся учёных трудов по всем отраслям знания. Останься Иван Александрович на этом пути, место его было бы среди русской научной элиты, как одного из ярчайших её представителей — и только. Не замкнулся, однако, в науке Иван Александрович. Не отдался он и стихии обще-

ственной, нёсшей эту элиту по течению. Именно в Зарубежье вырос он в инога Ильина — *духовного вождя, учителя, пророка, проповедника*. И в этом образе он уже чадо Новой России, той духовно-обновлённой Исторической России, которая одна только способна вернуть миру дальнейшую жизнеспособность, если только удастся ей обрести снова национально-государственную плоть. Надо ли говорить, какие потенциальные силы заключаются, под этим углом зрения, в наследии Ивана Александровича?!»¹

Философ права по специальности, И.А. Ильин по сути стал учёным-созерцателем российской истории, создателем концептуальных трудов о культуре и духе русского народа, его социальной психологии, исследователем событий XX века и их последствий для российской цивилизации. Широта охвата проблем российского общества и глубокая укоренённость в национальном бытии позволили ему выстроить поразительные социальные прогнозы, на сегодняшний день не имеющие себе равных по своей точности.

* * *

«О жизнеописании моём не стоит поднимать вопроса: не напишу. Если напишу — то не о себе, а о “лучших, кого я встречал в жизни”»², — писал вдали от России Ильин своему другу и такому же, как он, горячему патриоту России Ивану Сергеевичу Шмелёву. Полнообъёмная научная биография русского мыслителя ждёт своего часа. Благодаря многим людям в зарубежье и в России³ наследие выдающегося мыслителя сохранилось, и сейчас издаётся обширное собрание его сочи-

¹ *Константин (Зайцев), архимандрит*. Памяти Ивана Александровича Ильина // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. II. М., 1993. С. 381.

² *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 05.11.1946 // *Ильин И.А.* Собр. соч. Переписка двух Иванов (1935—1946). [Т. 13. Кн. II]. М., 2000. С. 489.

³ Прежде всего, супруга И.А. Ильина Наталия Николаевна, австрийская семья Барейсс, первый биограф мыслителя Н.П. Полторацкий, издатель ныне продолжающегося собрания сочинений Ю.Т. Лисица.

нений. Настоящая биография написана на основе документов, хранящихся в федеральных и московских архивах, опубликованных трудов Ильина и его переписки⁴. Изложение идёт не только в хронологическом порядке, но и в контексте решаемых им определённых проблем — научных, философских, культурных. Поэтому при рассмотрении какой-либо развиваемой Ильиным проблемы она излагается в отдельной главе, с привлечением его работ и более позднего периода.

---

⁴ В 1993—1999 гг. труды И.А. Ильина были изданы в «Собрании сочинений в 10 томах», но в дальнейшем издание было продолжено без нумерации томов. При ссылке на собрание сочинений И.А. Ильина пронумерованные тома, после 9—10, имеют условный номер, заключённый в квадратные скобки, напр.: [Т. 12]. Далее ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страниц.

Москва

Глава 1.

Род

Дворянский род Ильиных довольно молодой: император Павел I своим Указом от 25 апреля 1796 года за самоотверженную службу даровал Ивану Ильичу Ильину дворянское достоинство. То был прадед великого русского мыслителя. Иван Ильич дослужился до звания действительного статского советника¹. В родовом архиве Ильиных бережно хранился рукописный «Катехизис» Ивана Ильича — «родительское благословение» и наставления сыну. Основоположник рода писал о себе: «Родители мои не могли дать мне более просвещения, как только научить меня чтению и письму отечественного языка, познанию Закона Божия, и отчасти гражданского, и в общежитии быть скромным и почтительным. В восемнадцатилетнем моём возрасте я был предоставлен самому себе, не имея ни в чём излишества, кроме родительского благословения. Убогое рублище, охраняющее в переменах стихийных от зноя и хлада, с сохранением возможной благопристойности, составляло всё моё наследство. Я имел способов более доставить тебе в воспитании просвещения, и в теперешнем твоём

---

¹ IV класс по «Табели о рангах» того времени, соответствующий званию генерал-майора.

19-летнем возрасте поставил тебя на такую стезю, которой я не мог достичь прежде сорока лет моей жизни»².

Родоначальник заповедовал сыну: «Помни, мой друг, что человеку определено жить до 70-ти лет, не более. Надобно располагать жизнью так, чтобы она была утешительна как в молодости и совершенстве лет, так и в глубокой старости. Ты сам уже можешь чувствовать, что деяния твои теперешние и собственные твои рассуждения кажутся тебе гораздо лучшими тех деяний и рассуждений, которые ты имел в десятилетнем возрасте. Верь мне, мой друг, что достигнувши 30-летнего возраста, ты много сам будешь порочить из теперешних твоих действий и рассуждений. В 50-летнем возрасте ты почувствуешь ещё перемену как в телесных силах и чувствах, так и в душевных способностях. В 70-летнем возрасте, ежели я до того доживу, то уверен, что подвергнусь ещё новому опыту. И для того должно всегда иметь в твёрдой памяти, чтобы за действия свои и нравственность во всех возрастах впоследствии не иметь раскаяния, которое определяет нам в наказание строгий судия тайных помышлений — совесть. С нею должно быть всегда в теснейшем союзе; ибо невнимающим ей наказание её бывает строже всех казней и доводит до отчаяния.

Чтоб быть полезным и приятным в общении и вкушать чрез то самому удовольствие и чтобы после не жаловаться напрасно на свою судьбу и себя не упрекать, я начертал правила, во-первых, те, которыми в жизни своей я руководствовал, присовокупляя к ним из опыта мною почерпнутые, которые считаю для тебя нужными и полезными.

Первые.

Частое посещение храмов Божиих, тщательное внимание молитв, славословия, Благовестия Евангельского, посланий апостольских и проповедания Слова Божия — было во всех случаях руководителем моим и давало мне силу и крепость к

---

² Ильин И.И. «Катехизис» // Ильин И.А. Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). [Т. 14]. М., 2001. С. 475.

пренесению встречающихся неприятностей и к преодолению всех бедствий. Вера христианская есть истинное спасение, путеводительница смертных. Мораль Евангельская и апостольских посланий наилучшая всех философских нравоучений. Даже самые атеисты в том согласны.

Присовокупление для тебя.

Отнюдь не скучай службою, — тщательно исполняй все её обязанности, не оставляя ничего без внимания, а паче без уважения.

Приобретай благорасположение начальников, — любовь и доверенность товарищей, уважение и приверженность подчинённых, и заслуживай от всех и везде имя честного и доброго человека.

Остающиеся свободные часы обращай на дальнейшее изощрение себя в науках; из них я считаю для тебя необходимыми:

наилучшее познание отечественного языка, по правилам грамматическим, риторическим и логическим;

языки французский и немецкий знать сколько возможно совершеннее, а для того считать не излишним прочитывать весь лексикон в год несколько раз, уделяя на то хотя бы несколько часов в неделю;

стараться усовершенствовать себя в чистописании; прилежание приведет к неожиданному успеху, это я испытал;

геометрия во всех частях, фортификация и все прочия военные науки по роду принятой тобою службы должны быть из первых предметов;

познания: истории, географии, астрономии, физики, химии, архитектуры всех родов, рисованья, живописи, поэзии, музыки и нужны, и утешительны во всяком возрасте и состоянии;

фехтованье и волтижированье — полезны;

танцеванье — развязывает в обществах;

познание отечественных законов, судопроизводства и обрядов в оном употребляемых по военной и гражданской служ-

бе не должно почитать последним предметом, и весьма не худо также несколько часов назначить в каждую неделю для чтения их.

...Сказав всё сие, я должен присовокупить, что природа потребует от тебя ещё особенной дани.

Любовь к женскому полу возьмёт свое действие. Между женским и мужским полом существует союз наиприятнейший и утешительнейший; он действует на чувства и душевные дарования, и есть наилучший, когда к оному руководствует здравый рассудок. Он почитается священнейшим потому, что муж и жена могут быть и лучшими, и вернейшими друзьями.

Иметь детей утешительно. Утешение сие вливает в чувства наши сама природа. Сие её действие ощутительно во всех животных.

Как строгая разборчивость, так и необузданное стремление к женскому полу — вредны. Средний путь во всяком случае почитается благоразумием. А для того нужно тщательно стараться познать себя, свои страсти, склонности и желания, и представляя их на суд здравого рассудка, всемерно преодолевать те, которые усиливаются и могут подвергнуть неудовольствию.

Священное правило:

Не желай того другому, чего не желаешь себе. Ежели ты никому не желаешь вреда, то и всякий другой, познавший тебя таковым, также одного тебе не пожелает. Любовь и сострадание к ближнему имей впечатленны в твоём сердце.

Слова Св. Евангелия:

Любите враги ваша!

Благословите клянущие вы!

Добро творите ненавидящим вас.

Точное исполнение сей Святой Заповеди поставляет человека выше смертных...

16 сент. 1814. С.-Петербург».³

---

³ Там же. С. 475—478.

Сын Ивана Ильича выполнил заветы отца, верно послужив Отечеству и создав добрый семейный очаг. Иван Иванович Ильин (1799—1865) стал военным инженером-строителем. Полковник И.И. Ильин строил Большой кремлёвский дворец, затем был его смотрителем и комендантом⁴. Он женился на дворянской девице Любви Петровне (урождённой Пузырёвой) и они имели по-русски традиционно большую семью — 9 детей: сыновья Пётр (1833 г.р.), Владимир (1834 г.р.), Николай (1837 г.р.)⁵, Иван (1839 г.р.), Александр (отец нашего мыслителя, 1851 г.р.), Сергей (1853 г.р.)⁶, дочери Александра (1835 г.р.), Елизавета (1838 г.р.), Любовь (184? г.р.)⁷. Большая дружная семья жила там же, где служил отец — в Кремле.

В семейных преданиях сохранились воспоминания об Иване Ивановиче как о добром мудреце и труженике. Похоронены Иван Иванович и Любовь Петровна на Ваганьковском кладбище Москвы.

Когда у кремлёвского полковника И.И. Ильина родился сын и его пожелали наречь именем Александр, восприемником младенца из крещенской купели стал сам император Алек-

---

⁴ *Ильин И.А.* Письмо к Е.Е. Климову, весна 1950 г. // *Ильин И.А.* Собр. соч. Письма. Мемуары (1939—1954). [Т. 12]. М., 1999. С. 49.

⁵ Николай Иванович был исследователем русских усадеб, его сын Михаил Николаевич Ильин — исследователем древнерусской архитектуры; в 1932—1941 гг. он сидел в концлагере за сопротивление сносу храма Христа Спасителя.

⁶ Сергей Иванович после революции эмигрировал и жил в Праге. Его сын Василий Сергеевич Ильин стал крупным учёным-биологом.

⁷ В замужестве Гуревич, близкий И.А. Ильину человек. Её муж Яков Григорьевич Гуревич (1843—1906) — историк и педагог. В их семье было 6 детей. И.А. Ильин дружил с ними и более всего с писательницей Любовью Яковлевной Гуревич (1866—1940), с которой переписывался. Другая дочь, Екатерина Яковлевна Андроникашвили, — мать Ираклия Луарсабовича Андроникова. Переписку см.: *Ильин И.А.* Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938). [Т. 11]. М., 1999. Подлинники писем хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 131.

сандр П.⁸ Александр Иванович Ильин (1851—1921) окончил Московский университет. 11 января 1880 г. присяжный поверенный округа Московской судебной палаты А.И. Ильин обвенчался с Екатериной Юльевной Швейкерт (1858—после 1936) в церкви Рождества Христова села Быково Бронницкого уезда Московской губ. Жена взяла имя Екатерина после перехода из лютеранства в православие.⁹ Ранее она носила имя Каролина-Луиза и была одной из 8 дочерей врача гимназии и Императорского вдовьего дома доктора медицины Юлиуса Швейкерта фон Штадиона (1805—1876).

Врача-гомеопата Швейкерта по-русски звали Юлий Юрьевич. Он родился в семье врача г. Виттенберг в Саксонии. В 1831 г. Юлиус защищает в Лейпцигском университете диссертацию по медицине и в 1832 г. навсегда переезжает в Россию, где начинает работать в имении кн. Куракина Надеждино. Доктор привёз с собою жену Катарину Швейкерт фон Штадион (урождённая Кюстер, 1824—1890) и тещу (Бромериус). В 1842 г. уже русский подданный Юлий Юрьевич Швейкерт фон Штадион выдержал экзамен при Московском университете и был назначен врачом при Московском воспитательном доме. В 1853 г. Юлий Юрьевич защитил докторскую диссертацию «Pneumonia infantum»¹⁰.

Семья Александра Ивановича и Екатерины Юльевны была богата сыновьями — их было пятеро: Алексей (1880—1913), Александр (1882—после 1919), Иван (1883—1954), Юлий (1889—1901), Игорь (1892—1937).

---

⁸ *Ильин И.А.* Письмо к Е.Е. Климову, весна 1950 г. [Т. 12]. С. 49.

⁹ ЦИАМ. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 278. Л. 221, 248. Исповедальные ведомости церкви Рождества Богородицы за Смоленскими воротами Пречистенского сорока. Запись протоиерея Симеона Владимирского. Церковь сохранилась. О документах И.А. Ильина в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) см.: *Болдина Е.Г., Бронникова Е.В., Кузовлева О.В.* Материалы к биографии И.А. Ильина // *Российский архив.* Вып. V. М., 1994. С. 515—536.

¹⁰ По Табели о рангах того времени он имел 6-й чин коллежского советника, что соответствовало военной чину полковника.

Будущий гений России Иван Александрович Ильин был средним из братьев. Он родился 28 марта (10 апреля по новому стилю) 1883 г. Родители в это время жили в доме на углу Ружейного переулка и ул. Плющиха в доме почётного гражданина купца Байдакова. 22 апреля (5 мая по новому стилю) младенца крестили в церкви Рождества Богородицы за Смоленскими воротами с именем Ивана (в храме был придел пророка и крестителя Господня Иоанна)¹¹. Восприемниками Ивана из крещенской купели были купец 2-й гильдии Владимир Константинович Кеслер и бабушка Любовь Петровна Ильина, свидетельницей присутствовала Аделаида Юльевна Швейкерт (в замужестве Левкович)¹².

Спустя два года после рождения Ивана семейство Ильиных съехало с квартиры по Ружейному переулку и поселилось в доме графа С.Д. Шереметева в I участке Тверской части. «Детство моё, – вспоминал Иван Александрович, – квартира в Шереметевском переулке, IV этаж – лицом на Кремль с Дворцом и на дворцовую церковь Шереметевых (“Нарышкинское барокко”). Шесть лет патриотических чувств и любования»¹³.

А.И. Ильин владел имением Ясенки в Рязанской губернии, где семья проводила летние месяцы. Как и многие русские дворянские семьи, Ильины жили необособленно от крестьян, ходили с ними по одним дорогам, любовались одними с ними картинами природы. Дети их бегали на речку с крестьянскими детьми, играли с ними в одни игры. Это были дети одного народа, единой культуры и единой веры... Отсюда Иван Александрович напитался русским духом без сентиментальных народнических иллюзий и «элитарной» заносчивости. Здесь Иван Александрович научался любить свой народ и восхи-

---

¹¹ Храм снесён в 1933 г. и на его месте построено высотное здание по адресу: Смоленская ул., дом №7.

¹² Копия метрической книги. Выписка о рождении. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 315. Д. 373. Л. 10-10 об. Там же (Л. 11) находится и копия свидетельства о дворянском происхождении И.А. Ильина.

¹³ *Ильин И.А.* Письмо к Е.Е. Климову, весна 1950 г. [Т. 12]. С. 50.

щаться его национальным своеобразием. «Будучи ребёнком, я дивился в русской деревне старым крестьянам, которые, едва умея читать, молились в церкви на протяжении всей литургии, предвосхищая каждое слово священника и хора с выражением глубокого благоговения»,¹⁴ — вспоминал Иван Александрович в зрелые годы.

Глава 2.

Становление

В 1893 г. десятилетний Иван поступает в 5-ю Московскую гимназию. Через 5 лет, в 1898 г., родители переводят его в 1-ю гимназию, где он и учится остальные 3 года¹⁵. Директором гимназии был чех Иосиф Освальдович Гобза, инспектором — немец Николай Фёдорович Викман. Форменной одеждой гимназистов было пальто серого цвета с «серебряными» пуговицами, фуражка с гербом гимназии. Книги и принадлежности гимназисты носили в ранцах. Однокашник, а затем и однокурсник Ильина Марк Вениаминович Вишняк (1883—1977) вспоминал: «Светлый блондин, почти рыжий, сухопарый и длинноногий, он отлично учился, ... но кроме громкого голоса и широкой непринуждённой жестикуляции, он в то время как будто ничем не был замечателен. Даже товарищи его не предполагали, что его специальностью может стать и стала — философия»¹⁶.

1901 г. был для семьи Ильиных напряжённым. Иван с золотой медалью заканчивал курс гимназии и определял свою дальнейшую судьбу¹⁷. В тот же год умирает его двенадцати-

¹⁴ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 454.

¹⁵ Здание 1-й гимназии на ул. Волхонке сохранилось.

¹⁶ Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 40.

¹⁷ Аттестат зрелости И.А. Ильина (получен 31 мая 1901 г.). ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 315. Д. 373. Л. 9-9 об.

летний брат Юлий, получивший в драке в гимназии смертельную травму головы.

Получив гимназический аттестат зрелости, Иван Александрович на лето отправляется в Бронницкий уезд Московской губернии, в имение дяди Николая Ивановича — Быково (бывшее имение И.И. Воронцова-Дашкова). Он мечтает об учёбе на филологическом факультете, отец же настаивает на инженерном образовании. В конечном итоге приходят к компромиссному решению. 15 июля Иван Александрович пишет прошение ректору Императорского Московского университета о зачислении на юридический факультет¹⁸. Осенью 1901 г. семнадцатилетний юноша становится студентом. Так определяется жизненный путь Иван Александровича как правоведа.

По воспоминаниям Валентина Николаевича Сперанского (1877—1957), «даровитый вдумчивый юноша не примкнул ни к беспартийно-жизнерадостной студенческой богеме, ни к школьным ячейкам будущих революционеров»¹⁹. Он «с головой ушёл в философию»²⁰. Студенты-гуляки и любители революционной агитации называли таких «академистами».

На втором курсе И.А. Ильин заболел бронхитом и на три месяца уехал лечиться к родителям в имение Большие Поляны. Он не терял там времени — штудировал сочинения Платона, курс П.И. Новгородцева и «Историю древней философии» Виндельбанда. На занятиях приват-доцента кафедры энциклопедии права П.И. Новгородцева ему пришлось вести разговор о Платоне, и преподаватель замечает пытливого и серьёзного студента. Вскоре Иван Александрович становится учеником Павла Ивановича Новгородцева (1866—1924). М.В. Вишняк вспоминал, что на практических занятиях Новгородцева «главную роль играли два Аякса —

---

¹⁸ Прощение о принятии в университет. На нём же подпись 1906 г. о получении документа. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 315. Д. 373. Л. 8.

¹⁹ *Сперанский В.Н.* Памяти русского философа // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. II. М., 1993. С. 376.

²⁰ *Вишняк М.В.* Дань прошлому. С. 172.

будущие профессора Н.Н. Алексеев и И.А. Ильин»²¹. Сам И.А. Ильин вспоминал о П.И. Новгородцеве: «Двадцать два года знал я Павла Ивановича. Я помню его ещё в звании доцента... Мы, начинающие студенты, слушали его особенно, многого не понимая, напряжённо ловя каждое слово, напряжённо внимая: он говорил о *главном*; не о фактах и не о средствах, отвлечённо, но о живом: он говорил о *целях жизни*, и прежде всего о *праве учёного* исследовать и обосновывать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика.... Слагалось *идейное бродило*, закладывались основы *духовного* понимания жизни, общественности и политики»²².

Осенью 1903 г. третьекурсник И.А. Ильин поглощён рефератом по Платону. «Уж очень я утоп в Платоне, — пишет он двоюродной сестре Л.Я. Гуревич. — По всем видимостям, тема на золотую медаль будет дана Новгородцевым по Платону. С февраля же засяду за “вещь в себе” у Канта... Сейчас работаю над логикой и психологией в связи с теорией познания... “Заоблачные умствования” имеют для меня и большую практическую ценность. Здесь, в них-то, я ищу оснований для решения широких общественных вопросов, и непонимание этого заставляет меня каждый раз нравственно съёживаться и чувствовать отчуждённость»²³. П.И. Новгородцев отметил, что первая работа студента «на тему о политических идеалах Платона сразу показала то, что я имею в его лице даровитого и вдумчивого ученика, увлечённого предметом своих занятий»: «с тех пор и до окончания курса г-н Ильин принадлежал к числу самых ревностных посетителей и участников моих практических занятий и вместе с тем продолжал свои занятия по философии. Эти занятия не прерывались и

²¹ Там же. С. 171.

²² *Ильин И.А.* Памяти П.И. Новгородцева // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 9–10. М., 1999. С. 49.

²³ *Ильин И.А.* Письмо Л.Я. Гуревич 24.12.1903 // *Ильин И.А.* Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). [Т. 11]. С. 26–27.

тогда, когда вместе с товарищами и со всем Университетом он переживал тревожные дни студенческих волнений»²⁴.

Павел Иванович практиковал утренние собеседования с ближайшими учениками у себя на квартире, в доме у Никитских ворот. Среди таковых были и Н.Н. Алексеев, М.В. Вишняк, И.А. Ильин. «У Новгородцева бываю — он со мной очень мил и внимателен», — писал Ильин Л.Я. Гуревич осенью 1903 г.²⁵ Иван Александрович вспоминал о встречах с учителем: «Он жил с чрезвычайной скромностью у Никитских ворот в простых, но чистых номерах Троицкой. Аскезом, строгостью, уединением веяло в его комнате. Атмосфера мягкой ласковости и своеобразного воспитывающего, сдержанного холодка, импонируя, встречала студента. С первых же шагов юноша чувствовал себя не “оставленным”, а *принятым*; не идущим, а *ведомым*. В мягкости скрывалось много оформляющей, требовательной суровости. В занятиях была программа, властно проводившаяся и выполнявшаяся: каждая тема должна была завершаться в форме письменного сочинения. Оставленные сходились к руководителю по желанию каждое воскресенье от 11 до 2 часов дня. В общей беседе чувствовался непрерывно внимательный взор, строгий суд, учёт не только того, что говорится, но и стилия выражений. О каждом он заботился индивидуально, добывая стипендии, уроки, разрабатывая тему, щедро ставя свою подпись на библиотечных карточках. Сочинение подавалось за сочинением: медленно возрастало здание духовной индивидуальности»²⁶.

В одну из таких встреч с близким кругом учеников, вспоминал М. В. Вишняк, профессор Новгородцев обратился к нему «вполголоса с вопросом, знаком ли я с последней книгой Шарля Ренувье, одного из родоначальников прославленного через двадцать лет “персонализма”?». На что тот ответил отри-

---

²⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 153. Д. 224. Л. 254. См.: <http://www.iljin.ru/archiv/rgia.html>.

²⁵ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 16.10.1903. [Т. 11]. С. 24–25.

²⁶ *Ильин И.А.* Памяти П.И. Новгородцева. С. 250.

цательно, что и предрешило его судьбу: он не был приглашён остаться на кафедре. Ильин же заметно вырос за университетские годы и на старших курсах «стал обнаруживать недюжинную эрудицию и серьёзность»²⁷.

В августе 1904 г., при переходе на четвёртый курс, И.А. Ильин снимает себе отдельную комнату «в самой гуще московского студенческого квартала» — на Малой Бронной, в доме Носова, кв. 7²⁸. Квартира ему понравилась, но волнует то, что вокруг возможен студенческий разгул, который будет мешать его академическим занятиям. Вскоре происходят такие события, по сравнению с которыми студенческие попойки — морской штиль: в январе 1905 г. начинаются крупные общественные выступления, положившие начало 1-й российской революции.

11 октября 1905 г. Иван Александрович записывает в дневнике: «Как кипит жизнь, как всё борется, организуется, требует, живёт!.. Несмотря на то, что я пока в стороне ото всего, я чувствую себя в каком-то огне и жару. Сейчас в Москве стачка железнодорожников, фармацевтов, и с минуты на минуту ждут забастовку городских рабочих; железнодорожники остановили почтамы, и на Мясницкой казаки разгоняли их в 5 часов дня нагайками.

Только что пришёл из университета, где происходят митинги. Собрание брестских железнодорожных рабочих, собрание фармацевтов, собрание инженерного союза. Все запасаются водой, ждут, что остановится водопровод. Полиции около университета нет, в Манеже казаки, на улицах сейчас спокойно. Все новые железные дороги прекращают работу, требования сплошь выставлены политические.

А я? Я сегодня изучал теоретико-познавательную логику Шуппе, психологическую теорию права Петражицкого и сейчас сажусь за Кистяковского. Мучительно заниматься отвлечённой наукой, но так нужно. Разлад, разбросанность чувств,

---

²⁷ *Вишняк М.В.* Дань прошлому. С. 172.

²⁸ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 28.08.1904. [Т. 11]. С. 27.

рассеянность мыслей, хаос и усталость. Партии, программы, платформы, союзы, организации, побоища, выстрелы, смерти... А я с своей теорией познания, с а.²⁹ мирозозерцанием, с сердцем, прикованным к Берлину, и с метафизическими запросами; но это не упрёк себе — Боже упаси; хорошо всё это, но недостаточно светло... Но разве не всё равно, каким погибнуть? Нет! Нет! Больше света, больше ясности и в жизни и в смерти, больше сознательности!»³⁰

Запись 13 октября рассказывает об участии И.А. Ильина в событиях тех дней: «Дни бегут. Неудержимо, полно, трепетно. Москва накануне полной, всеобщей забастовки. В университете ежедневные митинги. Логика Шуппе приходит к концу. Вчера, и сегодня, и завтра. Днём — логика, право, Каутский, вечером университет — митинг. Вчера я говорил на собрании, сегодня с 8 до 12 председательствовал. Говорил так себе, председательствовал хорошо. Завтра, кажется, опять говорю. Но говорить перед простой, средней публикой не стоит. Я больше не буду. Завтра партийный “митинька”. Немного устаю, но в общем чувствую себя хорошо. Питаюсь прекрасно, а это главное»³¹.

Следующую запись Иван Александрович вносит через неделю, 20 октября: «Семь дней я не писал. Не мог. За эти семь дней революция сделала колоссальные шаги... Вот краткий перечень моего участия в событиях. В пятницу 14-го я председательствовал на митинге у соц. демократов. Мне всё равно, у кого председательствовать: они все несут и свет и тьму в головы публики и из столкновения их сверкают блёстки истины. Говорили рабочие — и это было лучше всего; говорили с.д.

---

²⁹ Так в тексте.

³⁰ *Ильин И.А. Дневник // Ильин И.А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). [Т. 11]. С.17. Подлинник хранится в Научной библиотеке МГУ: Отдел редких книг и рукописей (ОРКиР). Ф. 6. Вокал Н.Н. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.*

³¹ *Ильин И.А. Дневник. С. 17–18.*

— партийные работники, это было плоховато, общо, молодо, горячо, демагогично. Говорил поп.

Меня всегда благодарят за председательствование, ибо я веду собрание в порядке. Это такое ощущение: через час после начала от каждого слушающего и присутствующего протянута маленькая, тоненькая ниточка, ниточка нравственной привязанности — ко мне, и я, регулируя эти ниточки и их совместное дрожание, напрягая одни или все, и ослабляя их — заставляю всех присутствующих образовать некоторое стройное единство, содержание в которое вливают ораторы. Организованная коллективность чувствует, что она чем-то объединена, и не замечает, как растёт её настроение; к концу заседания — настроение — общее — повышено, чувствуется подъём, но подъём организованный, и когда я закрываю собрание, кажется, что разваливается что-то, мною созданное. Это — творчество, и творчество интересное. Оно утомительно, но важно для дела»³².

В дневнике И.А. Ильина отражены события разгара революции: «В субботу, 15-го, я не был на площади у Думы и в свалке с охотнорядцами не участвовал. От 4—5 дня и от 7—9 веч. был в забаррикадированном университете, но увидев, что самозащита стихийно переходит в попытку произвести вооруженное восстание, что масса, вооружаясь чем попало и лихорадочно организуясь, теряет под собою почву и сознание целесообразности действий, что эксцесс отчаяния заводит толпу в безрассудную трагикомическую игру в революцию и временное правительство, я ушёл домой, хотя не без тяжелых душевных колебаний. Одним из главных факторов состоявшегося ухода была мысль, — что ты сказала бы мне “уйди” и была бы права. Вечер и ночь я провёл в ужасном настроении. В 11 ч. я опять пошёл к университету — осмотреть окрестности, но университет был уже оцеплен: в него не пускали, а из него выпускали. Студенты и рабочие, забар-

---

³² *Ильин И.А. Дневник. С. 18—19.*

рикадировавшись, — ждали расстрела. Вечер мы сидели вдвоём с мамой Леной. Она, видимо, терзалась и даже похудела заметно с лица, но я чувствовал себя одиноко. Утром я был у Новгородцева (воскресенье 16), он сказал мне, что они уладят этот эпизод. Вечером был у Ив. Алексеевича Петровского; отвёл душу, узнав, что всё обошлось мирно. Володька переслал мне из тюрьмы вопрос: получил ли я его письмо? Я отправил ему записочку, прося дать связи для литературы. Ответ, сказали, будет через неделю. Да, утром был ещё в политическом Красном Кресте. Достал № 110 Искры. 16-го и 17-го по городу войска разгоняли рабочих, кое-где были митинги, университет 17-го был заперт. 17-го днём сидел дома, вечером был у Уманского. На улицах по вечерам тьма. Уманский сказал, что за перевод Эльцбихера Ефимов даёт 30 р. с листа, книга, наверное, будет выпущена. Число букв, кажется, с оригинала. Мне передаётся редактирование по 7 р. с листа. 17-го же получила весть о манифесте. 18-го я был с утра у Любы; она была на конституционно-демократическом съезде. Выйдя от неё, увидел первую открытую легально-революционную демонстрацию, пошёл с ней, был у Бутырской тюрьмы. В шестии участвовали — между прочим — ряд приват-доцентов, Мензбир, артисты Художественного театра, масса рабочих. В 5 ч. вернулся домой. Вечером председательствовал в одной из аудиторий на митинге. При выстрелах не присутствовал, в свалке не участвовал. В опасности попасть в то и другое был много раз, но судьба как-то выводила. Вчера, 19-го, я видел толпы, знал, что дружины и рабочие расправляются с чёрной сотней, но не примыкал к уличному движению и на митинге не был. Познакомился с сестрой Станиславского и вчера сидел у неё весь вечер. Она рассказывала мне про свою агитацию среди крестьян; много поучительного. Это необычайно милая дама. Вчера уехала Люба. Есть опасения, что из Гуревичей кто-то пострадал в Петербурге. Вероятно, скоро приедет Саша.

В общем, я цел и нравственно не очень разбит. Но устал нервно и умственно. Сегодня, кажется, не пойду опять на ми-

тинг. Надо отдохнуть. Манифест никуда не годится, масса лезек и ничего положительно не дано; слова, слова, слова»³³. После царского манифеста о политических изменениях российского общества И.А. Ильин в 1906 г. пишет популярные брошюры по животрепещущим социальным вопросам: «Бунт Стеньки Разина. (Из русской старины)», «Свобода собраний и народное представительство», «Что такое политическая партия»³⁴.

И.А. Ильин никогда не был ни масоном, ни членом какой-либо политической партии, называя впоследствии нежелание принадлежать к какой-либо партии своим «правом на глупость». На ведение собраний, митингов он приглашался как умелый нейтральный председатель. Это председательствование давало ему хорошую школу владения аудиторией, ибо удерживать во внимании и порядке возбуждённое собрание — дело весьма сложное, требует воли и непрерывного психического напряжения. Однако это председательствование в будущем дало недругам Ивана Александровича повод обвинять его в партийной принадлежности к революционным организациям³⁵.

В 1906 г. заканчивается университетская учёба Ивана Александровича. 17 января из Министерства народного просвещения приходит разрешение на испытание И.А. Ильина в Юридической испытательной комиссии Императорского Московского университета. «В марте, апреле и в мае месяцах

---

³³ Ильин И.А. Дневник. С. 19–20.

³⁴ См.: Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. М., 1999.

³⁵ В действительности же революционером был его брат Алексей Иванович Ильин: активный член социал-демократической партии, он во время декабрьского вооружённого восстания в Москве в 1905 г. руководил боевой дружиной на Пресне. За что и отбывал ссылку в Якутии, откуда вернулся в 1909 г. в Москву и служил помощником присяжного поверенного. В 1913 г. Алексей Иванович умер от брюшного тифа, похоронен на Введенском кладбище. После революции Екатерина Юльевна получала от Советского правительства пенсию за него.

1906 г.», как значится в дипломе, И.А. Ильин «подвергся испытанию» и «оказал следующие успехи:

по римскому праву *весьма удовлетворительно*,³⁶
по гражданскому праву *весьма удовлетворительно*,
по гражданскому процессу *весьма удовлетворительно*,
по уголовному процессу *весьма удовлетворительно*,
по торговому праву и процессу *весьма удовлетворительно*,
по международному праву *весьма удовлетворительно*,
по письменному ответу из уголовного права *удовлетворительно*. «По одобрении представленного сочинения, г. Ильин, в заседании Юридической испытательной комиссии, 25 мая 1906 года, удостоен диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами...

город Москва. Октября 2 дня 1906 года»³⁷.

Кандидатское сочинение И.А. Ильина «Учение Канта о “вещи в себе” в теории познания», оценённое профессором П.И. Новгородцевым как «чрезвычайно основательное и обширное»³⁸, можно считать его первым научным трудом. Немецкая классическая философия оказала глубокое влияние на формирование научного мышления русского философа. В статье об И.С. Шмелёве Ильин писал об университетском периоде его жизни как «годах внутреннего отстоя, созревания, как бы ожидания»³⁹. Для самого Ивана Александровича, благодаря его ответственности и дисциплине, время университетской учёбы стало временем выработки в себе немалых навыков самостоятельного научного мышления – он уже созревает как учёный-исследователь.

---

³⁶ «Отлично» по современной шкале оценки знаний.

³⁷ Диплом об окончании университета. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 315. Д. 373. Л. 2. На документе подпись И.А. Ильина о получении: «Подлинный диплом получил 8 октября 1906 г. Иван Ильин».

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 224. Л. 254.

³⁹ *Ильин И.А. О тьме и просветлении // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. М., 1996. С. 339.*

Гармония

В университетские годы наш «академист» встречает свой идеал женщины – слушательницу Высших женских курсов Наталию Николаевну Вокач (1882–1962). Иван Александрович зовёт её ласковым именем: Таля. В её лице он встретил не только образ красоты и женственности, но и человека общих с ним духовных интересов⁴⁰. Уже в студенческие годы будущие супруги принялись за совместные труды по переводу на русский язык социально-философской литературы. Так, в июне 1906 г. они «сдали в печать перевод книги Эльцбихера “Der Anarchismus” с собственным предисловием»⁴¹.

В июне 1906 г. Ильин пишет сестре: «За последние месяцы моё социальное положение несколько изменилось; я стал помощником присяжного поверенного и о моём оставлении при университете сделано официальное заявление на факультете. В августе осложнится моё семейное положение... Думаем закрепить в глазах окружающих наши отношения, и для этого придётся проделать эту навязчивую церковность. Потом мы думаем съездить в Полянки. Но всё это не ранее середины августа. Не знаю, как сложатся у неё отношения с моей семьёй, – это меня беспокоит»⁴².

27 августа (9 сентября по новому стилю) Иван Александрович и Наталия Николаевна венчаются. Тестем Ильина стал коллежский секретарь кандидат права Николай Антонович Вокач (1857–1905), племянник Петра де Витте; тещей – Мария Андреевна Муромцева (1856–19?), сестра председателя I Государственной думы С.А. Муромцева и члена Московской городской управы Н.А. Муромцева⁴³. Двою-

⁴⁰ Феминисток Иван Александрович не терпел.

⁴¹ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 26.06.1906. [Т. 11]. С. 31.

⁴² Там же. С. 30.

⁴³ Документы и фотографии Н.Н. Вокач-Ильиной. Научная библиотека МГУ. ОРКиР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21.

родная сестра Наталии Николаевны Евгения Казимировна Герцык (1875—1944), переводчица социально-философской литературы, вспоминала: «В 1906 г. наша двоюродная сестра вышла замуж за студента Ильина. Недавний революционер-эсдек, теперь неокантианец, но сохранивший тот же максимализм, он сразу же порвал с роднёй жены, как раньше со своей, насквозь буржуазной, но почему-то исключением были мы с сестрой, и он потянулся к нам со всей присущей ему пылкостью. Двоюродная сестра не была нам близка, но — умная и молчаливая — она всю жизнь делила симпатии мужа, немного ироническая к его горячности. Он же благоговел перед её мудрым спокойствием. Молодая чета жила на гроши, зарабатываемые переводом: ни он, ни она не хотели жертвовать временем, которое целиком отдавали философии. Оковали себя железной аскезой — всё строго расчислено, вплоть до того, сколько двугривенных можно в месяц потратить на извозчика; концерты, театр под запретом, а Ильин страстно любил музыку и Художественный театр. Квартира, две маленькие комнаты, блистала чистотой — заслуга Наталии, жены»⁴⁴. Сам Иван Александрович отмечал, что «у Тали есть одно свойство: она ощущает в самых сложных и трагических конфликтах, в которых стоят другие, тем менее жалости к ним и тем более “верящего” требования, чем больше и выше ценит стоящего в конфликте и антиномии. Это свойство я занимствовал у неё»⁴⁵. Наталия Николаевна, Талья, на всю жизнь стала неустанной помощницей, верной спутницей своего рыцаря-гения.

Посвящая свою жизнь философии, Иван Александрович не разделял идеалы и жизнь: «любовь к мудрости», стремление к Совершенству он соблюдал в повседневной жизни. К искусству, как и ко всему в жизни, Ильин относился серьёзно. Искусство, по его глубокому пониманию, должно быть таким же поиском Истины и Совершенства, как наука, философия. Он

---

⁴⁴ Герцык Е.К. Воспоминания. Париж, 1973. С. 153—154.

⁴⁵ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 15/02.02.1911. [Т. 11]. С. 43—44.

хотел, чтобы людям было понятно это великое назначение искусства, для чего надо не потреблять, а созерцать предмет искусства. К «художественно значительнейшим произведениям человеческого искусства» Ильин относит такие шедевры, как «Царь Эдип» Софокла, «Отелло» Шекспира, патетическая соната Бетховена С-moll, соната Шопена В-moll, мрамор Микельанджело «Давид», роман Достоевского «Бесы»⁴⁶. Л.Н. Толстого он считал «теоретиком красоты»⁴⁷. Иван Александрович встречался с Л.Н. Толстым лично, в 1906 г., когда перевёл для печати книгу Эльсбихера «Анархизм» и издатель попросил его обратиться к Л.Н. Толстому с предложением написать предисловие к русскому варианту работы. И.А. Ильин приехал в Ясную Поляну и беседовал с писателем⁴⁸. Философ высоко ценил художественный талант русского писателя: «Отличительная черта гения — трагическая борьба за *органически-единое* узрение Несказанного в элементе мысли и в элементе художественного — была свойственна Толстому в особом, своеобразном роде, и это я почувствовал с большою определённою»⁴⁹.

И.А. Ильин не принимал и разоблачал духовное разложение авангардно-модернистских направлений в искусстве уже в первое десятилетие XX в. Он указывал на их подоплёку — «сексуальные извращения»⁵⁰. По этой причине у него происходят первые столкновения с Н.А. Бердяевым, Вяч. Ивановым, М. Волошиным, А. Белым и другими.

«И.А. Ильин любил кипучую духовно-культурную жизнь первопрестольной столицы и сам всегда деятельно участвовал в ней... По своим стремлениям, вкусам и навыкам был бо-

---

⁴⁶ Ильин И.А. Основы искусства // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 77.

⁴⁷ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 27/14.05.1911. [Т. 11]. С. 45.

⁴⁸ Иван Ильин и Россия / Авт.-сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999. С. 35.

⁴⁹ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 27/14.05. [Т. 11]. С. 45.

⁵⁰ Герцык Е.К. Воспоминания. С.154.

лее европейцем, чем типичным московским обывателем»⁵¹, — вспоминал В.Н. Сперанский. Музыка была общей большой любовью Ивана Александровича и Наталии Николаевны. Они серьёзно готовились к встрече с музыкой, как и с другими произведениями искусства. В изгнании Иван Александрович описывает традицию культурного московского общества: заранее готовить себя к прослушиванию концерта за несколько дней. Слушателям «в хорошие времена у нас в России было обыкновение *готовиться* к предстоящему концерту; я говорю не об авторе или исполнителе, а о нас, слушателях, несущих в концерт внимательный слух и раскрытое сердце. И понятно, чем значительнее был концерт (дирижирует Никиш или Рахманинов, Метнер, Гофман, Ивайэ, Казальс...) тем важнее было “подготовиться”. Надо было в сосредоточенной тишине предчувствием почувствовать программу; надо было “вспомнить” слышанное и постараться предвосхитить неслышанное; проиграть себе тему или даже всю “вещь”, хотя бы и слабо в техническом отношении, хотя бы намёком (о, музыкальное воображение доделает многое!...), и попытаться из них охватить и увидеть целое... И сколь по-иному слушается концерт, к которому так удалось музыкально и духовно “подготовиться”»⁵². Супруги были знакомы с семейством Метнеров, и на всю жизнь у Ильина завязывается дружба с единомышленником — композитором Николаем Карловичем Метнером, которого Иван Александрович считал человеком большого таланта и произведения которого любил слушать⁵³. Многие годы спустя он вспоминал, как «в первый раз в жизни слушал знаменитую сонату Метнера E-moll (op. 25, № 2) с эпиграфом из Тютче-

---

⁵¹ Сперанский В.Н. Памяти русского философа. С. 376.

⁵² Ильин И.А. Музыка и слово (К концерту Н.К. Метнера) // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 311.

⁵³ У сына брата Николая Карловича Эмилия Карловича чета Ильиных даже стала крёстными восприемниками. Ильин И.А. Открытка к Э.К. Метнеру. 24.07.1914. Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 167. Кор. 14. Ед. хр. 16.

ва: “О чём ты воешь, ветер ночной”... Она идёт без “частей” и без перерыва; и длится тридцать пять минут; длительность для фортепианной пьесы огромная. Музыка бездонного содержания, стихийного порыва, сложнейшего развития и построения. И власть этого изумительного артиста так велика, что все просторы души, к которым он воззвал, разверзлись, все вихри вскружились, все осанны из бездн пропелись, и внимание отпало лишь с последним, дерзновенно-прекрасным, упоительным финальным аккордом. Долгие годы прошли с тех пор; а душа никогда не забудет этого полёта, этого художественного потрясения»⁵⁴.

Ильины любили театр, прежде всего – МХАТ. Иван Александрович был знаком и общался с Константином Сергеевичем Станиславским: «Этот человек, выдвинувший Россию в сценическом искусстве на то положение, на которое Толстой поставил её в художественном и морально-философском отношении, имеет какую-то необычайно притягательную силу. От него прекраснее жить на свете»⁵⁵. Путь К.С. Станиславского, считал Ильин, есть «дух, движущий ныне в театре» – «в переживании и в режиссёрстве и в декорации»⁵⁶. Иван Александрович видел в Станиславском учёного, исследователя человеческой души, и позже пытался сотрудничать с ним в этой сфере. Он просит свою сестру писательницу Л.Я. Гуревич описать сущность пути К.С. Станиславского: «Если ты не скажешь этого, то кто же теперь может сказать это? А главное: я твёрдо убеждён, что для этого нужны *не книги, а личные восприятия* человека,

---

⁵⁴ Ильин И.А. Основы художества. С. 171.

⁵⁵ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 31.07/13.08.1911. [Т. 11]. С. 57.

⁵⁶ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 15/02.02.1911. [Т.11]. С. 41. В петербургской «Русской молве» в 1912 (№13) вышла статья Ильина «Екатерина Ивановна» отклик на постановку во МХАТе одноимённой пьесы Леонида Андреева (статья подписана псевдонимом «Н. Костомаров»).

любящего художественный театр так, как ты его любишь, и *внутреннее размышление* над ними. Здесь работа — бесконечно соблазнительная, благодарная и *неотложная* — ибо постановки Станиславского — до известной степени эфемериды. Забудь сомнения и всякую скромность, вспомни, что у тебя есть огромный источник для *верного* написания, и пиши. Этот источник — то интенсивное и интимное ощущение его личности, которое так цельно и эстетично, так прекрасно живёт в тебе; мысль, *преломленная в этом* источнике, — есть Clückskind⁵⁷ духовного мира, и если за неё можно беспокоиться, то... что же тогда вообще можно говорить с уверенностью на этом свете?!»⁵⁸.

Глава 4.

Университетская кафедра

7 июня 1906 г. П.И. Новгородцев обращается на Юридический факультет Императорского Московского университета с просьбой об оставлении окончившего курс с дипломом первой степени И.А. Ильина при Университете на два года со стипендией для подготовки к профессорскому званию по Кафедре энциклопедии права и истории философии права. «Чрезвычайно живой и увлекающийся, он вместе с тем отличается редкой настойчивостью в труде и величайшей преданностью науке. Сочинения, написанные г-ном Ильиным, показывают, что он удачно соединяет известный обобщающий дар со способностью прилежного и тщательного анализа. На основании всего сказанного, я считаю своим нравственным долгом обратиться с ходатайством к Московскому Юридическому факультету об оказании г-ну Ильину необходимой поддержки в его научных занятиях. Без малейших колебаний выражаю

---

⁵⁷ *Счастливчик, баловень судьбы (нем.).*

⁵⁸ *Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 15/02.02.1911. [Т. 11]. С. 41.*

уверенность, что он оправдает возлагаемые на него надежды. И.А. Ильин знает французский и немецкий языки»⁵⁹. Обращение подписывает и профессор князь Е.Н. Трубецкой.

22 сентября 1906 г. на заседании Юридического факультета Императорского Московского университета профессор князь Трубецкой предложил оставить Ильина для научной работы при университете. Трубецким же Ильину составляется инструкция для занятий по истории философии для подготовки к магистерскому экзамену⁶⁰.

Через год Ильин докладывает о ходе своих работ: «Следуя инструкции для занятий и полученным мною от руководителя моего Павла Ивановича Новгородцева указаниям, я приступил с самого начала к ознакомлению с общим ходом развития философии в истории... Особое внимание было обращено мною на сочинения Виндельбанда и первый том курса Чичерина. Последний был проштудирован мною с подробным и обстоятельным конспектом, в результате чего мною были усвоены и продуманы политические учения следующих мыслителей: Иоанна Златоуста, Блаж. Августина, Фомы Аквината, Марсея Падуанского, Оккама, Томаса Мора, Бодена и некоторых других.

Следуя дальнейшим указаниям моего руководителя и закончив первую часть работ — подготовительную, я приступил к изучению философской и политической доктрины Платона. Для этого мною были прочтены в подлинниках отчасти по-немецки, отчасти по-русски, отчасти по-гречески следующие диалоги Платона: Феаг, Лисид, Ион, Менексен, Соперники, Гиппарх, Клитифон, Хармид, Лахет, Гиппий больший, Гиппий меньший, Алкивиад первый, Алкивиад второй, Минос, Эриксий, Протагор, Горгий, Эвтидем, Апология Сократа, Критон, Менон, Эвтифрон, Федон, Кратил, Феетет, Софист, Политик, Парменид, Федр, Пир, Филеб, Политейя или Государство, Законы, Тимей, Критий...

⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 224. Л. 254.

⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 224. Л. 255.

Изучение идей Платона было затем объединено мною в виде письменной работы, представленной руководителю, размером в 84 писанные страницы, содержание которой передаётся в следующих тезисах:

“Идеальное государство Платона находится в тесной связи с его философским мирозерцанием. Метафизическое учение его разрешается в дуализм, проходящий красной нитью через всю систему. Дуализм в онтологии породил дуализм гносеологический, психологический и этический, с одной стороны, с другой – попытки примирения его через третье начало. Философия Платона не может быть охарактеризована как субъективный идеализм. Характерной особенностью мышления Платона является склонность к гипостазированию логического ряда. Удовольствие и добро не совпадают в его этическом учении. Нравственное удовольствие является последствием добра в человеке, а не обоснованием его. Гедонистический элемент заключён в понятие «высшего блага» из протрептических целей. Добро автономно, но доступно в том виде только облагороженному сознанию. С учением о единой мировой всепроникающей гармонии связано утверждение идентичности законов социальных и психологических и органического единства государства. Высшая задача философа и цель идеального правопорядка – создать не счастье (земное или загробное), а воплотить идею, оправдать добро, ценное само по себе. Осуществление своего социального идеала Платон считал трудным, но возможным. Практическое значение истинного знания есть основная предпосылка идеального государства. Требование предоставить абсолютную власть правителю-философу и регламентировать частную жизнь вытекает из гносеологического и нравственного учения Платона. Платон понимал свободу как нравственное самоограничение. Личность – не цель, а средство в государстве Платона. Оправдание добра достигается осуществлением естественного права с абсолютным содержанием. Сословие стражей не привилегированное, а служилое. Коммунизм

учреждается во имя братства. Подчинение третьего сословия стражам и отношение Платона к физическому труду связаны с общим мирозерцанием. Затруднение постигло Платона при решении проблемы создания не невозможного идеала. Платон требует установления семейного и имущественного коммунизма и для третьего сословия, но лишь по мере возможности. Идеальное государство Платона стремится осуществить прогрессивные начала реакционными средствами”.

Согласно изложенному содержанию сочинение было озаглавлено мною так: “Идеальное государство Платона в связи с его философским мировоззрением”.

Вслед за тем я перешёл к изучению основных философских систем нового времени...

Прежде других я обратился к системе Канта. Здесь мне предстояло ознакомиться преимущественно с его гносеологическим и этическим учением. Для этого мною были изучены в подлинниках на немецком языке следующие сочинения Канта:

Kritik der reinen Vernunft.

Kritik der praktischen Vernunft.

Kritik der Urteilkraft.

Grundlegung zur Metaphysik der Sitten.

Prolegomena zu einer Allgemeinen Geschichte in weltbuergerlicher Absicht.

Вслед за этим я ознакомился по “Истории политических учений” Чичерина и отчасти по “Metaphysische Anfangsgruende der Rechtslehre” с учением Канта о праве и государстве и приступил к объединению этих работ в виде письменного сочинения на тему: “Учение Канта о вещи в себе в теории познания”... В результате мною была написана и представлена руководителю письменная работа размером в 307 писанных страниц...

Закончив таким образом первые две работы и приступая к дальнейшей подготовке к магистерскому экзамену, я

перешёл в начале прошлого года, согласно указаниям и инструкциям, к ознакомлению с философской системой Фихте Старшего. Для этого мною были изучены в подлиннике на немецком языке следующие сочинения Фихте: Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre. Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre и Grundriss der eigentuemlichen der Wissenschaftslehre. Sonnenklarer Bericht. Ueber die Bestimmung des Menschen. Grundzuege des gegenwaertigen Zeitalters. Die Wissenschaftslehre 1810. К этому присоединились прочтённые не в полном составе: Grundlage des Naturrechts. Die Tatsachen des Bewusstseins. Reden an die deutsche Nation. Ознакомившись с этими сочинениями и изучив важнейшие из них в деталях, я приступил к объединению этой работы в виде письменного сочинения, озаглавленного: “Учение Фихте Старшего о самосознании. Предпосылки и аспекты гносеологии первого периода. Опыт дифференциации”... В результате у меня получилась работа размером в 324 писанные страницы, представленная, по окончании её, руководителю...

Закончив таким образом письменную работу, я сосредоточил на некоторое время своё внимание на философии права Фихте, обращаясь для этого, помимо подлинника, к курсам Фишера, Чичерина и Новгородцева.

Затем я перешёл к ознакомлению с философской системой Шеллинга. Для этого я обратился прежде всего к его оригинальным произведениям... Закончив ознакомление с поименованными творениями Шеллинга, я приступил к объединению этой работы в виде письменного сочинения на тему: “Учение Шеллинга об Абсолютном (Субъект. Вещь в себе. Дух. Организация. Бытие. История. Государство. Бог)”. Завершение его относится, однако, уже к текущему, второму году моего оставления, и посему должно быть показано в отчёте за 1908 год. Однако собрать литературные данные и проштудировать важнейшие сочинения, трактующие о философском и философско-правовом учении Шеллинга, я успел ещё в первый...

Далее, имея в виду данную мне инструкцию и получаемые мною от руководителя моего П.И. Новгородцева указания, а также пользуясь указаниями проф. А.С. Алексеева, я вёл, параллельно с изложенными только что занятиями, чтение по важнейшим общим вопросам государственного права, политики и обществоведения...

Далее мною были переведены на русский язык с немецкого и напечатаны: брошюра Штаммлера “Die Theorie des Anarchismus” мною одним и книга Eltzbacher’a “Anarchismus” – совместно с Н. Н. Вокач. Наконец, мною был напечатан ряд рецензий и критических отзывов о различных книгах научного содержания в журналах “Критическое обозрение”, “Московский еженедельник” и газете “Русские ведомости”»⁶¹.

В сентябре 1908 г., когда срок двухлетней подготовки истекал, П.И. Новгородцев в отчёте о работе своего ученика писал: «В качестве руководителя г-на Ильина я могу утверждать, что работы, представленные им в подтверждение успешности его занятий, свидетельствовали о крайне тщательном и серьёзном отношении его к своим задачам. Г-н Ильин действительно входит в существо изучаемого предмета и подолгу останавливается на каждой теме. В этом отношении он проявляет совершенно выходящую из ряда трудоспособность, соединённую с величайшей преданностью избранной им специальности. Его приходилось не побуждать, а останавливать в занятиях, опасаясь для него переутомления от чрезмерной работы.

Вместе с тем очевидно, что, несмотря на такую работу, г-н Ильин не мог выполнить в двухгодичный срок данной ему обширной программы. Его приём углубленного и всестороннего изучения каждой темы требовал значительного времени, и потому общая подготовка его должна была замедлиться»⁶².

Подготовка была продлена. За три года – с 1906 по 1909 – И.А. Ильин в ходе выполнения необходимой программы, на-

⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 14. Л. 128–139.

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 14. Л. 127.

писал шесть сочинений: «О “Наукоучении” Фихте Старшего издания 1794 г.», «Учение Шеллинга об Абсолютном», «Идеи конкретного и абстрактного в теории познания Гегеля», «Идея общей воли у Жан Жака Руссо», «Метафизические основы учения Аристотеля о *Doulos Fysei*⁶³», «Проблема метода в современной юриспруденции». Надо отметить, что в эти годы Иван Александрович проявляет интерес не только к философии и теории права, но и к истории и близко общается с историком Владимиром Ивановичем Герье (1837–1919).

В начале 1909 г. И.А. Ильин готовится к сдаче магистерских экзаменов. «Экзамен мой состоится во второй половине февраля; за участь его я довольно покоен, — пишет он сестре. — Для *рецензий* у меня (и у Тали) всегда найдётся время. Рад всяким монетам»⁶⁴. Он уверен в своих силах, так что даже может отвлечься на гонорарные статьи, тем более, что Наталия Николаевна равноправный с ним переводчик. В 1907–1909 гг. в «Критическом обозрении» публикуются обзорные рецензии Ильина на русские переводы книг немецких философов различных направлений, на книги русских учёных по социальной философии и культуре⁶⁵. В числе этих рецензий в 1909 г. в газете «Русские ведомости» (№222) выходит и рецензия Ильина на книгу «однофамильца» — Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Изд. “Звено”. М., 1909». При анализе этой книги Ильину пришлось отметить стиль автора: «Нельзя не обратить внимание на тот удивительный тон, которым написано всё сочинение; литературная развязность и некорректность доходят здесь поистине до геркулесовых столбов и иногда переходят в прямое издевательство над самыми элементарными требованиями приличия: словечки вроде “прихвостни”, “безмозглый”, “безбожно переврал”, “лакей” попадают буквально

---

⁶³ *Раб от природы (греч.)*.

⁶⁴ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 30.01.1909. [Т. 11]. С. 35.

⁶⁵ *Ильин И.А.* Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т. 14]. М., 2001.

по несколько раз на странице, а превращение фамилий своих противников в нарицательные клички является далеко не худшим приёмом в полемике г. Вл. Ильина»⁶⁶.

После сдачи экзаменов на степень магистра государственного права и чтения двух пробных лекций, И.А. Ильин был утверждён в звании приват-доцента кафедры энциклопедии права и истории философии права юридического факультета Императорского Московского университета. Он получает право преподавания в высших учебных заведениях и с осени 1909 г. на Высших женских юридических курсах читает лекции по истории философии права, ведёт семинар «Общая методология юридических наук». Теперь Ильины материально достаточно обеспечены, так что даже могут себе позволить помочь родным. Пересылая Л.Я. Гуревич сто рублей, Иван Александрович пишет: «Никакого отказа ни в чём нам не придётся себе делать из-за этих денег: эти деньги просто лежали бы у нас в копилке. Зима наша обеспечена впереди прекрасно (чтение на Высших женских юридических курсах даст мне 900 р. за три недельных часа и уроки в коммерческом от 400—700 рублей — столько мы ещё никогда не проживали). Всякий же случайный нехват обеспечивается вполне широким кредитом личного характера, который я имею у М.И. Бруна: я беру у него как у родного отца»⁶⁷.

19 декабря 1909 г. Л.М. Лопатин, Е.Н. Трубецкой и Г.Г. Шпет рекомендуют Ильина в члены Московского психологического общества. В 1910 г. начинают публиковаться научные работы Ильина, первая из которых — «Понятия права и силы»⁶⁸. В этом же году приват-доцент Ильин начинает читать лекции в Императорском Московском университете.

---

⁶⁶ *Ильин И.А.* Рецензия на кн. «Ильин Вл. Материализм и эмпириокритицизм». [Т. 14]. С. 57—58.

⁶⁷ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 30.05.1909. [Т. 11]. С. 36.

⁶⁸ Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн. 101(2). В том же году работа была издана 38-страничной брошюрой.

Европа

22 октября 1909 г. профессор П.И. Новгородцев пишет прошение на Юридический факультет Императорского Московского университета: «Честь имею ходатайствовать — командировать за границу на два года со стипендией с 1 января 1910 года оставленного при Университете по Кафедре истории философии права и энциклопедии права Ивана Александровича Ильина.

Г-н Ильин после пятилетних занятий под моим руководством блестяще сдал экзамен на степень магистра в истекшем академическом году. Он обнаружил совершенно необычную для своих лет эрудицию и обратил на себя внимание факультета как своими познаниями, так и присущим ему даром изложения. Подготовка г-на Ильина оказалась одинаково серьёзной как в юридических дисциплинах, по которым ему пришлось подвергаться испытанию, так и в области философии права. Все данные заставляют считать, что из него выработается не только дельный преподаватель, но и даровитый учёный, который сделает честь воспитавшему его Университету.

В настоящее время, сдав магистерский экзамен, г-н Ильин приступает к подготовке своей магистерской диссертации. И в целях лучшей работы над диссертацией, и в интересах дальнейшей подготовки к кафедре представлялось бы крайне желательным командировать г-на Ильина за границу, с тем чтобы он мог закончить свою работу и ознакомиться с постановкой преподавания в западных университетах. Я очень ходатайствую перед Юридическим факультетом оказать в этом отношении поддержку молодому и многообещающему учёному»⁶⁹.

В начале 1910 г. И.А. Ильин отправляется в научную командировку в Европу, куда он едет вместе с супругой. На период командировки Ивану Александровичу составляется инструкция:

⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 376. Л. 12.

«Г-н Ильин командирован за границу, с одной стороны, для того, чтобы подготовить диссертацию на избранную им тему “Кризис рационалистической философии права в Германии в XIX веке”, с другой стороны, для того, чтобы ознакомиться с характером и приёмами университетского преподавания по предмету его специальности. Для этого г-ну Ильину рекомендуются занятия в университетах Берлина, Гейдельберга, Фрейбурга, Галле, Геттингена, Марбурга и Парижа.

Имея в виду, что тема, избранная г-ном Ильиным, предполагает знакомство с исторической и современной разработкой теоретико-познавательных и социально-философских проблем, ему рекомендуется обратить внимание, с одной стороны, на общие курсы истории философии и теории познания, с другой — на курсы, специально посвящённые философии права и логике общественных наук. В особенности ему следует прослушать Зиммеля и Мюнстенберга в Берлине, Виндельбанда и Ласка в Гейдельберге, Штамmlера в Галле, Когена и Наторпа в Марбурге, Бутру и Бугле в Париже.

Принимая во внимание будущую профессорскую деятельность, г-н Ильин должен также обратить внимание на приёмы преподавания и особенно на постановку практических занятий. Для этого ему особенно рекомендуется посетить практические занятия Виндельбанда и Еллинека в Гейдельберге, Риккерта в Фрейбурге, Штамmlера в Галле, Когена и Наторпа в Марбурге»⁷⁰.

Основным местом работы Ильина в первый год научной командировки стала страна великих философов — Германия. Он занимается в университетах Берлина, Гейдельберга, Фрейбурга и Гёттингена. Весь 1910 год философ без перерывов погружён в работу. К концу года накоплен обширный материал, который порождает идеи, воплощаемые в статьи.

В кругу соотечественников Ильин читает свои записи, воспринимая их замечания и учитывая в дальнейшей ра-

---

⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 376. Л. 13–14.

боте. Так рождается одна из первых статей Ильина в Германии — «социально-психологический опыт» «О любезности». Иван Александрович пишет сестре: «Как было уговорено, бесстыдно эксплуатирую тебя: посылаю рукопись и письмо для Струве. Очень прошу тебя переслать или передать ему это. Письмо к нему не запечатаваю, чтобы ты, если захочешь, могла его прочесть. “Любезность” вышла первоначально длинна; я её два раза переработал и ещё в окончательном виде сокращал и сократил. Теперь в ней два листа, т.е. 31–32 страницы “Русской Мысли”. Просмотри в ней (если вообще захочется просмотреть) две последние главы, и тогда ты увидишь, какое большое количество материала пришлось совсем оставить за бортом или исключить потом. К тому, что я пишу Струве, могу только добавить, что сокращать её ещё я прямо не смог бы, ибо решительно всё, без чего можно обойтись, я вышелушил. Чувствую себя очень заинтересованным в отзыве и ответе Струве, но впадать в схематизм и сухое абстрактное утверждение — невозможно. Я читал “Любезность” у Юлии Лазаревны в присутствии Тали, Юлии Лазаревны, Шмуллера, обоих Штильманов, Хессина (случайно) и немножко Леонида Давыдовича. Их внимание доставило мне несколько приятных минут»⁷¹. Работа была опубликована в Москве в следующем году⁷². В эти годы Ильин начинает сотрудничество с П.Б. Струве. В дальнейшем их объединит общая судьба и единомушие.

Другая важная для понимания смысла культуры и искусства тема, затронутая И.А. Ильиным в Германии, посвящена проблеме пошлости: «Вынашиваю новый essay: “О пошлости” и иногда, предвкушая, ляскаю зубами от писательского аппетита». Философ всерьёз занят этой проблемой: «Внутренне часто возвращаюсь к вопросу о пошлости и феноменологически стучусь в неё... Писать о ней надо бережно; в самой теме так много суда, обличения и боли, что опасность:

⁷¹ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 07.02/25.01. [Т. 11]. С. 37–38.

⁷² *Ильин И.А.* О любезности // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. 1.

больше осудить, чем познать — очень велика. Надо ещё больше вскрыть источники её в самом себе; и напрасно не понимают люди, что истинный суд включает суд над собой и истинное обличение — самообличение. Творческое “нет” есть непременно “нет” по отношению к элементам своего микрокосма. Ненавистность пошлости — неопишима; у немцев захлёбываешься в ней. Всё живое воплощение высот — деградирующее. И самодовольство этого вседеградирующего массового хрюка — вопиет о себе не переставая»⁷³. Проблема пошлости найдёт своё отражение и в фундаментальном труде И.А. Ильина «Аксиомы религиозного опыта» (глава 24 «Религиозный смысл пошлости»).

Напряжённость работы доводит Ильина до изнеможения. И во второй год своей научной командировки Иван Александрович чередует интеллектуальное постижение богатства европейской культуры с её художественным восприятием: глубокий уход в философские изыскания и созерцание разнообразия западноевропейского искусства. Эта смена воспринимающего акта давала возможность цельного восприятия европейской культуры. Весной 1911 г. Ильины обходят «дивные картинные галереи» Германии в Дрездене и Мюнхене⁷⁴, наслаждаются полотнами Рембрандта в Касселе, любят архитектуру Кёльна, Майны, Страсбурга, в конце года посещают культурную столицу Европы — Париж, цитадель французского просвещения — Сорбонну. Супруги бродят по Альпийским горам в Швейцарии. В Италии Иван Александрович и Наталия Николаевна останавливаются во Флоренции: «Дорогой папа! Я во Флоренции. В первый раз вижу Италию и воспринимаю старое итальянское искусство во всём его богатстве, — пишет наш путешественник отцу. — Каждый день приносит целое богатство и, кроме еды и сна, не успеваю ничего сделать»⁷⁵.

---

⁷³ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 13.08/31.07.1911. [Т. 11]. С. 55–56.

⁷⁴ Ильин И.А. Письмо к А.Б. Левкович 27/14.03.1911. [Т. 11]. С. 21.

⁷⁵ Ильин И.А. Письмо к А.И. Ильину 12.04/30.03.1911. [Т. 11]. С.

В Италии, в Венеции, И.А. Ильин впервые увидел и полюбил море: «После двухчасового общения с ним трудно было уходить. Тогда-то мы и решили поехать непременно на океан; он должен знать какую-то древнюю, первую мудрость, и известные сомнения должны быть стёрты им»⁷⁶. Созерцать древнюю мудрость океана Ильины поехали во Францию, где «оседают на три недели в Бретани, у океана»⁷⁷.

В мае 1911 г. Ильины возвращаются в Германию, и несколько месяцев Иван Александрович работает в Гёттингене⁷⁸. Оттуда он пишет сестре: «Я не писал тебе долго потому, что почти тотчас же по приезде в Гёттинген сделал большое внутреннее усилие и ушёл в учение. Усилие было нужно тем большее, что за месяц жадного, пьющего зрения душа отвыкла от категорий рационального, и мне всё казалось, что глубокое никак не может быть выражено не линией и формой, без них. Успокоился тогда, когда почувствовал опять, что может, но тяготеет и к ним... Целые гнёзда выжжены во мне тем, что я видел, главное во Флоренции. И возвращаясь к этим гнёздам, я сам невольно удерживаю дыхание и умолкаю, чтобы не коснуться недостойно этих мест. Что-то постарело за этот месяц во мне, что-то свернулось и ушло в себя. Знание не только радость и боль, знание — старость и молчание. Что-то медленно, но тяжко и бесповоротно перелаживается во мне, и говорить об этом невозможно. Какие-то углы и опоры вышли из равновесия перед тем, как уложиться окончательно и по-новому»⁷⁹.

В своих поездках И.А. Ильин встречается с основоположником психоанализа Зигмундом Фрейдом, чьи идеи он учитывает в своих исследованиях о сущности человеческой личности и

21–22.

⁷⁶ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 13.8/31.07.1911. [Т. 11]. С. 57.

⁷⁷ *Ильин И.А.* Открытка к Л.Я. Гуревич. 13.08/31.07.1911. [Т. 11]. С. 51.

⁷⁸ *Ильин И.А.* Письмо к А.И. Ильину 12.04/30.03.1911. [Т. 11]. С. 21–22.

⁷⁹ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 27/14.05.1911. [Т. 11]. С. 45, 47.

межличностных отношений⁸⁰. В этих же целях он знакомится с трудами К.Г. Юнга. Наиболее важной для научных поисков Ильина стала встреча с основателем феноменологии Эдмундом Гуссерлем (1859—1938)⁸¹. «Для таких вопросов, которым несть числа в логике и вообще во всех философских областях, — за последнее время стал вырабатываться так называемый “феноменологический” метод, сущность которого (в корне своём он стар, как сама философия) состоит, говоря в двух словах, в следующем правиле: “анализу того или другого предмета должно предшествовать интуитивное погружение в переживание анализируемого предмета”... Этот феноменологический или дескриптивный метод, у сознательного возродителя коего (в логике) я провёл теперь всё лето (Гуссерль, Husserl), даёт и может дать несомненно массу нового и удивительно, непредставимо ценного по своему значению. Там, где виделись пустоты, оказываются заселённые места, где виделись заселённые места — обнаруживаются мнимые проблемы. Но главное — в гуманитарных, а особенно философских областях это есть единственный путь к тому “надкусу”, о котором я только что упомянул»⁸². В связи с феноменологией Ильин упоминает и К.С. Станиславского: «Когда побываешь в Москве и почувствуешь новые подготовки Станиславского, не забудь написать мне о том нарочито. Одна из моих давних и заветных мечт — иметь какую-нибудь связь с этим театром — может быть, долго ещё не осуществится, и я рад, что могу иметь через тебя нити и живые трепетные касания с Константином Сергеевичем»⁸³.

---

⁸⁰ См.: *Ильин И.А.* Письмо И.С. Шмелёву. 20.04.1935. // *Ильин И.А.* Собр. соч. Переписка двух Иванов (1935—1946). [Т. 13. Кн. III]. М., 2000. С. 47.

⁸¹ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 27/14.05.1911. [Т. 11]. С. 47.

⁸² *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 13.08/31.07.1911. [Т. 11]. С. 51—53.

⁸³ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 13.08/31.07.1911. [Т. 11]. С. 57.

Наработанные идеи И.А. Ильин воплощает в написание статей по психологии личности. В 1911 г. в московском журнале «Вопросы философии и психологии» публикуется статья Ильина «Идея личности в учении Штирнера: Опыт по истории индивидуализма»⁸⁴.

За время своего пребывания в стране классической философии Ильин переводит на немецкий язык свою статью «Понятия права и силы» и издаёт её в Берлине в 1912 г., снабдив собственными комментариями⁸⁵. Главная же научная работа, выполняемая Ильиным в эти годы – по философии Гегеля: «Она у меня не очень мчится. Не хочется подходить к ней, как к академическому испытанию и отодвигать на второй план её научно-творческий характер... Мечтаю издать её потом по-немецки; ибо знаю хорошо, что она так же, как и моя последняя работа о Фихте, – никому не нужна будет в России. А в Германии, может быть, кому-нибудь сгодится»⁸⁶.

Последние месяцы второго года научной командировки Ильин проводит в Париже⁸⁷. Когда время командировки подходило к концу, Иван Александрович понял, что «диссертация требует ещё трёх месяцев заграницы», но, понимая, что «Министерство мне наверное откажет в продолжении командировки на 1/2 года», он решает «сделать заём у друзей» и провести январь – март 1912 г. в Берлине⁸⁸. Доработав по теме за свой счёт, Иван Александрович с супругой возвращаются в Россию, предварительно совершив новый вояж

---

⁸⁴ Вопросы философии и психологии. М., 1911. Кн. 106(2). Кн. 112(2).

⁸⁵ *Ильин И.А.* Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 4. М., 1994.

⁸⁶ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 13.08/31.07. [Т. 11]. С. 56. Монография «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» была опубликована на русском языке в Москве в 1918 г.

⁸⁷ *Ильин И.А.* Письмо к А.В. Гольштейн 10.12/27.11.1911. [Т. 11]. С. 100.

⁸⁸ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 01.12.1911. [Т. 11]. С. 59.

по Европе. 24 марта они покидают Берлин и едут в Рим, останавливаясь по дороге в Бамберге (куда заезжают «ради собора»), Нюрнберге, Болонье⁸⁹. После Рима посещают Флоренцию, Неаполь, Вену и возвращаются в Россию.

Глава 6.

Познать человека

Летом 1912 г. вернувшиеся в Москву Ильины подбирают квартиру. В итоге они поселяются во втором доме по Крестовоздвиженскому переулку, в квартире № 36⁹⁰. «Профессорские года – квартира в Крестовоздвиженском переулке, IV этаж – балкон – пол-Москвы – и вид на этот купол. 10 лет зрелой жизни 1912–1922 (до изгнания). Здесь я задумал мою книгу о Монархии. Символ – Кремль Московский – Дворец – купол венчающий – *превосходное* по стилю и вкусу сооружение – мирозерцание... Сколько вокруг этого дворца гулялось, Александровский сад – кремлёвские стены – детство – все ворота – купол этот!.. И мимо него же меня увозили в тюрьму на Лубянку... Потом...»⁹¹.

Иван Александрович продолжает научную и педагогическую деятельность. Прежде всего, его интересует верный подход к познанию истины. «То, о чём я читаю (лекции), постоянно волнует меня. Слушаю, как в душе растут травы и деревья и всё крепнет и сбрасывает свою субъективистичность – она Сама: Очевидность духовных обстоятельств. Пределы моих интересов за это время: Студия Станиславского и Психиатрическая клиника»⁹². Он вновь возвращается к сотрудничеству со Станиславским для преодоления стены

---

⁸⁹ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 01.04.1912. [Т. 11]. С. 64.

⁹⁰ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 13.08.1912. [Т. 11]. С. 66.

⁹¹ Ильин И.А. Письмо к Е.Е. Климову, весна 1950 г. [Т. 12]. С. 50.

⁹² Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 05.12.1912. [Т. 11]. С. 70.

между субъектом и объектом познания. «Я был у Станиславского в среду 17 октября, обедал и просидел весь вечер. Впечатление такое, что этот гениальный человек гораздо нужнее мне и гораздо больше даёт мне, чем я ему. Или точнее: то, что у меня есть — или уже имеется у него, или ему субъективно не нужно; а то, что ему нужно практически и по его самочувствию — сотворчество в феноменологическом изучении аффективной жизни, — на это у меня не хватит времени; отчасти не хватит и доброй воли, ибо калеча непосредственность моего мышления феноменологической работой над мыслью, я испытываю острую потребность не калечить моего чувствования, сумасшедше-углубленного культурою “произвольного чувствования”»⁹³. Знакомство с Гуссерлем и феноменологией дало Ильину новый опыт научного познания и теперь он соединяет этот опыт с прежним увлечением системой Станиславского. Всё это помогает учёному укрепиться в духовном постижении основ личности, способной погружаться в Предмет как родовое духовное понятие. И.А. Ильину и как правоведа не обойти проблему личности и личностного сознания. Феноменологические изыскания учёного помогают ему глубже понять и само право, а также правосознание, как явление личного духа.

Надо сказать, что в отличие от многих столичных интеллигентов того времени Иван Александрович всегда оставался христианином, человеком глубокой сознательной веры. Так в 1912 — 1913 гг. учёный «серьёзно ощутил некоторое расхождение» с любимым адресатом — сестрой Любовью Яковлевной Гуревич именно на почве религиозной веры: «Оно совсем не от того возникло, что ты “застряла” или “отстала” или что-нибудь подобное. Я вообще не в состоянии судить, от чего именно возникло оно. Но впечатление у меня такое сложилось. Накапливалось давно, проверялось, недопроверялось, откладывалось, оставлялось под сомнением. Теперь сразу мобилизовалось и состоялось в форме определённого

---

⁹³ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 25.10.1912. [Т. 11]. С. 68.

ощущения. Именно — мне кажется, что у тебя недостаёт как бы некоторой решительности религиозно видеть и верить. Знаю, что утверждение это дерзостное, и недоказуемое, и, может быть, неверное; но я его и высказываю лишь в форме “впечатления”. И не подумай (избави Бог!), что я выдумал это впечатление для того, чтобы избавиться от необходимости признать, что мои слова “не стояли на высоте моей мысли”; ибо если ты даже способна допустить во мне такую необузданную мелочность, то прими хоть то во внимание, что, по моему глубокому и принципиальному убеждению, никто, кроме меня, не может быть компетентен в вопросе о соответствии моих слов — моим (!!) мыслям: ибо ведь они мои мысли. По одному этому уязвлённость не могла породить моё “впечатление”»⁹⁴. Для Ильина всегда было безусловным, что Бог есть. «Есть, это несомненно, удостоверительно. Его Бытие гораздо несомненнее нашего, ибо Его Бытием — мы только и живём и дышим. Милость Его и благодать Его я столь незаслуженно и достоверно испытал на себе, что трудно говорить об этом без слёз»⁹⁵.

В 1912 г. — 1914 гт. выходит несколько статей И.А. Ильина религиозно-философского характера: «Шлейермахер и его “Речи о религии”» («Русская мысль». М., 1912. № 23. Кн.2); «О возрождении гегелианства» («Русская мысль». М., 1912. №33. Кн.4); «Философия Фихте как религия совести» («Вопросы философии и психологии». М., 1914, Кн. 123(3)); «Учение Гегеля о сущности спекулятивной мысли» («Логос». Т. I. Вып. II. СПб., М., 1914)»⁹⁶.

---

⁹⁴ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 11.01.1913. [Т. 11]. С. 77.

⁹⁵ *Ильин И.А.* Письмо к неизвестному лицу, без даты. [Т. 12]. С. 17.

⁹⁶ Это первая статья И.А. Ильина из тех, что были положены в основу его двухтомной монографии «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». 22 февраля 1914 г. в Московском психологическом обществе И.А. Ильиным был прочитан доклад «Учение Гегеля о сущности спекулятивного мышления». 3 марта там же прошло обсуждение доклада.

Христианское мировоззрение помогает Ильину увидеть духовное достоинство человека. В течение всего своего творчества — от первых статей по правоведению и истории философии до объёмной монографии об «аксиомах религиозного опыта» и философских эссе последнего периода своего творчества — мыслитель последовательно развивает определённый взгляд на человека. «Человеку реально дан от Бога и от природы особый, определённый способ телесного существования, душевной жизни и духовного бытия: *индивидуальный* способ, — убеждён И.А. Ильин. — Всякая теория и всякая педагогика и политика, которые с ним не считаются, вступают на ложный и обречённый путь»⁹⁷. В понимании Ильина «живая личность» человека являет собою «телесно-душевно-духовный организм»⁹⁸, т.е., человек обладает трёхсоставным — телесным, душевным и духовным — естеством⁹⁹.

«Человеку “от природы”, следовательно, от Бога, дан некий способ земного бытия: трёхмерная живая телесность»¹⁰⁰. Каждый человек «пожизненно связан с одним единственным в своём роде телом, которое его овеществляет, изолирует, обслуживает, питает и символизирует» и которое является той «вещественной пропастью», что отделяет одних людей от других¹⁰¹. В этом заключается «первоначальная аксиома человеческого существования».

Внешне-земное существование человека благодаря телесному составу обусловлено материальными причинами: «Тело человека есть вещь, находящаяся среди других вещей», и для того, «чтобы жить, человек должен *заниматься* этими

---

⁹⁷ *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 258.

⁹⁸ *Ильин И.А.* Органическое понимание государства и демократии // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. М., 1993. С. 379.

⁹⁹ *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. С. 55.

¹⁰⁰ *И.А.* Основы христианской культуры // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 313.

¹⁰¹ *Ильин И.А.* Собр. соч. Аксиомы религиозного опыта. Том I. [Т.18. Кн. I]. М., 2002. С. 20.

вещами, *приспосабливать* их к своим потребностям, посвящать им своё *время*, отдавать им свой труд, *совершенствовать* их, *вкладывать в них себя и свои ценности*, как бы облакаясь в них, — словом, *превращать их в объективное выражение и продолжение собственной личности*»¹⁰². В таком течении жизни «тела среди других тел», «*вещи среди вещей*», человек «не нуждается в “сердце”, т.е. в живом и деятельном чувстве любви к Богу, к человеку и ко всему живому»¹⁰³. Однако «мы не можем и не должны презирать или тем более “отвергать” наше тело: ведь оно вводит нас в вещественный мир, полный разума и красоты: оно открывает нам все чудеса Бого-созданной твари, всю значительность, и чистоту, и величие материальной природы. Тело есть необходимое и естественное орудие нашего приобщения к Божию миру»¹⁰⁴. Более того, эта телесная «одинокость» человека имеет свои «великие и благодатные *преимущества*, потому что она есть живая основа и необходимая предпосылка *свободы духовности, личного очищения и просветления*» и без неё у человека не было той внутренней отрешённости, которая делает его независимо существующим индивидуумом. При отсутствии этой одинокости «человек был бы подобен дому с прозрачными стенами, в котором снаружи всё всегда всем видно» — «вечный сквозняк, вечный проход и пролом, безличное и бесформенное смешение, вечно погрязшая святыня»¹⁰⁵.

Однако тело человека несвободно, «оно находится в пространстве и во времени, среди множества других тел и вещей — то огромных, как планеты... то небольших, как животные и люди, то мельчайших, как пылинки, бактерии» — и всё

---

¹⁰² Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 267.

¹⁰³ Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 392.

¹⁰⁴ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 344.

¹⁰⁵ Там же. С. 370.

это «делает тело человека несвободным в движении, смертным и распадающимся до смерти, и всегда подчинённым всем законам и причинам вещественной природы»¹⁰⁶.

Следующая ступень проявления личности — «душа с её разнообразными функциями и силами, индивидуальная форма жизни и инстинкта»¹⁰⁷. «Душа — это весь поток не-телесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений; приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых соображений и праздных фантазий и т.д.»¹⁰⁸ Душевное не пространственно, не протяжённо, не материально, хотя оно и длится во времени и потому нередко описывается как душевный процесс¹⁰⁹. К тому же, «силы души могут быть заполнены нечувственными содержаниями, т.е. такими, которые лишены не только пространственно-материального, но и протяжённо-образного характера и не имеют для себя никакого, не только “адекватного”, но даже подобного чувственного коррелята»¹¹⁰.

По убеждению И.А. Ильина, душа так же индивидуально неповторима, как и тело, и «все разговоры о “коллективной душе” и “коллективном бессознательном” идут от людей, мыслящих неточно или же испугавшихся своего одиночества (например, своей беспомощности или своей ответственности). Коллективная душа есть плод фантазии или абстрактной мысли»¹¹¹.

И всё же душа человека, как и тело, несвободна. Прежде всего, она несвободна своей таинственной связанностью с телом, которое обусловлено жизнью своей природы: «Тело

---

¹⁰⁶ *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. С. 95.

¹⁰⁷ *Ильин И.А.* Основы христианской культуры. С. 313.

¹⁰⁸ *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. Три речи // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 3. С. 23

¹⁰⁹ Там же. С. 19.

¹¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹¹ *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. I]. С. 22.

человека ищет своих удовольствий... В это оно вовлекает человеческую душу, приучая её ориентироваться не вверх, а вниз, и незаметно превращая её в своё хитрое, изворотливое и лживое орудие»¹¹². Душа связана и своим внутренним устройством: «...законами сознания и бессознательного, силой инстинкта и влечений, законами мышления, воображения, чувства и воли»¹¹³.

Но уже внешняя жизнь человека отражает его сверхтелесные и сверхчувственные восприятия – веру, знание, добродетель, правосознание, любовь, уважение, честь, патриотизм¹¹⁴. Это, указывает И.А. Ильин, и есть проявления человеческого духа. «Человек есть не только живой организм: он есть *живой дух*», которому «подобает *свобода веры и любви, созерцания, убеждений и творчества*»¹¹⁵. «Мир духовного смысла», внутренние силы и способности человека, определяемые Ильиным, это – «чувствование (жизнь сердца)»; воля (способность решать, собирать свои внутренние силы); способность воображения («духовная интуиция»); энергия мысли (разум)¹¹⁶. Как видим, «духовность человека отнюдь не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпывается мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого»¹¹⁷. По мысли Ильина, «дух человека есть личная энергия, и притом *разумная энергия*; разумная не в смысле “сознания” или “рассудочного мышления”, а в смысле *предметного созерцания, зрячего выбора и*

---

¹¹² Ильин И.А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Том II. [Т. 18. Кн. II]. М., 2002. С. 281.

¹¹³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 95.

¹¹⁴ Ильин И.А. Основы художества. С. 88. Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 66–67.

¹¹⁵ Ильин И.А. Обоснование свободы // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 192.

¹¹⁶ Ильин И.А. Кризис безбожия // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 338.

¹¹⁷ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 399.

*действия в силу духовно-достаточного основания»*¹¹⁸. То есть духовное проявляется в человеке как через его способность к рационально-логическому мышлению (человеческий разум), так и через чувства, обращённые к нравственно-ценностным ориентирам (человеческое сердце, познающее любовь, совесть, чувство справедливости, молитвенное обретение Божественной очевидности). Сложно отрицать эти носящие нематериальный характер повседневные душевные и духовные чувствования.

Но не всякая интеллектуальная и чувственная жизнь человека является проявлением истинного духа. Чтобы яснее представить реальную суть духовных основ бытия, И.А. Ильин изъясняет: «Дух есть начало внутреннего закона и меры... Дух всегда несёт человеку идею священного запрета и долга... Дух открывает человеку путь к Богу»¹¹⁹. И «духовными органами» человека являются «очевидность, совесть, правосознание, художественное видение, любовь»¹²⁰. «Дух это то, что объективно значительно в душе», «лишь те душевные состояния, в которых человек живёт своими главными, благородными силами и стремлениями, обращёнными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством — в умозрении, молитве и таинстве; словом, на то, что человек признаёт *высшим и безусловным благом*»¹²¹. Здесь Ильин говорит об объективной основе человеческого духа, том Абсолюте, который даёт человеческой личности смысл её существования. Говоря о духовном, он всегда поднимает проблему качества. Индивидуальный дух, в соответствии с православным созерцанием, не есть брэнное небытие; он является самостоятельным, исполненным ответственности творением, которое идёт своеобразным путём в земной

---

¹¹⁸ Там же. С. 405.

¹¹⁹ *Ильин И.А. Яд большевизма // Ильин И.А. Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т. 14]. С. 377.*

¹²⁰ *Ильин И.А. Религиозный смысл философии. Три речи. С. 68.*

¹²¹ Там же. С. 23

жизни, равно как и в истории, и во Вселенной», и этот земной путь — лишь начальный эпизод, отмечает Ильин: «дальнейшее сокрыто, ждёт своего часа, и это значит, что человеческий дух в его единственной индивидуальности *бессмертен*»¹²².

Духживёт повсюду, где появляется или переживается людьми Совершенство, проявляется влечение к Совершенству как смысл человеческой жизни, как внутренняя и реальная творческая причина¹²³. Вопрос же о нравственно-совершенном решается совестью, как «особым органом духа или особым актом опытного восприятия»¹²⁴. «Призывы совести бесконечно расширяют горизонт человеческих возможностей, утверждая в каждом из нас способность найти путь к совершенству и вступить на него»¹²⁵. Именно «совесть утверждает, созидает и укрепляет духовно-личное начало в человеке»¹²⁶. Верное и целостное переживание совестного акта становится в жизни человека неким переломным пунктом, когда *духовное достоинство* получает своё утверждение и «несомнительную подлинность»¹²⁷. Именно дух, пишет Ильин, открывает человеку «настоящий, подлинный, достойный Предмет для его любви, тот Предмет, который сам по себе выше мира»¹²⁸. И только «внутренний духовный опыт делает человекообразное существо воистину человеком, т.е. духовной личностью, с неразложимым, священным центром, с индивидуальным характером, со способностью духовно творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство»¹²⁹.

---

¹²² Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 456–457.

¹²³ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 410.

¹²⁴ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 120.

¹²⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 404–405.

¹²⁶ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 362.

¹²⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 139–140.

¹²⁸ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5. М., 1995. С. 135.

¹²⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 70.

Почему же множество людей не замечают своей духовной сущности? Потому, отвечает Ильин, что «люди живут слишком часто вне духовного опыта»¹³⁰. Да, «дух живёт во плоти, но не совпадает с ней, не подчиняется ей и не разделяет её земную судьбу»¹³¹. «Дух не телесен», и «не совпадает с телом по способу бытия (ибо он не протяжён, не пространствен, не имеет ни анатомического и биохимического состава, ни физиологических функций, не подлежит огню и воде, не испытывает нервной боли и т.д.)»¹³². Тело лишь «материальный носитель духа»¹³³. Дух пользуется «одушевлённым телом», лишь как «своим выразительным знаком и действующим орудием»¹³⁴. Также «дух, ведя до известной степени *душевную* жизнь, отнюдь не совпадает и с нею и не исчерпывается ею», ибо «он способен утверждать свою независимость от инстинктивных влечений»¹³⁵.

Именно дух есть та «живая сила, энергия, которая чувствует себя выбирающей, решающей и действующей»¹³⁶. Именно «дух есть по существу своему начало *самодетельное* и самоопределяющееся; и притом — во всех сферах его жизни»:

«1. Поскольку человек живёт волею, постольку ему необходимы собственные решения, напряжения и усилия, собственная стойкость и верность. Никто не может сделать “за другого” волевых усилий»;

«2. Поскольку дух человека живёт пониманием и мыслью, постольку человек призван сам понимать и иметь свои собственные мысли, воззрения и убеждения. Человека, неспособного к этому, еще Аристотель определял как “раба от природы”»; и был прав... Умственная зрелость есть способность

---

¹³⁰ Ильин И.А. Основы художества. С. 88.

¹³¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. II]. С. 248.

¹³² Там же. С. 247.

¹³³ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 456.

¹³⁴ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. [Т.18. Кн. II]. С. 247.

¹³⁵ Там же. С. 248.

¹³⁶ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 403.

духа к самостоятельному наблюдению и к самостоятельному исследованию»;

«3. Поскольку дух человека живёт чувством и любовью, постольку приходит в движение самая глубокая и интимная сторона его духовного существа. Нельзя полюбить “за другого”... Любовь, этот “личнейший” огонь духа и души, загорается и гаснет по законам самобытности и самостоятельности»;

«4. Закон духовной автономии подтверждается и на творческом воображении человека... Художник может уйти в сферу духовных Предметов — только свободно любя и созерцающая, сосредоточивая свои лучшие силы, своё вдохновение на свободно воспринятом и выношенном эстетическом содержании»¹³⁷.

И.А. Ильин говорит о «царственной свободе духа»¹³⁸: лишь дух «умеет хранить свою самостоятельность и независимость от тела и способен даже повелевать ему»¹³⁹. «Человека освобождает только прорыв к духу, только осуществление духовных состояний»¹⁴⁰. И при должном внимании дух «переживается человеком как самая настоящая реальность»¹⁴¹. Дух есть «самое главное в человеке»: «сила личного самоутверждения в “предстоянии Богу” и в “достоинстве”»; «живое чувство ответственности»; «живая воля к Совершенству»; «дар очевидности»; «любовь и служение»; «сила личного самоуправления»; «дар свободы», «потребность священного», «радость верного ранга», «дар молитвы», «сила поющего сердца», «источник всей истинной культуры»¹⁴².

---

¹³⁷ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. I]. С. 54–55.

¹³⁸ Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 67.

¹³⁹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. II]. С. 248.

¹⁴⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 190.

¹⁴¹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 456–457.

¹⁴² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. I]. С. 94.

Однако свобода предполагает выбор: «... человек живёт всегда один-на-один с собой, предоставленный себе самому на своё духовное усмотрение, постижение, обращение, решение, очищение и просветление; или же — на своё разнуздание, жесточение и погубление»¹⁴³. Человек может добровольно поработить свой дух бездуховным явлениям: «Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая их за главное в жизни, *их* любя, *им* служа и предаваясь, — то он сам неизбежно превратится в чувственное существо, ... в наслаждающееся бездуховное животное; и это будет выражаться в его лице, ... смотреть из его глаз и управлять его поступками»¹⁴⁴. И наоборот, «если человек верует в Бога..., то божественные содержания становятся для него жизненным центром»¹⁴⁵. В любом случае возникает некое тождество индивидуальной души и предмета, на который направлена личная духовная энергия. Духовный рост предполагает волевое преодоление хаоса, культивирование душевных состояний. Духовное понимание личности даёт Ильину возможность утверждать «аксиому жизни»: «Жизнь имеет смысл и может совершенствоваться только тогда, когда бережётся и растится качество; нет его — и гибель становится неминуемой. А качество творится и обеспечивает прежде всего и больше всего *культурой личного духа*»¹⁴⁶. Да, «человеку не легко быть духом и растить в себе подлинную (т.е. автономную) духовность... Но ссылка на трудность великого задания не даёт права погасить самую цель и призвание»¹⁴⁷.

Таким образом, научные взгляды Ильина исходят из того, что «человек есть по существу своему живой, личный дух»¹⁴⁸, и этот «дух есть живая личность, ответственная перед Богом и отвечающая за себя перед другими людьми, — за свои верова-

---

¹⁴³ Там же. С. 29.

¹⁴⁴ Ильин И.А. Кризис безбожия. С. 346–347.

¹⁴⁵ Там же. С. 347.

¹⁴⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 259.

¹⁴⁷ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. I]. С. 65.

¹⁴⁸ Там же. С. 33.

ния и воззрения, за своё делание и неделание»¹⁴⁹. «Человеку дано быть духом, в этом основной смысл его жизни»¹⁵⁰ и под его водительством каждый человек призван «осуществлять в себе задуманную Богом гармонию духа, души и тела»¹⁵¹.

На основе духовного понимания личности у И.А. Ильина формируется и соответствующее понимание общества и организующих его явлений — права и государства.

Глава 7.

Духовные основы общества

Приват-доцент Кафедры энциклопедии права И.А. Ильин в своей первой работе по теории права «Понятия права и силы (Опыт методологического анализа)» (1910 г.) ставит одну из «проклятых» в теории права проблем — о соотношении права и силы. Эта, казалось бы, теоретическая проблема правоведения имеет важное жизненное значение: «Самые различные социальные группы заинтересованы в том или ином практическом разрешении конфликта между правом и силой, в установлении так называемого “правильного” соотношения между этими моментами общественной жизни»¹⁵². Поэтому данная проблема играет видную роль в истории политических учений и «самые различные философские, политические и юридические доктрины подходят к ней с тем, чтобы дать ей то или иное истолкование и решение»¹⁵³.

Ясно, что «понятие силы имеет всегда онтологическое значение» — эмпирически или метафизически, во времени или вне времени, самостоятельно или зависимо. При

---

¹⁴⁹ Ильин И.А. Обоснование свободы. С. 192.

¹⁵⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 271.

¹⁵¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 269.

¹⁵² Ильин И.А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа). С. 7.

¹⁵³ Там же. С. 7.

этом сила как способность к действию, всегда связывается с «представлением о каком-нибудь носителе, который сам является членом *реального* ряда: элементом внешнего мира или элементом психической жизни»¹⁵⁴. И «для того, чтобы понятие права сближалось с понятием силы или тем более поглощалось им, необходимо, чтобы оно само переносилось в *онтологический ряд*, чтобы право так или иначе само становилось членом *реального* ряда, получало значение чего-то *реального*. Вне этого понятия силы и права не могут сближаться»¹⁵⁵.

И.А. Ильин идёт путём рассмотрения понятия права через понятие порядка. Любой правовед и тем более юрист-теоретик понимает, что «*право есть норма или совокупность норм*». «Порядок есть известное *постоянное отношение между элементами множества*» и он непременно предполагает наличие не одного элемента, а двух или многих, между которыми «устанавливается известное *отношение*, ибо элементы, мыслимые вне всякого отношения друг к другу, как взятые из разных, взаимно индифферентных, плоскостей, не могут образовать ни порядка, ни беспорядка»¹⁵⁶. Итак, порядок есть известное постоянное отношение между элементами множества. Этот порядок устанавливается в норме как *должный*. Если суждение устанавливает известное постоянное отношение между элементами множества как обобщение, добытое анализом временной или пространственно-временной данности (т.е. действительности), то оно формулирует закон. Конечно, трактовка права как нормы и как суждения даёт возможность отвлекаться от всякой временности и действительности, бытия и реальности.

И.А. Ильин делает замечательный вывод об объективности права: «Возможность и ценность *нормативного* рассмотрения права в отрыве от политического, социологического, истори-

---

¹⁵⁴ Там же. С. 13.

¹⁵⁵ Там же. С. 15.

¹⁵⁶ Там же. С. 17.

ческого и психологического и возможность *логического* рассмотрения суждения в противоположность психологическому — должны получить и получают постепенно в последние годы признание в разных областях научного мышления — в логике и юриспруденции. Это, несомненно, знаменательный плод методологического углубления познания»¹⁵⁷. С первых своих работ Ильин отстаивает важнейшую для себя истину о существовании объективных понятий, в том числе — социальных. И для него «значение права, правильно установленного..., в том, что оно хранит в себе некий верный масштаб и некое верное правило поведения»¹⁵⁸, а не является выдумкой определённых социальных групп.

Объективность права Ильин обосновывает, исходя так же из духовных оснований общества: «Право есть явление духовной правоты; оно имеет объективное значение, и это значение покоится, в свою очередь, на безусловной ценности духа, его содержаний и его состояний. Поэтому право всегда таит в себе некое безусловное достоинство и с основанием притязает на признание и повиновение; право есть нечто объективно “верное”, “правое” и “ценное”»¹⁵⁹. Задача законотворца — уловить это объективно верное в духовной жизни общества, и тем самым обеспечить здоровую жизнь государства, нации. Верное законодательство формирует и верное правосознание граждан. И.А. Ильин указывает, что «три великие аксиомы лежат в основе здорового правосознания:

чувство собственного духовного достоинства,
способность свободного человека к самоуправлению и
взаимное уважение и доверие людей друг к другу»¹⁶⁰.

Прежде всего, в основе здорового правосознания лежит «чувство собственного духовного достоинства, внутренняя

---

¹⁵⁷ Там же. С. 21.

¹⁵⁸ *Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 179.*

¹⁵⁹ Там же. С. 409.

¹⁶⁰ *Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 504.*

дисциплина воли»¹⁶¹. «Чувство собственного духовного достоинства, — это воспитанная в нас христианством живая основа личности и её служения (морального, общественного, гражданского и воинского), есть дело свободного опыта и свободного утверждения: кто сам не воспринимает в себе Божьего сына, того не исправит никакой террор»¹⁶². Великое социальное значение верного чувства собственного достоинства, которое доступно только духовной личности, в том, что «человек без чувства ответственности и чести — неспособен ни к личному, ни к общественному самоуправлению», «человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх»¹⁶³.

И.А. Ильин также убеждён, что «все живые источники человеческого качества — от элементарной порядочности до высших ступеней святости, — суть дело свободы, ... самостоятельного приятия и осуществления»¹⁶⁴. Поэтому, «кто берёт у людей свободу, тот лишает их всех источников добра в жизни. Путь к вере, к любви, к смирению и героизму, к очевидности и художественному созерцанию — есть путь свободы, личного обращения к лучу Благодати. ... Без свободной любви — иссякает в жизни всяческое благо: — вера и знание, совесть и честность, правосознание и верность, искусство и хозяйственный труд, патриотизм и жертвенность»¹⁶⁵. Без личной свободы у нации нет исторической перспективы.

Лишь в обществе свободных личностей с чувством собственного духовного достоинства рождается взаимное уважение и доверие людей друг к другу. Правосознание есть достояние лишь свободных граждан, воспринимающих право как

---

¹⁶¹ Ильин И.А. О сильной власти // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 409.

¹⁶² Ильин И.А. Обоснование свободы. С. 194.

¹⁶³ Ильин И.А. Предпосылки творческой демократии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 451—452.

¹⁶⁴ Ильин И.А. Обоснование свободы. С. 194.

¹⁶⁵ Там же.

«нечто “верное”, “правое” и “ценное”»¹⁶⁶. Поэтому они могут воспринимать его регулирующее значение и необходимость повиновения его объективным нормам.

Без права и правосознания невозможно существование общества и государства. Как пишет Ильин, политическая, государственная власть есть «социально сосредоточенное и юридически организованное влияние воли одних, лучших и уполномоченных людей на волю других, подчинённых, причём подчинённые связываются не только правотою и силою власти, но и собственным правосознанием; это влияние должно служить торжеству естественного права, т.е. его обретению и осуществлению как единого и общего порядка жизни»¹⁶⁷. И как показывает исторический опыт, «авторитет положительного права и создающей его власти покоится не только на общественном сговоре, не только на полномочии законодателя, не только на внушительном воздействии приказа и угрозы, — но прежде всего и глубже всего на духовной правоте, или, что то же, на содержательной верности издаваемых повелений и норм. Именно эта духовная верность творимого права является всегда лучшим залогом того, что авторитет права и власти будет действительно признан правосознанием народа и что их политическая прочность соединится с жизненною продуктивностью»¹⁶⁸.

Государство совсем не есть «система внешнего порядка», осуществляемая через внешние поступки людей. Для Ильина материалистическое понимание сущности государства есть «*дурной предрассудок*». Ильин указывает на духовную сущность государства: «Государство не есть система внешних явлений, поступков и событий. За каждым явлением скрыт дух, который всё определяет»¹⁶⁹. И как «*внешние проявления*

---

¹⁶⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 409.

¹⁶⁷ Там же. С. 292.

¹⁶⁸ Там же. С. 291.

¹⁶⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 02.07.1945. [Т. 13. Кн. II].

политической жизни совсем не составляют самую политическую жизнь», так и «внешнее принуждение, меры подавления и расправы... совсем не определяют сущность государства»¹⁷⁰. «Государство творится внутренне, душевно и духовно; и государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе; её орудием, или органом является человеческое правосознание»¹⁷¹.

«В истинном и полном смысле слова, — права и государства нет вне множества индивидуальных, но связанных постоянным общением правосознаний, — указывает Ильин. — Именно этим определяется связь государственности со всею духовною культурою народа и особенно с его религиозною культурою»¹⁷². Как право имеет полноту бытия только через правосознание, так «государство имеет полноту бытия, только через душевно-духовное переживание и осуществление людьми его цели и его средств, его содержания и его формы»¹⁷³. Государственное состояние людей есть прежде всего духовное состояние множества индивидуальных душ. «Стихия государства, — по глубокому убеждению Ильина, — есть стихия человеческого духа. Но именно в этой стихии зарождается и созревает — и прекрасное искусство, и истинное знание, и нравственное совершенство; сюда нисходит и божественное откровение»¹⁷⁴.

И тем не менее, тысячелетняя история мировой цивилизации свидетельствует о том, что право и государство периодически вступают в состояние глубокого кризиса. Несмотря на то, что по своему объективному назначению право есть орудие порядка, мира и братства; в реальном историческом осуществлении оно слишком часто прикрывает собою ложь и насилие, бунт и войну. Причину этого Ильин видит в том, что

---

¹⁷⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 234–235.

¹⁷¹ Там же. С. 235.

¹⁷² Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 387.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

«человечество, строя правопорядок, теряет из вида единую, безусловную цель политического единения и превращает его в орудие для условных, малых заданий и частных вожделиний; отсюда вырождение правовой и государственной жизни — безыдейность власти и умаление её авторитета, отсутствие солидарности между гражданами и классами, гражданская война внутри государств и постоянные вспышки открытых войн между народами»¹⁷⁵.

Первой аксиомой власти для здорового государственно-го бытия Ильин называет то, что «государственная власть не может принадлежать никому помимо правового полномочия», ибо «законодатель естественной правоты должен обладать особою — предметною и духовною компетентностью». В порядке политической целесообразности этого требует принцип организации, покоящийся на разделении функций, на их распределении, на общественном соглашении и признании. Мало того, правосознание требует, чтобы самая власть воспринималась не как сила, порождающая право, но как полномочие, имеющее жизненное влияние (силу) только в меру своей правоты. Поэтому только «духовно-зрячий человек может иметь основание и право принять на себя властное руководство общественной жизнью». И исторически существующее положительное право «родится не от силы, но исключительно от права и в конечном счёте всегда от естественного права»¹⁷⁶.

Ильин также указывает на «единство государственной власти», которое следует понимать не в смысле единства органа власти или нераспределимости властных полномочий, а «в смысле единого организованного волеуправления, выражающегося в единстве обретаемого и осуществляемого права»: «положительное право по самому смыслу своему определительно, недвусмысленно и едино; это единство его есть проявление присутствующей в нём и освящающей его

---

¹⁷⁵ Там же. С. 403.

¹⁷⁶ Там же. С. 295.

естественной правоты»¹⁷⁷. Единство государства определяется его целью, ибо Ильин считает, что «государство есть явление целевое». Цель приемлетя волею, которая определяется духом нации, формирующей государство. Государства могут быть похожи внешне, на самом же деле одно из них может стать «радостным событием истории, а другое скверным злодейством», ибо важно внутреннее целеполагание: «Что любил? Чего добивался? Чего хотел? Куда ведёшь? Любишь свой народ, бережёшь его, растишь его культуру и веру — или тиранствуя, мучаешь его, злоупотребляешь им, ведёшь его на мучительное оскудение и в прорву духовной пошлости? Это не только не безразлично, в этом всё»¹⁷⁸.

Высокое социальное назначение государственной власти — «формулировать естественно правоту в виде положительных норм», отсюда оно получает «значение единого и единственного компетентного источника права; так что только полномочное приобщение к ней может сообщить человеку или органу правоустанавливающую компетенцию»¹⁷⁹. Как «всякое искусство призвано создавать гармонию», так каждое государство призвано к формированию «социальной гармонии»¹⁸⁰.

Таким образом, по убеждению Ильина, «государство есть организованное общение людей, связанных между собою духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом, но поддерживающих её силою патриотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками»¹⁸¹. «Государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как родина, оформленная и объединённая публичным правом, или

---

¹⁷⁷ Там же. С. 297.

¹⁷⁸ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 02.07.1945. [Т. 13. Кн. II]. С. 316–317.

¹⁷⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 297.

¹⁸⁰ Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 177.

¹⁸¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 238.

иначе: *множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания. ...Этим всё сказано*¹⁸².

«Все мы одна ткань Божия, — напоминает Ильин, — и смысл нашей жизни в поддержании и штопании этой ткани; каждый голодный и мучающийся — порвавшаяся нитка; а когда умирает человек, то он делается узелком с изнанки, закрепляющим общую цельность ткани»¹⁸³. Для поддержания здорового состояния «ткани жизни», для того чтобы в обществе было меньше страданий и горя, «учение о нормальном правосознании столь же необходимо человечеству, сколько учение о теоретической очевидности, о совести, об эстетическом вкусе и об аксиомах религиозного опыта»: «предметом такого учения является некоторое, *объективно верное и безусловно ценное состояние человеческой души*, которое в строении своём имеет не только познавательный, но и чувствующий и волевой характер. Это есть не только верно знающее, но и верно чувствующее, и верно желающее душевное состояние; и именно предметная верность и духовная ценность его придают ему ту жизненную мощь и ту безусловную ценность, которые позволяют назвать его здоровым и верным правосознанием»¹⁸⁴.

Глава 8.

Война

В 1913 г. Российская империя торжественно праздновала 300-летие царствования династии Романовых. Всем были видны значительные достижения в хозяйственном развитии

---

¹⁸² Там же. С. 234.

¹⁸³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 20.01.1940. [Т.13. Кн. II]. С. 288.

¹⁸⁴ *Ильин И.А.* О сущности правосознания. С. 404.

страны, успехи отечественной науки и техники, шедевры русской литературы, живописи и музыки. Казалось бы, золотой век России должен был длиться и длиться... Но наступил 1914 год: провокация в Сараеве ввергла Россию и Германию в империалистическую войну, которая разгорелась в общемировую.

Война застала Ильина в Вене, где он работал над монографией по философии Гегеля. Через Болгарию, Чёрным морем он пробирается в Россию и к началу сентября прибывает в Москву. По пути из Причерноморья в Москву он видит, что начало войны встречено общенародным патриотическим подъёмом. Иван Александрович влился в общенациональный настрой. Он получил повестку о призыве в Русскую армию, однако, как преподаватель университета, был освобождён от призыва.

Иван Александрович описывает состояние общества первых месяцев войны: «Петроград как-то рисуется мне более растерянным и беспокойным. В Москве, наоборот, за исключением кое-каких дам, получивших прозвище “газета Дамская Паника”, царит большая бодрость, творческая и организационная. Родзянко на днях изумился тому, что здесь устроено Земским Союзом, а он не видел ещё частной инициативы. Каждая социальная ячейка имеет свой лазарет, где всё бывает свободно, несут раненым, что хотят, говорят с ними свободно, и оттуда раненые иногда даже ухитряются слетать на родину к своим повидаться. Постоянно можно видеть на улицах пары: раненый — интеллигент, раненый — барышня, раненый — ребёнок — гуляют. Их водят в Третьяковскую галерею, в народный дом; лежачим поют, читают вслух, рассказывают сказки, играют на инструментах. “Мобилизованы” для этого все артисты. Высшие учебные заведения ломаются; посещаемость огромна. Напр., на первой лекции моего необязательного курса в университете было около 150 человек. Курсы наши набиты, да и совсем не только наши. Хотят учиться и совсем не только “слушать о войне”. Евг. Трубецкой и Рачинский устраивают при Земском Союзе de

rebus omnibus¹⁸⁵ в пользу раненых; называется так: “научно-духовно-религиозное осмысление войны”. Предполагается читать в Москве, Петрограде и провинции. После они получили согласие от: себя, Новгородцева, Котляревского, Булгакова, Маклакова, Ледницкого, Бердяева, Эрна, Давыдова, Вяч. Иванова, историка Егорова и меня»¹⁸⁶. И.А. Ильин возмущается идеей, высказанной П.Б. Струве «о том, что вся Россия должна быть превращена в тыл армии. Я всеми силами работаю и буду работать во имя обратного: *армия должна стать вещественным выражением духовного творческого подъёма в стране. Дух должен вести армию к победе, а страну к обновлению. Иначе не стоит жить*»¹⁸⁷.

С первых дней прибытия в Москву Иван Александрович приступает к подготовке публичных докладов «об истинном патриотизме» и «войне как духовном делании»¹⁸⁸. В 1914–1915 гг. философ читает доклады в Университете, Психологическом обществе, Земском союзе, участвует в дискуссиях по войне, оппонирова «черносотенным» выступлениям С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, Эрна¹⁸⁹. В ноябре планирует совершить «лекционное турне с Трубецким по южным городам»¹⁹⁰. По просьбе Трубецкого и Рачинского он пишет работы по духовно-нравственным проблемам войны. Первая – «Основное нравственное противоречие войны»¹⁹¹ – выходит в журнале «Вопросы философии и психологии» (М., 1914. Кн. 125(5)), вторая – «Духовный смысл войны»¹⁹² – отдельной брошюрой (М., 1915, 48 с.). В этих работах Ильин

¹⁸⁵ *Обо всех обстоятельствах (лат.).*

¹⁸⁶ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 26.09.1914. [Т. 11]. С. 83–84.

¹⁸⁷ Там же. С. 83.

¹⁸⁸ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 19.09.1914. [Т. 11]. С. 82.

¹⁸⁹ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 26.09.1914. [Т. 11]. С. 84.

¹⁹⁰ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 27.10.1914. [Т. 11]. С. 85.

¹⁹¹ *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. М., 1995.

¹⁹² *Ильин И.А.* Духовный смысл войны // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 9–10. М., 1999.

впервые ставит вопросы, разрешённые им через годы, уже в изгнании, в фундаментальном труде «О сопротивлении злу силою».

И.А. Ильин смотрит на войну, прежде всего, как на трагедию: «Нет в жизни более тяжёлого во всех отношениях времени, как время войны»¹⁹³. Ко всем обычным бременам жизни, лежащим на душе человека, война прибавляет новое и горшее бремя: война как бы переворачивает нравственные принципы и добрые человеческие побуждения в самых основах. «Душа постоянно и подлинно испытывает, что *род человеческий душевно и духовно един*; душевно един — ибо живёт в сплошном реальном взаимодействии; духовно един — ибо творчески восходит к единой истине, единому добру и единой красоте»¹⁹⁴. И вот во время войны нравственно-духовный строй и порядок нарушаются необходимостью человекоубийства. «Позволительно ли убивать человека? Может ли человек разрешить себе по совести убиение другого человека?»¹⁹⁵ — вот вопрос, из которого вырастает основное нравственное противоречие войны. Всё время войны люди живут под гнётом этого противоречия между нравственными принципами и жестокими реалиями войны.

Конечно, Ильин не думает утверждать, что каждое убийство врага на поле брани сопровождается в душе убивающего глубоким переживанием происходящего. Прежде всего само решение убивать не падает всем своим бременем на душу убивающего солдата, ибо его участие в войне есть акт повиновения внешнему приказу, который исходит от государства. Однако этот противовес, облегчающий, на первый взгляд, совесть воина, в действительности лишь осложняет дело: «государственный орган, учитывающий конфликт, констатирующий невозможность дальнейших мирных переговоров и организуемый военное осуществление распри, является в наших

---

¹⁹³ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. С. 7.

¹⁹⁴ Там же. С. 15.

¹⁹⁵ Там же. С. 9.

глазах виновником и чуть ли не создателем столкновения»¹⁹⁶. У человека остаётся сознание неправоты государства. Так, противолобный отрыв, лежащий в основе всякого убийства, накапливает враждебную энергию в обществе. Это весьма важный вывод Ильина, ибо вскоре накопленная «всем социальным коллективом» «враждебная энергия» потрясёт основы России.

И.А. Ильин указывает на основную ошибку применённого и в войне принципа «цель оправдывает средство»: здесь «не различается вопрос о *нравственной доброкачественности* деяния и вопрос о *практической целесообразности*»¹⁹⁷. Ильин считает, что «никто не должен закрывать себе глаза на нравственную природу войны»: «Мучения и убийства, которые люди чинят друг другу в сражении, не станут ни благим, ни праведным, ни святым делом, каким бы целям они ни служили. Но каждый раз, как человек, имея возможность выбирать и решать, совершает нравственно недоброкачественное деяние, он несёт на себе вину; поэтому война есть наша *общая великая вина*»¹⁹⁸. Никакая казуистика не должна заслонять вины.

Что же делать осознающему это? Стать на путь непротивления и не участвовать в войне? «Учение о *несопротивлении нападающему* как об одном из действительных нравственных средств борьбы со *злым и хищным желанием нападающего* было по справедливости недооценено в то время, когда его выдвинул Лев Николаевич Толстой, — считает Ильин. — Полагали, что достаточно указать на возможное исключение из общего правила, и от идеи ничего не останется. А между тем это далеко не так. Каждый раз, как человек в жизненной борьбе обращается к насилию... он должен сознавать и признавать, что прибегает к средству нравственно неоправданному, что он ставит человеческие отношения на почву страха и коварства,

---

¹⁹⁶ Там же. С. 21.

¹⁹⁷ Там же. С. 23, 24.

¹⁹⁸ Там же. С. 26.

что он порывает со строем, покоящимся на уважении, свободной очевидности, доверии и щедрости, что он вступает на тот путь, естественным пределом которого является убийство»¹⁹⁹. Однако «бывают в жизни человека такие положения, когда вся прошлая виновная жизнь его приводит его к необходимости взять на себя *открыто и сознательно новую вину*. И если человек оказывается неспособным к этому, то нравственная и духовная жизнь его терпит величайшее крушение»²⁰⁰. Именно такие обстоятельства складываются в войне, когда окружающим угрожает опасность порабощения и смерти и кто-то должен взять на себя тяжёлое бремя противного человеку деяния. «Именно на войне решимость принять на себя новую вину выливается неизбежно в форму бескорыстного и самоотверженного духовно-творческого напряжения, высота и чистота которого не имеет подчас равной себе, — отмечает Ильин нравственную сторону исполнения воинского долга. — Нравственное противоречие *не разрешается и не устраняется* в этом героическом исходе, но *применяется и изживается* во всём своём значении и во всей своей глубине»²⁰¹. И в этом принятии на себя последствий своего виновного делания, есть проявление «истинного героизма, трогающего душу и не позволяющего произнести слово осуждения»: «герой открыто избирает *неправедный* путь, ибо праведного пути нет в его распоряжении»²⁰².

В работе «Духовный смысл войны» Ильин подходит к рассмотрению войны с точки зрения её влияния на духовно-нравственное состояние общества и личности. Мыслитель отмечает, что в современном обществе царит величайшее нравственное и духовное разъединение. В повседневной, обыденной жизни противоречия личного и общественного интересов, индивидуального начала и родового незаметно выстраивают «перегородки» внутри общества: «Душа наша

---

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. С. 28.

²⁰¹ Там же. С. 29.

²⁰² Там же. С. 30.

обрастает целым множеством узаконенных ледяных покровов, избавляющих нас от необходимости “отвечать” на призыв, если он “чужой”, и отзываться на беду, если она не “наша”»²⁰³. Души разъединены своими личными заботами, своим устройением, и человеку редко приходится сталкиваться с ситуациями, которые заставляют его осознавать интересы общества, государства, нации в целом. В ситуации общенациональной угрозы к людям приходит осознание своей общности как одного народа: «Люди чувствуют себя как бы ветвями и листьями единого дерева; их корни где-то сплелись; их души тянутся к одной и той же цели. Где-то там – мы *одно*. Там *наше* дело, *наша* беда, *наша* опасность, *наше* страдание, *наша* победа, *наше* восстание, *наше* возрождение. И это сознание, что “там” “мы одно”, научает людей радоваться тому, что у них единое солнце, единый воздух, *единая родина*. Там я неотделим от других, от тех, кто огнём любви говорит: “Я русский”... Там – мы; мы – русский народ. И для всех нас сообща – там решается один вопрос: о нашем общем деле, о нашем общем духовном достоянии»²⁰⁴. Война, потрясает всё общество, каждого его члена, и тогда у всей нации появляется осознание «общего предмета»: «Война заставила нас гореть не о себе и работать не для себя,... создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала в нас щедрость и пробудила в нас даже доброту»²⁰⁵. Все становятся участниками единого дела. Не всякая война имеет духовное оправдание, но «народная война есть совокупное духовное напряжение всей нации, направленное к победе над тою силою, которая стала на пути духовного роста народа», и потому она становится «поистине духовным творческим процессом в жизни народа»²⁰⁶.

---

²⁰³ Ильин И.А. Духовный смысл войны. С. 7.

²⁰⁴ Там же. С.10.

²⁰⁵ Там же. С. 9.

²⁰⁶ Там же. С. 28, 33.

И на личностном уровне «война есть деяние не только тела, но и души, и духа»²⁰⁷, и потому она оказывается *духовным испытанием и духовным судом* для каждого, ибо пред лицом смерти человек по иному смотрит на свой жизненный путь. «По своему содержанию голос приближающейся смерти для всех людей и народов звучит всегда одинаково. Она как бы говорит: “Встань, подумай и посмотри на свою жизнь! Праведно ли ты жил? Служил ли ты лучшим, благороднейшим, Богу угодным ценностям?..” Смертельная опасность, особенно на войне, обладает нравственно-религиозной, отрезвляющей, обновляющей силой и оказывает своё влияние на человека и на народ»²⁰⁸. И.А. Ильин выдвигает важный девиз: «*Жить стоит только тем, за что стоит и умереть*»²⁰⁹. Война учит человека проверять свою жизнь — её достоинство, её качество, её верность её правоту. В этом духовный смысл войны: «Война учит нас жить, любя нечто высшее, такое, за что стоило бы и умереть; любить его больше, чем себя»²¹⁰.

Глава 9.

1917-й

В начале 1917 г. у И.А. Ильина произошло столкновение с А. Белым из-за резких заявлений литератора в адрес Э.К. Метнера и его книги «Размышление о Гёте»²¹¹. А. Белый, который некогда основал вместе с Э.К. Метнером и другими издательство «Мусагет», выпустил в начале 1917 г. книгу «Ру-

---

²⁰⁷ Там же. С. 31.

²⁰⁸ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 491.

²⁰⁹ Ильин И.А. Духовный смысл войны. С. 14.

²¹⁰ Там же. С. 21.

²¹¹ Метнер Э.К. Размышление о Гёте. Книга первая. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914.

дольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», где допустил немало оскорбительных определений в адрес Эмилия Карловича. Ознакомившись с книгой А. Белого, 6 февраля Ильин пишет автору «пасквиля», как он определил книгу, гневное письмо, рассылая копии некоторым своим знакомым, в том числе кн. Е.Н. Трубецкому. «Милостивый Государь Борис Николаевич! С чувством острого стыда и тяжёлого отвращения прочёл я книгу, выпущенную Вами против Эмилия Карловича Метнера, — писал И.А. Ильин. — Я прочёл её всю, и читая, чувствовал себя так, как если бы я, уже одним чтением, становился участником низкой выходки, направленной против благороднейшего из людей. Отсюда у меня непреодолимая нравственная потребность заявить открыто, что книга Ваша есть явление постыдное, и что всё непристойное, напечатанное в ней, возвращается на голову того, кто её писал... Ваша книга есть именно памфлет, приближающийся к пасквилю. Она имеет не объективный, а вызывающе-личный характер; она всё время силится скомпрометировать противника и не останавливается даже перед грубою бранью (“скотодворное животное”, стр. 71; “бык”, стр. 78; “носорог”, стр. 79; “фертик”, стр. 79 и тому подобное); она вся написана тоном вульгарной демагогии... Я не узнаю Вас в лицо и не подам Вам руки при встрече. Я не желаю знать Вас до тех пор, пока не услышу от Эмилия Карловича, что Вы покаянно испросили у него прощение»²¹². Вскоре Ильин получил поддержку в виде письма от другого разоблачителя антропософии, Л.Л. Кобылинского («Эллиса»): «Глубокоуважаемый Иван Александрович! Не имея чести знать Вас лично, однако считаю долгом обратиться к Вам со следующими словами! Получив копию с Вашего письма к г-ну Бугаеву, имеющего общее, принципиальное, идейное значение, весьма “недвусмысленный” характер и касающееся в качестве “лиц, знакомых” с Э.К. Метнером, меня лично

---

²¹² Ильин И.А. Письмо к Б.Н. Бугаеву (А. Белому) 06.02.1917. [Т. 11]. С. 105–106.

и всех вообще с ним вместе работающих (т.е. всех сотрудников “Мусагета”) я счёл нужным не только присоединиться к Вашему протесту всеми силами моей души, но и предложить присоединиться к нему также и всем другим сотрудникам “Мусагета”... Факт становится идеей, пасквиль г-на Бугаева — ядовитым газом, направленным в лице Метнера против всех нас, против всех работников в сфере христианской религии и европейской культуры. Уничтожающее дружное противодействие нас всех системе Штейнера [которая], через насилие над душами своих адептов чинит насилие над добрым именем и честью всех мыслящих свободно — есть наш общий безусловный долг и акт самосохранения!»²¹³.

Однако кн. Е.Н. Трубецкой в своём открытом письме 25 февраля указал Ильину на «глубокую неправоту» и «прискорбную ошибочность» такого шага и на «явную несправедливость» письма. «Однако я не вижу никаких оснований к тому, чтобы согласиться с его указанием, — писал Ильин Э.К. Метнеру, находящемуся за границей. — Я не могу согласиться с князем Е.Н. Трубецким и в том, что он считает справедливым ставить на один уровень и рассматривать, как одинаково прискорбное явление, — и злобный памфлет, оскорбляющий почтенного и во всех отношениях безупречного человека, и негодующий протест против попытки нанести такое оскорбление»²¹⁴. Вскоре исторический ураган вздыбил Русь, и внимание Ильина было направлено на проблемы иного масштаба.

23 февраля 1917 г. в Петрограде начались выступления, которые привели к краху Российской империи. 2 марта 1917 г. на станции с символическим названием «Дно», близ Пскова, по настоянию высших чинов армии и представителей Государственной думы, не пытаясь остановить волнения, отрёк-

---

²¹³ *Гаврюшин Н.К.* В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого // Вопросы философии. 1995, №7. С. 100-101. НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 67. Лл. 1—1 об.

²¹⁴ *Гаврюшин Н.К.* В спорах об антропософии. С. 103.

ся от престола император Николай II²¹⁵. Сентиментальность сделала первый шаг... В Манифесте отрекающийся от власти император указывал: «Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут установлены, принеся в том нерушимую присягу». Одновременно царским указом назначается новый глава правительства — толстовец князь Львов. Однако Великий князь Михаил Александрович не принял власти из рук отрекшегося императора Николая II. В своём отказе либеральный князь указал, что он принял «решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые Основные законы государства Российского». Однако события развивались не так гладко, как казалось свергателям «старого строя». Стремительная инфляция, падение дисциплины и массовое дезертирство с фронта, возникшее в первые дни революции двоевластие Временного правительства и Советов депутатов — всё это вело к отсутствию всякой власти в стране в целом...

Тех, кто пытался остановить скатывание России в бесчине, в кровавую бойню гражданской войны, было в то время не много. Среди этих немногих был Иван Александрович Ильин, не строивший иллюзий относительно происходящих событий. Ильин старается устными выступлениями, лекциями, а также письменным словом помочь русским людям разобраться в нахлынувшем хаосе. Он налаживает сотрудничество с кадетским издательством «Народная свобода» и публикует брошюры на злобу дня: «Партийная программа и максимализм», «О сроке созыва Учредительного Собрания», «Порядок или беспорядок?», «Демагогия и провокация»,

---

²¹⁵ В тот же день, 2 марта 1917 г. подмосковная крестьянка Евдокия Адрианова и священник Вознесенской церкви села Коломенского Н. Лихачёв чудесным образом обрели Державную икону Божией Матери.

«Почему “не надо продолжать войну”?»», «Бунт Стеньки Разина. (Из русской старины)» (переработка с издания 1906 г.). Уже в июне Ильин пишет сестре: «Я был при старом режиме буржуазным радикалом и федералистом-демократом (приблизительно) вне партий. Я и сейчас вне партий (не могу отказаться от драгоценного права на глупость!). Но в остальном... Я прежде всего сейчас патриот, стоящий за настоящую аристократию духа. И потому верую:

Что в искушеньях Божьей кары
Перетерпев судьбы удары
Окрепнет Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.

И только этой верою держусь. И потому с непрерывною болью работаю — думая о будущих поколениях нашей чудесной, временно падшей, России»²¹⁶.

К лету политические противоречия резко обострились: в условиях, когда Временное правительство готовилось к подготовке выборов в Учредительное собрание, леворадикальные партии, сделавшие Советы депутатов своим оплотом, усиленно агитировали за углубление общественных преобразований. В июле в Петрограде произошло вооружённое столкновение участников массовой демонстрации, идущих под лозунгами «Вся власть — Советам!», с правительственными войсками. После этих столкновений во главе Временного революционного правительства встал социалист-революционер А.Ф. Керенский. 9 августа 1917 г. Временным революционным правительством назначается дата выборов во Всероссийское учредительное собрание — 12 ноября. Количество депутатов определялось в 800 человек. Избирательное право впервые в мировой практике было предоставлено женщинам (в списках избирателей они превышали количество мужчин).

Летом 1917 г. И.А. Ильин становится членом Волостного комитета по выборам в Учредительное собрание. Влившись в гущу событий, он общается с крестьянами, пытается доказать

---

²¹⁶ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 05.06.1917. [Т. 11]. С. 93.

им «анархическую, преступную и противогосударственную природу погромного приказа» Чернова о возможности дележа земли²¹⁷. Позже Ильин, размышляя о причинах хаоса после Февральской революции, напишет: «русские сверхдемократические головотяпы в 1917 г.» требовали «решать “всё через народ”», а введённые ими «голосования в Русской армии в 1917 году были проявлением политического кренинизма и революционной интриги (одновременно)»²¹⁸. Уже в изгнании Иван Александрович непрестанно будет разоблачать несостоятельность «идеалов Февраля».

В августе Верховный главнокомандующий Русской армии Л.Г. Корнилов выступил на Демократическом совещании представителей различных организаций, где его слова об укреплении власти нашли всестороннюю поддержку. После этого Корнилов предложил Керенскому укрепить структуру власти при поддержке верных частей Армии. 23 августа (3 сентября по новому стилю) Верховный главнокомандующий предпринял попытку ввести в Петроград преданные войсковые части и установить единовластие Временного революционного правительства. Однако Керенский объявил выступление Верховного главнокомандующего мятежом, страшась, что «уступив первенство великому патриоту, т.е. “мятежнику и изменнику” Корнилову»²¹⁹, он может потерять личную власть. Но власть была им потеряна по другой причине: получившая возможность вооружиться для отпора войскам Корнилова Красная гвардия уже не собиралась сдавать свои позиции.

8 и 12 октября 1917 г. в газете «Утро России» появились статьи И.А. Ильина «Куда идёт революционная демократия»

---

²¹⁷ Ильин И.А. Заветы февраля // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 189.

²¹⁸ Ильин И.А. Что есть государство — корпорация или учреждение? // Ильин И.А. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 104, 102.

²¹⁹ Ильин И.А. Отказ г. Керенского // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9—10. С. 180.

и «Отказ г. Керенского». Мыслитель указывает, что за последние месяцы революция медленно, но неуклонно перерождалась в гражданскую войну: левые партии деморализовали народ, превратив его в толпы погромщиков и террористов. «Патриотизм смолк, государственность поругана, идея правовой организации народоуправства не имеет будущего»,²²⁰ — предрекает Ильин. В отказе Керенского от «водворения дисциплины в армии и порядка в стране» мыслитель увидел сентиментальную беспомощность перед надвигающимся всероссийским погромом. Ильин разоблачает председателя Временного революционного правительства как человека, который *«вообще не понимает, в чём состоит сущность государственной власти»*, в неосведомлённости о том, что происходит в стране²²¹. А происходит даже *«не гражданская война, но избиение культурного меньшинства тёмною толпою»*²²².

12 октября И.А. Ильин выступает с речью, где продолжает обвинять Временное революционное правительство в провокационном безвластии: «Что осталось сейчас от власти? Семь месяцев она совершенствовала линию своего поведения и, наконец, излилась в своего рода словоблудие... Когда смотришь на совершающееся вокруг, невольно спрашиваешь себя: провоцировать честного патриота, вовлечь его в своего рода неповиновение и объявить его мятежником и изменником — это тоже революция? Тогда мы контрреволюционеры... И если нам говорят, что всё то, что происходит, есть революция, то мы, слава Богу, не революционеры. Мы контрреволюционеры»²²³. Открытое провозглашение себя контрреволюционером в окружающем море террора «революционной анархии» было весьма смелым поступком. Но

---

²²⁰ Ильин И.А. Куда идёт революционная демократия? // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 175.

²²¹ Ильин И.А. Отказ г. Керенского. С. 179.

²²² Там же. С. 181.

²²³ Ильин И.А. Речь на 2-м Московском совещании общественных деятелей // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 182–183.

Ильину уже нечего было терять: он определился с ориентирами. Не только большевики, но и Керенский для него стали стихией развала. Он смело и бесповоротно встал на сторону «вождя партии порядка», «великого патриота» генерала Корнилова²²⁴.

В условиях отсутствия реальной государственной власти, общественного хаоса, безудержной пропаганды радикальных партий шла подготовка к выборам и созыву Учредительного собрания, о котором многие годы мечтала русская либеральная интеллигенция. В статье «Чего ждать?» И.А. Ильин предупреждает «*наивные души*»: «По-видимому, в ноябре и декабре русскому народу предстоит *дожить* до Учредительного собрания и *разочароваться* в нём»²²⁵. Такая перспектива стала складываться с самого начала революции, считает мыслитель, когда по стране стали разливаться демагогические заявления, что «властвовать от лица государства уполномочен всякий, кто захочет»²²⁶. И теперь «народ идёт к урнам без правосознания, без собственных вождей, без государственного понимания и подъёма, но зато с ворахами награбленного добра, с тем, чтобы Учредительное собрание одобрило и утвердило этот грабёж»²²⁷.

Временное правительство продолжало сентиментальничать и в конце-концов выпустило власть из своих рук: наступил день 25 октября 1917 г. И.А. Ильин встретил новую революцию словами: «Последний взрыв урагана покончил со всеми иллюзиями. Мы ощутили под ногами твёрдую землю дна, не берега, ... а *дна*, где гибнут»²²⁸. «Свершилось.... К власти пробрались тёмные проходимцы, вожди соблазнённой черни... *Россия несётся на всех парах под сень самодержавия,*

²²⁴ Там же. С.183; Ильин И.А. Отказ г. Керенского. С. 180.

²²⁵ Ильин И.А. Чего ждать? // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 184.

²²⁶ Там же. С. 185.

²²⁷ Там же. С. 186.

²²⁸ Ильин И.А. Кошмар // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 188.

и “направляет” её “партия” большевиков»²²⁹. Уже в те дни Ильин обращается к анализу исторических корней падения самодержавия и революционного разгула. В статье «Корень зла» мыслитель пишет: «Напрасно было бы сводить переживаемое ныне разложение России к ошибкам и провалам последних месяцев... Напрасно думать, что “всё дело в войне” или “в революции”»²³⁰. И указывает на корни беды – вековое возношение государства над народом.

После захвата Советами власти в Петрограде Красная гвардия натолкнулась на сопротивление юнкеров и других защитников Временного революционного правительства в Москве. 27 октября – 2 ноября Красная гвардия обстреливала и штурмовала Кремль, ставший главным оплотом сопротивления. Однако авторитет Керенского, после обвинения им Корнилова в мятеже, был утерян, и достаточных сил на сопротивление красногвардейцам не было. Кого было защищать: эфемерное Временное правительство? «Идеалы Февраля»?

И.А. Ильин вспоминал те дни: «Отстреляли по Москве октябрьские пушки, стихли первые *белые пулемёты*. Перемирие и сдача оружия. Я в анатомическом театре Университета. Он завален трупами, подобранными на улице. Лежат сплошными рядами, на сдвинутых столах и на полу. Как много студенческих тужурок... *Обречённая Академия подбирала с улицы своих первых героев*»²³¹. В газете «Русские ведомости» Ильин публикует свою статью «Ушедшим победителям», посвящённую памяти погибших юнкеров. Он вновь показывает первенствование духовно-нравственного состояния души человека над её физическим существованием: «Победил не тот, кто временно осилил в борьбе, ибо грубая сила, одолевая, творит сама своё поражение, и рок увлечёт её

---

²²⁹ Ильин И.А. Кто они? // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 188.

²³⁰ Ильин И.А. Корень зла // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 197.

²³¹ Ильин И.А. Русская академическая традиция // Ильин И.А. Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т. 14]. С. 350.

в пропасть. Победил тот, кто своим деянием явил *силу духа и воли*; кто показал, что умеет *любить нечто больше жизни и больше себя*»²³². В понимании Ильина, как и всякого духовного человека, побеждает тот, кто выбирает честный путь, пусть даже в материальной жизни он гибнет. Так поступали античные герои, так сопротивлялись до смерти христианские мученики, свидетельствовавшие об Истине. Время течёт, поглощая века и тысячелетия, но для каждого отдельного человека оно остаётся прежним полем непрестанной битвы добра со злом, духа с инстинктом самосохранения. «Ваш подвиг — не дело единого дня... Пока Россия будет жить, вас будут помнить и вами будут гордиться, — обращается Ильин к памяти павших. — Мы скажем о вас нашим детям и внукам; и они услышат ваш голос и поймут ваше деяние. Вы победили, друзья и братья. И на вашей победе мы возродим Россию»²³³. Кровавая расправа над юными защитниками России от нашествия революционного Интернационала ещё более убедила Ильина в необходимости сопротивления злу личным участием.

«Как дни бывают солнечные и сумрачные или как в круговращении земли бывает день и ночь, так и в истории бывают сумрачные эпохи и ночные времена, — напишет мыслитель позже. — И вот нашему поколению выпало на долю жить в *ночное время*, когда “обнажается бездна” с её “страхами и мглами” и когда отпадают преграды меж нами и ею (Тютчев. “День и ночь”, 1839)»²³⁴. «В мире поднялось упорное и жестокое гонение на любовь — поход на семью, отрицание родины, подавление веры и религии... Злоба стала доктриной»,²³⁵ — писал Ильин об эпохе революций и гражданских войн. «Зия-

---

²³² Ильин И.А. Ушедшим победителям // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 192–193.

²³³ Там же. С. 194.

²³⁴ Ильин И.А. О тьме и просветлении // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 403.

²³⁵ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 235.

ющая расщелина образовалась в современном мире... По одну сторону расщелины стоят люди, отстаивающие своё достоинство, серьёзно и свято относящиеся к своей чести; по другую — люди, презирающие честь»²³⁶.

Глава 10.

Наука

Выборы в Учредительное собрание в Москве в связи с боями были задержаны и начались через неделю после назначенного срока — 19 ноября. Активность избирателей была весьма высокой — около 70% списочного состава. Большинство избирательских голосов, 48%, москвичи отдали за список № 5 — большевиков, за «кадетский» список № 1 высказались 34%. В Петрограде большевикам было отдано 45% голосов. Вождь большевиков В.И. Ленин писал в связи с результатами выборов: «В обеих столицах, в обоих главных для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил»²³⁷.

Учредительное собрание открылось 5 января 1918 г. в здании Таврического дворца в Петрограде. Из 410 прибывших к этому времени депутатов около 120 представляли партию большевиков, среди которых были известные её лидеры: Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Е.М. Ярославский и другие. Большинство же прибывших депутатов было от партии социалистов-революционеров. Остальные депутаты также входили в революционные партии: все национально-консервативные силы — «черносотенцы» — были репрессированы ещё при власти Временного революционного правительства и не участвовали в политической жизни.

---

²³⁶ *Ильин И.А.* Я вглядываюсь в жизнь. С. 145–146.

²³⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 7.

Для открытия Собрания на трибуну поднялся выдвинутый эсерами один из старейших депутатов С.П. Швецов, но представитель большевиков Я.М. Свердлов, отодвинув его с трибуны, сам провозгласил открытие Учредительного собрания. Встав, депутаты исполнили «Интернационал» — международный революционный гимн²³⁸. Председателем был избран эсер В.М. Чернов, который призвал «демократию» объединиться под «красным знаменем социализма». В самый день открытия Собрания в Петрограде прошли демонстрации в его поддержку, но были разогнаны Красной гвардией. «Они соберутся и... будут говорить. А война и анархия будут идти своим чередом»²³⁹, — писал И.А. Ильин ещё осенью 1917 г.

Вскоре большевики, оказавшиеся на Собрании в меньшинстве, покинули его. Заседание продолжалось всю ночь. Наутро комендант Таврического дворца анархист-коммунист матрос А.Г. Железняков получил предписание члена Комитета по военным и морским делам Совнаркома П.Е. Дыбенко изгнать депутатов из дворца. В 4 часа утра Железняков предложил депутатам разойтись: «Караул устал!». На следующий день ВЦИК принял постановление о роспуске Учредительного собрания. Третий Всероссийский съезд Советов поддержал решение ВЦИК²⁴⁰.

Однако высшей школой, как и наукой, Советская власть в первый послереволюционный год не интересовалась. Юридический факультет, как и весь Московский университет, продолжал жить почти по старым порядкам — шли занятия, велась научная работа. Но «буржуазная интеллигенция» университета была на подозрении у новых власти-

---

²³⁸ Позже большевики сделали «Интернационал» гимном нового государственного образования, подчёркивая, что СССР не наследник России, а начальное образование общемирового союза.

²³⁹ *Ильин И.А.* Чего ждать? С. 187.

²⁴⁰ См.: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.

телей. 15 апреля 1918 г. в квартире приват-доцента Московского университета И.А. Ильина чекисты произвели обыск и арестовали хозяина. Это был первый из шести арестов Ивана Александровича за период 1918—1922 гг.²⁴¹ «Трепеща с утра до вечера от собственного мраковидения — я не напишу больше ни строчки: а в этом моё служение»²⁴², — считал И.А. Ильин и не прекращал своих научных трудов среди ужасов гражданской войны.

Весной 1918 г. в издательстве Георгия Адольфовича Лемана-Абрикосова (1887—1968) печатается фундаментальный труд И.А. Ильина, над которым он работал многие годы — «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»²⁴³. Расходы на напечатание двухтомной монографии в размере 325 рублей были оплачены Димитрием Евгеньевичем Жуковским.

На 19 мая 1918 г. была назначена защита магистерской диссертации И.А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Сам Ильин вспоминал драматические события тех дней. Накануне он узнал, что его учителю П.И. Новгородцеву, назначенному первым оппонентом, грозит арест. Ильин зашёл домой к Павлу Ивановичу и предупредил его об угрозе: «Я имел данные полагать, что ордер на его арест уже выписан в вечеха, и уговаривал его поберечься и не ночевать дома. Он выслушал меня спокойно и долго не соглашался принять необходимые меры. Наконец обещал»²⁴⁴. К счастью, П.И. Новгородцев не ночевал дома, что помогло ему избежать ареста. «19-го мая в 10 ч. утра я уже знал, — вспоминал Иван Александрович, — что

---

²⁴¹ Дело Владимира Александровича Бари, Василия Васильевича Кривошеина, Халафова, Ильина. ЦА ФСБ. Д. 93. Архив Н—191. Л. 120.

²⁴² *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 10.03.1948. [Т. 3. Кн. III]. С. 286.

²⁴³ В постсоветской России книга И.А. Ильина была переиздана дважды: в 1994 и 2002. На сегодняшний день книга переведена на немецкий, английский и китайский языки.

²⁴⁴ *Ильин И.А.* Памяти П.И. Новгородцева. С. 253.

всю ночь у него шёл обыск, что дома его не нашли, что семья его заключена в его квартире, что учёные рукописи его во власти коммунистов, что у него оставлена засада»²⁴⁵.

«В два часа дня факультет был в сборе; царила тревога и неизвестность, диспут не мог состояться при одном оппоненте (князь Е.Н. Трубецкой). В два с половиною приехал Павел Иванович; бодрый уравновешенный, в сюртуке, за которым он специально посылал на свою осаждённую квартиру»²⁴⁶. Защита под председательством декана юридического факультета И.Т. Тарасова началась. Около трёх часов начал своё выступление П.И. Новгородцев. Оба официальных оппонента — профессора П.И. Новгородцев и Е.Н. Трубецкой — отметили необычайно высокий уровень работы. Обсуждение диссертации продолжалась до шести часов. В семь часов были оглашены результаты: диссертанту была присвоена докторская степень в области государственных наук.

И.А. Ильин был благодарен своему учителю и восхищался им: «Его самообладание, его духовная сила — были изумительны. Тревожно простился я с ним, уходящим; я знал уже, что такое подвал на Лубянке.

— Поберегите себя, Павел Иванович! Они будут искать вас...

— Помните ли Вы, — сказал он, — слова Сократа, что с человеком, исполняющим свой долг, не может случиться зла ни в жизни, ни по смерти?

Это было указание на Божию волю и принятие её»²⁴⁷.

Это была последняя встреча Ивана Александровича со своим учителем...

В труде «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» Ильин подвергает творчество Гегеля комплексному анализу: разбирает его онтологию, философ-

---

²⁴⁵ Там же. С. 253–254.

²⁴⁶ Там же. С. 254.

²⁴⁷ Там же. С. 254.

скую антропологию, а также методологию. Надо отметить, что уже к началу XX в., после интерпретации во второй половине XIX в. Гегеля как панлогиста и рационалиста, стало возвращаться религиозно-духовное понимание немецкого классика. С другой стороны, возникала опасность упрощения Гегеля до выделения из его системы отдельных принципов. Работа Ильина реабилитирует Гегеля как выдающегося философа-созерцателя, интуитивно-художественным актом непосредственно коснувшегося самого Предмета, самой Абсолютной Реальности и показавшего исследователям путь научно-религиозного, или разумно-созерцательного (не рационально-аналитического) познания Предмета (Понятия, Абсолюта, Божества). Разбирая философскую концепцию Гегеля, Ильин одновременно рассматривает и творческий акт немецкого классика и таким образом выстраивает собственную методологию познания. Этот труд И.А. Ильина, как и его работа «Религиозный смысл философии»²⁴⁸, позволяет вжиться в творческий акт учёного. По словам Г.А. Лемана-Абрикосова, работа философа о Гегеле – «труд необычайной глубины» – «сразу поставил Ильина высоко во мнении русского общества»²⁴⁹.

В эти годы вместе с научным ростом идёт и религиозно-духовное укрепление Ильина. Он общается с известным религиозным мыслителем Михаилом Александровичем Новосёловым. В письме к своей тётке Л.И. Гуревич Иван Александрович советует прочесть её дочери книги святых отцов и религиозных писателей «Путь ко спасению» Феофана Затворника, «Религиозный идеал св. Афанасия Великого» и «Мистическое оправдание аскетизма в творениях Макария Египетского», И.В. Попова, тома «Добротолюбия», труды Экхарта, Конфуция, Бхагавад-Гиту, «Чтение о богочеловечестве» В.С. Соловьева, «Исповедь» Блаженного Августина

---

²⁴⁸ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994.

²⁴⁹ РГБ. Ф. 218. Карт. 1272. Ед. хр. 5. Л. 3. См.: Ильин И.А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). Комментарии. [Т. 11]. С. 590.

и два тома Симеона Нового Богослова в переводе Феофана Затворника²⁵⁰. В перечне духовных книг, рекомендованных И.А. Ильиным, присутствуют и книги иных религий, ибо философ считал, что образованный человек не должен быть связан гетерономией веры, но поверять свою веру жизнью и знанием духовной жизни иных религий.

1918 год, несмотря на свой арест, И.А. Ильин считал относительно спокойным: «Коммунисты, — вспоминает он, — не сразу принялись за нас: целый год им было не до университета. Было только две попытки “заманить”, две ставки на продажность. Одна — в “Обществе младших преподавателей”, где небольшая группа большевиков, чело- века три, буйно требовала “классовой” борьбы с профессорами и “демократической реформы” университета, суля от имени власти позорные прибавки к жалованью; буйство встретило должный отпор. Другая — в совете профессоров: коммунисты хотели “признания” и “сотрудничества” и предлагали “новые ставки” (инфляция была в полном ходе). Помню негодующие, презрительные речи профессоров: “Будем голодать, — говорил один, ныне покойный, — но не примем тушинских пожалований от воров!” “Голод в наших семьях, — говорил другой, ныне находящийся за рубежом, — но зажмём наше сердце, стиснем зубы и будем терпеть: русская Академия не примет позора!”»²⁵¹.

«Мою книгу о Сущности Правосознания я заканчивал в ожидании ареста, — вспоминал И.А. Ильин, — моя квартира была запечатана, в Москве расстреливали, Деникин был у Орла, я укрывался на даче. Сидел перед окном и писал предпоследнюю главу “Правосознание и религиозность”. Посмотришь в окно: если поедут, то вон оттуда — это минут десять — я увижу. Итак: есть ещё 10 минут — пишу. Во-

---

²⁵⁰ ЦГАЛИ. Ф. 131. Оп. 3. Ед. хр. 294. Л. 148. См. также: *Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин (историко-биографический очерк) // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. С. 24.*

²⁵¹ Цит. по: *Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин. С. 18–19.*

ображая свой расстрел (а я, готовясь к нему, психически упражнялся в этом ежедневно по несколько раз — года три), я не мог творить. Надо было обрывать эти упражнения, отодвигать, вновь успокаиваться — и тогда писать. Тогда-то я начал и ту книгу, которую завершаю теперь: “Аксиомы религиозного опыта”²⁵². Над «Аксиомами религиозного опыта» И.А. Ильин работал всю жизнь: двухтомный труд был издан лишь в 1953 г., но этот труд — уникальное собрание мирового духовного опыта, пропущенный через сердце и ум гениального мыслителя.

И всё же разгром русской академической науки и традиции надвигался: «Осенью нас настигла первая “реформа”»: все “трехлетние” приват-доценты были переименованы в “профессоров”. “Реформа” была встречена молчаливым презрением: ведь ещё Хлестаков сказал: пусть называются... Но атака уже готовилась по всей линии. И уже попадались на университетском дворе подозрительные фигуры, которые, сильно груся, спрашивали: “товарищ, где здесь записываются в красные профессора?”; и уже поговаривали о рабфаке, а в Совете профессоров стали появляться какие-то тёмные личности “с мандатами”, и уже бывали случаи, что арестованные профессора — в чеке или в Бутырках — принимали зачёты у арестованных студентов и давали им указания по “литературе предмета”.

Помню “отмену” юридического факультета: должен был быть создан факультет “общественных наук”, к которому пристёгивались все историки, отделённые от историко-филологического факультета.

Началось с факультетского собрания юристов, на которое от наркомпроса явился плюгавый мальчишка наглого тона: “Товарищи профессора! — картавил он, брызгал слюной и кокетничал шофёрским шлемом. — Октябрьская революция овладевает университетом; если вы не захоти-

---

²⁵² *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 10.03.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 286.

те признать этого и подчиниться, то вы будете завтра же на улице»²⁵³. Но и в такой плачевной для отечественной науки ситуации Ильин, оставаясь в родном университете, вместе со многими другими честными русскими учёными всеми силами противостоял революционному напору на науку и образование.

Иван Александрович вспоминает: «В 1921–1922 году с осени преподавателей философии не-коммунистов окончательно убрали с факультета “общественных наук” в так называемый “философский институт”, руководство коим поручили ученику Челпанова – Густаву Густавовичу Шпетту (латыш)... Покойный Л.М. Лопатин называл его “лужёной глоткой”. Ему секундировал Александр Владиславович Кубицкий, примкнувший к большевикам из эсеров, человек, научно столь же бесплодный, как и Шпетт, и, кажется, не менее его злобно-циничный (поляк).

К философскому институту были причислены кроме них Франк, Бердяев и целое гнездо партийных меньшевиков и большевиков (экономических материалистов). Был причислен и я. В первом же заседании разыгрался характерный эпизод. Обсуждалась под председательством Шпетта программа занятий, мирно и корректно. Кому-то понадобилась редкая философская книга, *unicum*, имевшийся в библиотеке эмигрировавшего С.Н. Булгакова. А между тем целый ряд профессорских библиотек был захвачен большевиками и распределён среди своих членов. Так, ученик Озерова, “финансист” Боголепов (армянин) присвоил себе библиотеку своего учителя; Рязанов-Гольдендах захватил библиотеку Булгакова, кто-то ещё присвоил себе библиотеку Новгородцева и т.д. И вот, когда упомянули об этой редкой книге, то меньшевичка госпожа Аксельрод заявила: “Да эта книга имеется в библиотеке Рязанова”. Тогда с нашей стороны последовала реплика: “То есть – в библиотеке Булгакова”. Они все сконфузились и

---

²⁵³ Цит. по: *Лисица Ю.Т.* Иван Александрович Ильин. С. 19–20.

некоторые из них густо покраснели. Шпетт не сразу нашёлся, как замять щекотливое дело, а мы наслаждались возникшей паузой — сидя перед пойманными с поличным революционными “приобретателями”»²⁵⁴.

Иван Александрович непрестанно занимается своими научными — философскими и правоведческими — трудами. С 1919 г. он читал курс лекций «Философия религии», положившим начало созданию его последней фундаментальной книги «Аксиомы религиозного опыта». В 1921 г. И.А. Ильин становится членом правления Московского юридического общества и председателем Московского психологического общества (после смерти Лопатина).

В 1921—1922 учебном году Ильин, исключённый новой властью с Юридического факультета Московского университета, вёл курсы «О философском методе» и «О Гегеле» в Философском институте для студентов филологов-философов старших курсов. Иван Александрович вспоминает момент занятий: «Было человек 65. Аудитория была (ради тепла) небольшая и люди сидели друг на друге. Я вёл оба курса без записок, — вдохновенным созерцанием. Обычным актом: цельным, с участием сердца, воли, видения и мысли. И вот, студенты мои никак не могли понять, что моего стула нельзя задевать — что я испытываю каждый толчок или прикосновение, как электрический разряд в нервной системе, как резкий толчок по духу, или как посторонний вскрик во время исполняемого ноктюрна. Я реагировал на это болезненно, а они вероятно думали, что это — раздражительность голодного профессора или же просто “каприз”. Наконец я разъяснил им, что при этом происходит, что это процесс большой и интенсивной концентрации, не терпящей прерывающих толчков и разрядов»²⁵⁵.

---

²⁵⁴ Ильин И.А. Встречи и беседы // Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939—1954). [Т. 12]. С. 380-381.

²⁵⁵ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 04.07.1948. [Т. 3. Кн. III]. С. 347—349.

За все годы своей преподавательской деятельности в Москве Иван Александрович Ильин преподавал как юрист и философ в аудиториях практически всех учебных заведений Москвы, где преподавались юридические дисциплины: Императорский Московский университет, Высшие женские курсы, Московский коммерческий институт, Народный университет им. Шанявского, Высший музыкально-педагогический институт, Ритмический институт, Философский исследовательский институт.

Глава 11.

Белое дело

После первого ареста 15 апреля И.А. Ильина в 1918 г. арестовывали ещё дважды, 11 августа²⁵⁶ и 3 ноября,²⁵⁷ и содержали в заключении в общей сложности около двух месяцев. Сам Иван Александрович вспоминал, как начало красного террора коснулось его лично: «Летом 1918 года жили мы под Москвою у друзей в имении. Меня только что арестовывали второй раз и выпустили через 3 дня. Вдруг покушение на Ленина, и я получаю условную телеграмму, что надо тотчас же скрыться. Решили обождать до ночи. Ночью в три часа на полустанке подали поезд дальнего следования, весь состоящий из теплушек, то есть попросту товарных вагонов, до отказа набитых мешочниками и простонародьем. Мрак; — остановка 1 минута; — я бегаю от вагона к вагону, умоляя дать мне хоть как-нибудь втиснуться. В каждом вагоне стена людей — глухая, мрачная, злобная — или не отвечают, или отругиваются. Оставаться тоже нельзя. Поезд трогается. Я вскакиваю на подножку, хватаюсь за поручни и повисаю на руках. В таком положении Наталия Николаевна видела меня

---

²⁵⁶ Ордер на арест №15936. Дело №132. ЦА ФСБ. Д. Н-191.

²⁵⁷ Ордер на арест №9356. Дело №207. ЦА ФСБ. Д. Н-207.

в последнюю секунду. Ветер раздувал пальто, поезд прибавлял ходу, а я, стиснув зубы, про себя молился — чтобы не стало мне дурно и чтобы не сшиб меня придорожный столб. Через 10 минут — большая станция — кондуктор смилостивился и пустил меня за 20 рублей в служебное отделение»²⁵⁸.

«Я всю жизнь провисел на волоске, с 1914 года волосок много раз и надолго становился волосочком. Не было надежды и вероятности удержаться на нём; но милостью Его — держался и удержался. Ещё в подвале чеки (март 1918) я молился: “Я всё своё сделал; моим возможностям конец. Да будет Воля Твоя: отзовёшь — я отойду к Тебе; оставишь — буду бороться дальше до конца. Ибо я слуга и воин Твой”»²⁵⁹.

В ноябре ВЧК заводит «Дело №93 Владимира Александровича Бари, Василия Васильевича Кривошеина, Халафова, Ильина». Американского гражданина В.А. Бари, штабс-капитана В.В. Кривошеина, К.М. Халафова, приват-доцента И.А. Ильина и др. обвиняли в принадлежности к контрреволюционной организации — «Добровольческой армии». Ильину было выдвинуто обвинение в том, что он вступил в московскую организацию «Добровольческой армии», заведовал её Петроградским отделением и снабжал его деньгами, полученными от В.А. Бари. В ноябре 1918 г., как говорится в деле, Ильин получил от гражданина США В.А. Бари 8000 руб.²⁶⁰ Сначала Ильина судили на заседании президиума коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией, затем, 28 декабря, в Московском революционном трибунале. Однако оба раза он был оправдан за недоказанностью обвинения.

Ильина арестовывали 29 августа 1919 г., 24 февраля 1920 г., в сентябре 1922 г.²⁶¹ Таким образом, Иван Александров-

²⁵⁸ *Ильин И.А.* Письмо к Н.Н. Крамарж 23.04.1935. [Т. 11]. С. 311.

²⁵⁹ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 10.03.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 285.

²⁶⁰ ЦА ФСБ. Д. 93. Архив Н-191. Л. 42.

²⁶¹ Дело №1315, 1919. ЦА ФСБ. Д. Р-22082. Дело №803, 1920. ЦА ФСБ. Д. Н-191. Дело №1554, 1922. ЦА ФСБ. Д. Н-1554. Последний ордер на арест 16 августа 1922.

вич в советской России подвергался шести арестам. «В подвалах чеки я часами слушал взволнованные излияния этой черни, всех этих “анархистов-комбинаторов”, жутких полуматросов, выпущенных Керенским из тюрем свирепых убийц, спившихся полуинтеллигентов, садистов, пройдох, примкнувших к коммунистам и уже у них проворовавшихся, — вспоминал Ильин. — Излияния, в коих правда и ложь, гнусное хвастовство и неправдоподобный цинизм смешивались в отвратительное единство. Я запомнил на всю жизнь программный гимн первых лет: “Бога нет, царя не надо, мы урядника убьём, податей платить не будем и в солдаты не пойдём”... Таковы были все эти “зелёные”, “махновцы” и вся прочая разбойная “атаманщина”, показавшая себя в 1917—1921 годах в России»²⁶².

В одном из своих писем И.А. Ильин послал адресату стихотворение Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова (1848—1913):

«Бывают времена, когда десница Бога,
Как будто отстранясь от мира и людей,
Даёт победу злу — и в мраке смутных дней
Царят вражда и ложь, насилие и тревога;
Когда завет веков минувших позабыт,
А смысл грядущего ещё покрыт туманом,
Когда глас истины в бессилии молчит
Пред торжествующим обманом.
В такие дни хвала тому, кто, с высоты
На оргию страстей взирая трезвым оком,
Идёт прямым путём в сознании одиноком
Безумия и зла всей этой суеты;
Кто посреди толпы, не опьянённый битвой,
Ни страхом, ни враждой, ни лестью не объят,
На брань враждующих ответствует молитвой:

---

²⁶² Ильин И.А. О политической порочности и слепоте // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. II. С. 8—9.

“Прости им, Господи, — не знают, что творят!”²⁶³

Иван Александрович, оставаясь в Москве, действительно пытался установить связь с генералом Алексеевым и служить Белому делу. В те годы Ильин не думал об эмиграции: «Уходят ли от постели больной матери? Да ещё с чувством виновности в её болезни? Да, уходят — разве только за врачом и лекарством. Но, уходя за лекарством и врачом, оставляют кого-нибудь у её изголовья. И вот — у этого изголовья мы и остались.

Мы считали, что каждый, кто не идёт к белым и кому не грозит прямая казнь, должен оставаться на месте. Иронически относились мы к тем, кто уезжал “от усталости”, “не могу больше”, “хочу вырваться из ада”... Помните ответ Сократа, данный им в тюрьме ученикам, когда они уговаривали его бежать от несправедливого смертного приговора? — Когда родина давала тебе покой и благо, ты умел брать, а когда пришла беда и опасность, и несправедливость — ты бежишь? Именно бежишь: ибо уезжавших для борьбы мы провожали как героев — они духовно не бежали, хотя их отъезд по внешней видимости, и имел облик “бегства”...

Годы прошли с тех пор, как большевики захватили власть в России. И теперь, восемь лет спустя, я даю тот же самый ответ на вопрос: “следовало оставаться или уходить?” И ответ мой таков: следовало и уходить, но для борьбы; следовало и оставаться, но тоже для борьбы»²⁶⁴.

По убеждению Ильина, приобретённому личным опытом, «гражданская война — это взрыв ненависти, за которым следует всеобщий пожар... Гражданская война подобна эпидемии; это психоз ненависти... Гражданская война подобна землетрясению: всё колеблется, всё рушится... Человек человеку становится волком... Исчезает взаимное до-

---

²⁶³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 24.09.1932. [Т. 13. Кн. I]. С. 320.

²⁶⁴ *Ильин И.А.* Очерки внутренней России // *Ильин И.А.* Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т. 14]. С. 332.

верие. Все стремятся принять иное обличье и скрыть свои истинные симпатии. Все настроены на двойную мимирию, полуоткровенно славословя то одного, то другого временщика. Враг везде»²⁶⁵.

И.А. Ильин не одинаково относился ко всем тем, кто считал себя врагами революции и большевиков. Ни Керенский, ни Милюков, ни Савинков, ни иные из той когорты, что работала на расшатывание основ Российской Империи, не могли заслужить уважение в глазах философа. Даже к одному из главных лидеров Белого движения Антону Ивановичу Деникину Ильин был весьма критичен: «Храбрый и честный патриот, он решительно несостоятелен был как правитель, был чрезвычайно личным и лично-мстительным человеком... Никаких оснований возводить его в святые – безгрешные – Александры Невские нет»²⁶⁶. Л.Г. Корнилов и П.Н. Врангель были для него истинными Белыми воинами. С глубоким уважением Иван Александрович относился к всегдашнему защитнику Российской державы и православия – казачеству, именуя его российским рыцарством²⁶⁷.

Глава 12.

Изгнание

В конце 1921 г. умер отец Ильина, Александр Иванович. В письме к своей тётке Л.И. Гуревич Иван Александрович раскрывает свои переживания: «Папа ушёл с большою простотою и духовной красотой. Я застал его уже без сознания, и даже руку мою он уже не пожал. Он лежал потом спокойный, величавый, сочетая тихую ясную доброту

²⁶⁵ *Ильин И.А.* Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. С. 143.

²⁶⁶ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 11.02.1947. [Т. 13. Кн. III]. С. 184.

²⁶⁷ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 563–564.

верхней половины лица с чрезвычайно волевою силою и победительностью в нижней половине. Когда мы уже прощались с ним — ни тени тления. А ещё за три дня он на очереди подметал парадную лестницу своего дома и шутил со всеми соседями... Я не могу не выразить Вам этого: я гордился им последние годы и любовался. Я с тихою нежностью преклонился перед ним в его смерти. Какая простота, какое достоинство, какое почти не сознающее себя величие — в терпении, в отречении и в прощении. Мы положили его, как мне хотелось, в его старом дворянском мундире, только с чёрным воротником и чёрными пуговицами. Мамино горе было бесконечно нежное и такое тихое, достойное и религиозно-послушное. Тут всё — в этом событии — проникнуто благородной красотой...

Я ощутил в его уходе не смерть, а “ныне отпускаеши” — молитву, которую я тихо читал над ним во время его последних, глубоких и беспомощных, вздохов. Это была не смерть, это было освобождение созревшего духа — “безболезненное, непостыдное, мирное”; духа — переболевшего и победившего всю свою сильную и не покорную земную страстность. Было поистине что-то больше, чем человеческое в тех простых и сдержанных слезах, с которыми он говорил в последние годы о полянских крестьянах. У меня есть вопрос: не умирает ли человек вообще тем безболезненнее, чем более дух его при жизни очистился и созрел для мудрого, божественного бесстрастия?

Вечером, поздно, в день его кончины, я лёг спать и долго, тоскуя, ворочался; потом зажёл лампу и стал читать. Меня посетила минута малодушия: я думал с завистью о нём ушедшем, жизнь стала так бесконечно страшнее и противостественнее смерти, что смерть иногда кажется освобождающим покоем. Я никогда не думаю о самоубийстве и считаю его постыдным бегством; но в минуту малодушия душа иногда просит: “отзови! освободи!”

И вот мне попалось стихотворение Хомякова “Труженик”, которое я прочёл впервые и которое потрясло меня ответом. Оно несовершенно частями, но лучше идеею и превосходно в начале и в конце. Выписываю его целиком:

По жёстким глыбам сорной нивы
С утра, до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжёлый свой водил.
Довольно, дикою враждою
И злым безумьем окружён.
Боролся крепкой я борьбою...
Я утомлён, я утомлён.
Пора на отдых. О дубравы!
О тишина полей и вод
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!
Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот!
«Безумец, нет тебе покоя,
Нет отдыха: вперёд, вперёд!
Взгляни на ниву; пашни много,
А дня не много впереди.
Вставай же, раб ленивый Бога!
Господь велит: иди, иди!
Ты куплен дорогой ценою;
Крестом и кровью куплен ты;
Сгибайся ж, пахарь, над браздою:
Борись, борец, до поздней тьмы!»
Пред словом грозного призванья
Склоняюсь трепетным челом;

А Ты безумного роптанья
Не помяни в Суде Твоём!
Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой;
И не сомкну очей в дремоте
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.

О, да! Если бы не любовь к родине, не чувство призывания и не жена моя — я давно бы разорвался от горя и отвращения»²⁶⁸.

Вечером в сороковой день по смерти отца Иван Александрович читал в Психологическом обществе свой доклад «Религиозный смысл искренности» — третью главу из задуманной книги «Философия религии». Присутствовала мать философа Екатерина Юльевна. «Вечер был хороший: напряжённое, сосредоточенное настроение большой аудитории, на три четверти из молодёжи, истовые, вдумчивые прения, почти ни одной фальшивой ноты»²⁶⁹.

В 1921 — 1922 гг. Михаил Васильевич Нестеров (1862—1942) пишет картину «Мыслитель» — портрет И.А. Ильина на фоне осенней русской природы. В это время Иван Александрович бывает в мастерской художника и видит там недавно написанный им портрет П.Флоренского и С.Н. Булгакова. «Видел я его у самого Михаила Васильевича и, стоя перед портретом, говорил ему о том духовном гное, который он ясновидчески увидел и передал. А у него (у Нестерова) — всё лицо трепетало от радостного ликования — ибо я говорил верно. Потом он мне рассказал: “Был у меня на днях отец Флоренский. Долго смотрел портрет. Когда он уходил, я ему говорю “Эх, отец Павел, я бы Вас ещё нарисовал бы

²⁶⁸ *Ильин И.А.* Письмо к Л.И. Гуревич 24.12.1921. [Т. 11]. С. 95—97.

²⁶⁹ Там же. С. 97—98.

в духе Розанова паном с дудочкой". "Нет, — ответил тот мрачно, — довольно уж!"... Все эти люди, — считал Ильин, — не умеющие отличить духа от пола, молитвы от оргазма, вдохновения от соблазна, созерцания от выдумки, ответственности от кокетства»²⁷⁰.

4 сентября 1922 г. Ильина вновь арестовывают и предъявляют обвинение в антисоветской деятельности. Допрос в ГПУ свидетельствует об откровенности философа.

Вопрос следователя: «Скажите, гр-н Ильин, ваши взгляды на структуру Советской власти и на систему пролетарского государства».

Ответ И.А. Ильина: «Считаю Советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет».

Вопрос: «Ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой общественности».

Ответ: «Задача интеллигенции воспитать в себе новое мировоззрение и правосознание и научить ему других; задача старой русской общественности — понять свою несостоятельность и начать быть по-новому».

Вопрос: «Ваши взгляды на политические партии вообще и на РКП в частности».

Ответ: «Политическая партия строит государство только тогда и только постольку, поскольку она искренно служит сверхклассовой солидарности; я глубоко убеждён в том, что РКП, пренебрегая этим началом, вредит себе, своему делу, своей власти и России».

Вопрос: «Скажите Ваше отношение к сменовеховцам, савинковцам и к процессу ПСР».

Ответ: «1. Сменовеховцев считаю беспринципными и лицемерными политическими авантюристами. 2. Что творит Савинков и его друзья мне не известно; думаю, что

---

²⁷⁰ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 11.02.1947. [Т. 13. Кн. III]. С. 35–36.

роль их сыграна. 3. Процесс ПСР (я не следил за ним подробно), кажется мне, нанёс этой партии гораздо более сильный удар, чем тот, который партии СР удалось нанести в самом процессе советско-коммунистической власти».

Вопрос: «Ваше отношение к таким методам борьбы с Советской властью как забастовка профессуры».

Ответ: «Считаю так называемую “забастовку профессуры” мерою борьбы, не вытекающею из начал здорового правосознания, но подсказанною и навязанною *революционною тактикою рабочего класса*».

Вопрос: «Ваши взгляды на перспективы русской эмиграции за границей».

Ответ: «Русская эмиграция в том виде, какова она сейчас, может быть, и не способна к духовному возрождению; положение её вряд ли не трагично; я мало осведомлён».

Вопрос: «Скажите ваши взгляды на политику Советской власти в области высшей школы и отношение к реформе её».

Ответ: «Высшая школа прошла при Советской власти через целый ряд реформ; боюсь, что в результате этих слов от высшей школы останется одно название. На высшее учебное заведение Советская власть смотрела все время не как на научную лабораторию, а как на политического врага»²⁷¹.

По постановлению судебной палаты Главного политического управления И.А. Ильин приговаривается к высылке за границу Советской республики. Он отправляется из Москвы в Петроград. На вокзале его провожает мать Екатерина Юльевна, живущая в то время в семье сына Игоря по адресу: Скатертный переулок, № 22, кв. 5.

26 сентября 1922 г. корабль «Oberbürgermeister Hacken» отчаливает от Петроградского порта и направляется в германский порт Штетин. На его борту большая группа русских

---

²⁷¹ ЦА ФСБ. Д. Н-1554. Л.9–10 об. См.: *Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. [Т. 11]. С. 433–434.

учёных с семьями. Среди них и супруги Иван Александрович и Наталья Николаевна Ильины: они навсегда покидают отчие края. За несколько месяцев до своего изгнания, многократно подвергавшийся арестам, Ильин писал: «В самые трудные, мучительные минуты я испытываю каждый раз неопишное спокойствие от чувства и сознания себя в Его воле и в Его любви. Стоит мне только почувствовать, что главное в моей жизни есть любовь к Нему — и я осязаю себя не одиноким, нужным, принятым и устроенным. Он ведёт; может ли быть не ко благу? И спрашивать ли ещё, куда ведёт? Только бы мне всегда любить Его больше всего — и понимать, что остальное в Его воле; и тревожиться ли тогда ещё за себя, за дорогих сердцу, за нашу чудесную родину?»²⁷².

Отечество было в плену иллюзий, и патриоты России ему были чужды...

---

²⁷² Ильин И.А. Письмо к Л.И. Гуревич 28.05.1922. [Т. 11]. С.98—99.

Германия

Глава 13.

Русский научный институт в Берлине

В октябре 1922 г. Ильины прибывают в Германию и отправляются в Берлин, где они проживут 16 лет и переживут новые потрясения.

В Берлине Ильин сразу же принимает активное участие в работе над созданием Русского научного института. «Я полагаю, что мне и нам (Франку, Бердяеву, Кизеветтеру) вернее, правильнее осесть в Берлине, где русского духовно-культурного очага ещё нет, где его надо создать, где для этого уже открыты и разработаны все пути и возможности и где мы уже каптивированы целым рядом переговоров и соглашений, — отвечает из Берлина Иван Александрович приглашающему его в Прагу П.Б. Струве. — Здесь уже открывается нами философско-религиозная академия на средства американско-христианского союза и русский институт на средства голландско-христианского союза; последний институт научный и популяризаторский. При таком положении вещей набиваться всем в Прагу, где дело уже поставлено, было бы просто духовно-ошибочным шагом, не вызываемым никакими объективно-верными мотивами. Конечно — твёрдая валюта приятнее; конечно — легче там, где всё уже налажено; конечно — студенческий материал в Праге лучше; конечно — профессура в Праге квалифицированнее,

деньги обеспеченнее... Всё это — не говоря о сердечном влечении к друзьям. Но — это всё не главные весомые в вопросах духовного строительства.

Но если, что не исключено и чего нельзя предвидеть, — здесь всё разлезется (ну хотя бы *eventuell* от *Kommunisten-Putsch'a*¹) и мы освободимся от принятых на себя обязательств, то мы, кораблекрушённые, постучимся, быть может, в Прагу, и роль наших пражских друзей будет выручающая. Вот что мы трое (Бердяев, Франк и я) считаем правильным, и о чём каждый из нас напишет Вам особо. Я изложил это по-своему; *faciant aliter volentes*².

Мы выехали из России столь же бодрые и духовно-напряжённые, сколь сидели там. Эти пять лет я считаю для себя не меньшею милостью Божиею, чем завершительное “изведение” из темницы. Я жил там, на родине совсем не потому, что “нельзя было выехать”, а потому, что Наталия Николаевна и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и *очень* опасным для жизни. Мы бы *сами и теперь* не уехали бы, ибо Россия в своём основном массиве — *там; там* она болеет, *там же* находит и найдёт пути к исцелению. От постели больной матери, лежащей в беспомощности и судорогах, — *sua sponte*³ не уезжают; разве только — оторванные и выброшенные.

Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой, — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — *чёрный*, в своём первоначальном, белом сверкании. Без этого *чёрного* луча — все души бессильны бороться с сатаною.

Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой, — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская

---

¹ В случае коммунистического путча (нем.)

² Пусть желающие делают иначе (лат.)

³ По своему желанию (лат.)

кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — чёрный, в своем первоначальном, белом сверкании. Без этого чёрного луча — все души бессильны бороться с сатаной.

Я каждый день благодарю Бога за то, что он приобщил меня этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне, исполненной мистериозно-космического значения. Это духовный опыт *ohne seines gleichen*⁴. И по приезде сюда мы чувствуем себя не заморенными обывателями, потерявшими пять лет жизни, а (страшно сказать) миссионерами, прошедшими через чистилище и обременёнными великою и, может быть, непосильною ответственностью. Может быть — мы малы, слабы, не справимся, но данное нам, взятое нами и заданное нам — исключительно по своей значительности. И с болью смотрели мы оттуда, недоумевая, — почему так идейно пустынна и бесплодна русская эмиграция...

Будущее покажет, чем кто из нас бременеет; но “порожним” выехал только тот, кто при всяких условиях был бы не способен к духовному зачатию.

А пока немцы всемерно идут нам навстречу, поставили нас, изгнанных, в особливые условия (паспортные, налоговые, жилищные, академические) и уже заводятся переговоры об экстра оплачиваемых эпизодических курсах по-немецки в разных немецких университетах. Такими условиями было бы непозволительно пренебречь⁵.

«Наш “изгнаннический” Берлин варит разные планы и затеи в 25 котлах, — продолжает делиться планами с П.Б. Струве И.А. Ильин. — Все хотим “фигурировать”; не вышло бы, что всего-навсего “рируем фигу”... Впрочем — я никуда не тороплюсь и больше всего хочу найти спокойные две-три комнаты

---

⁴ *Не имеющий себе равных (нем.).*

⁵ *Ильин И.А. Письмо к П.Б. Струве 03.11.1922 // Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). [Т. 11]. М., 1999. С. 115–117.*

и уйти в качественное созерцание и прилежное проращивание глубинных знаков»⁶.

К началу 1923 г. структура института сформирована. «Институт имеет 4 отделения: культурно-философское, правовое, экономическое и естественно-агрономическое. Задача его: дать русским о России духовно-научное видение и знание, т.е., прежде всего, произвести опыт национального самосознания в беде и к возрождению, — отмечает философ в письме к А.В. Карташову. — Во главе стоят профессора, изгнанные этой осенью из Москвы и Петрограда. Философско-религиозная интенция преобладает, но есть и вечно-слепые атеисты типа Прокоповича»⁷.

17 февраля 1923 г. на открытии Русского научного института в Берлине декан юридического факультета⁸ профессор Ильин произносит программную речь «Проблемы современного правосознания»⁹, в которой определяет современную эпоху как «эпоху великого духовного разоблачения и пересмотра», а главную причину мировых потрясений — духовное оскудение, вырождение духовной культуры человека¹⁰. «Разложение современного правосознания так велико, и коренится оно столь глубоко, что продолжение этого процесса грозит гибелью всей цивилизации и всей культуре... Необходимо поставить перед собою задачу верного воспитания верного правосознания в наших детях и детях наших детей; чтобы избавить их и их внуков от того горя и того стыда, в котором ныне медленно сгорают наши души... Пусть главным источником нашего вдохновения в этом трудном и ответ-

---

⁶ *Ильин И.А.* Письмо к П.Б. Струве 06.12.1922. [Т. 11]. С. 118.

⁷ *Ильин И.А.* Письмо к А.В. Карташову 11.01.1923. [Т. 11]. С. 314.

⁸ И.А. Ильин исполняет должность декана в 1923—1924.

⁹ В этом же году речь была издана в Берлине отдельной брошюрой.

¹⁰ *Ильин И.А.* Проблема современного правосознания // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). [Т. 14]. М., 2001. С. 445.

ственном деле будет глубокая и предметная любовь к нашей чудесной и страдающей России!»¹¹.

Профессор Ильин читает на русском и немецком языках ряд курсов: энциклопедия права, история этических учений, введение в философию, введение в эстетику, учение о правосознании и другие. Он становится всё более известен в европейских научных и культурных кругах. В 1924 г. русского учёного избирают членом-корреспондентом Славянского института при Лондонском университете. В 1926 г. Ильина приглашают в Кёнигсбергский университет для прочтения публичного доклада «О правосознании и правопорядке в современной России». С тех пор он, наряду с преподаванием в Русском научном институте, выступает с публичными лекциями в самых разнообразных аудиториях Европы — в Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Австрии, Югославии, Латвии, Эстонии... Основные темы лекций: энциклопедия права, история этических учений, методология юридических наук, система этики, введение в философию, введение в эстетику, история греческой философии, философия немецкого идеализма, логика, философия религии, учение о правосознании, философия Гегеля, религиозная идея восточного православия, о духовных причинах революции в России, современная русская изящная литература, сущность и судьба коммунизма, о формах государственного устройства, основы советского государства. За время, с 1926 по 1938 гг., Ильин выступил в европейских аудиториях около 200 раз на русском, немецком и французском языках. Его статьи выходят в разных эмигрантских изданиях — «Возрождение», «День русского ребёнка», «Новое время», «Новый путь», «Православная Русь», «Россия», «Русский инвалид», а также в германской и французской прессе.

Иван Александрович, считающий себя белым воином с дней попытки Л.Г. Корнилова остановить скатывание России в пропасть революционной братоубийственной войны,

---

¹¹ *Ильин И.А.* Проблема современного правосознания. С. 462—463.

по приезде в Берлин сразу же устанавливает связь с вождём белого русского воинства Петром Николаевичем Врангелем. Он отправляет Главнокомандующему Русской армии письмо: «В армии, руководимой Вами, мне всего дороже её живое вдохновение, уже превратившееся в волевой характер. Это вдохновение в корне своём религиозно; этот характер в строении своём рыцарственен. История человечества обогатилась новым орденом; Россия рухнула потому, что такого ордена у неё не было; без такого ордена Россия не возродится; падение большевиков и конец революции не должны быть концом его, но укреплением. Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей её государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности — это гнездо духовного здоровья. Драгоценнее всего — блюсти его внутренний, вполне не насилуемый и вполне необходимый рост. Я сам — глубоко убеждённый монархист; я считаю подлинную монархию одним из самых чудесных достижений духовной жизни. И в то же время я считаю глубоко правильной позицию Главного Командования в этом вопросе: бутон не расковыривают, он расцветает сам; и когда расцветёт — явит красоту»¹². Действительно, Пётр Николаевич оказался духовно и идейно близок Ильину, они стали единомышленниками. И когда 1 сентября 1924 г. Главнокомандующий П.Н. Врангель преобразовал кадры Русской армии в зарубежье в воинское братство, названное «Русским Общевоинским Союзом», Иван Александрович установил с ним тесное сотрудничество. Для белых русских воинов он становится как бы внепартийным идеологом Белого движения. Позже Ильиным была написана статья «Что такое Русский Общевоинский Союз»¹³.

В начале 1927 г. Ильин инициирует переписку и с Иваном Сергеевичем Шмелёвым, в творчестве которого он увидел

---

¹² Ильин И.А. Письмо к П.Н. Врангелю 05.04.1923. [Т. 11]. С. 211.

¹³ Ильин И.А. Что такое Русский Общевоинский Союз // Ильин И.А. Т. 2. Наши задачи. Кн. I.

глубоко русское явление. Философ первым отправляет писателю письмо: «Из самой сердечной и духовной глубины шлю Вам благодарность за чудесный рассказ “Свет разума”. Это самое необходимое, это самое живое, это незабываемое! Истинное искусство всегда философично, всегда метафизично и религиозно — горит, и жжёт, и очищает душу. Я не один раз перечитал Ваш рассказ; и душа плакала слезами умиления; а воля крепла. “Сухая слезинка, выплаканная во тьме беззвучной”... Это не слова, а осиянные, пророческие глаголы. Да утешит и да соблюдёт Вас Господь! Так хотелось бы иметь все Ваши творения.

Мы не встречались с Вами, но я давно духовно люблю Вас и горжусь Вами. Жена моя, Наталия Николаевна шлёт Вам привет. С новым годом!

Ваш И.А. Ильин. 1927.1.19.

Berlin — Wilmersdorf Sudwestkorso 18 Parterre»¹⁴.

И.С. Шмелёв мгновенно откликается: «Дорогой Иван Александрович! Большим, истинно светлым чувством отозвалось в моей душе письмо Ваше. Всегда хорошо на душе, когда получаешь отклик, подтверждение, что не впустую твоя работа, что словом пробуждается доброе... Но когда слышишь привет и похвалу от человека, которого считаешь, которому глубоко веришь, которым восхищаешься и гордишься... — у меня нет слов сказать всё, что я вижу и чувствую в Вас! — тогда крепнет и утишается душа. Не раз, не раз порывался я написать Вам, приветствовать Вас за стойкость, за блеск дарованья Вашего, за мужество в борьбе, за великую честность перед Россией, за высокую и одухотворённую человечность — русскость! За ту горькую и такую нужную нам всем *правду*, которую Вы ищете, находите и поясняете всем. Вы один из первых — нужнейших родине, нет, Вы — исключительнейшее, сколько я могу чувствовать, явление, светлейшее — в страшном и подчас великом разномое, царящем

---

¹⁴ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 19.01.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 13.

в эмиграции — и повсюду. Я вас так (!) чувствую! Вы не страшитесь вскрывать гнойники интеллигентщины (всё ещё!) русско-интернациональной, хронической болезни, одурьдурман и — ложь! И много зато у Вас врагов. Но, — знаете Вы и сами, — и друзей, невидных сейчас, пока, — много! И будет всё больше. Да, Вы такой — единственный у нас. И что важно — с таким блеском, с таким искусством живого и яркого слова, с такой широтой и духовной глубиной знаний! Для меня несомненно, что Вам выпала — и по праву! — доля высокая — представлять за Россию, за духовные её ценности, — наследие от лучших из тех, кто эти ценности обрели в ней, развивали, очищали, вносили в жизнь мира. Воистину, за эти ценности должно душу свою отдать. И защищать их, — Божье дело, — Крестом — Мечом! Понятен мне весь фальшивый вой-воплъ, поднятый слева, и вся эта эквилибристика, с опорой на Закон Христов! — вплоть до Бердяева! Понятно всё, — страх за содеянное понятен, и “круговая порука” в шулерстве. Непонятно лишь буквоедство и софистика гг. философов. Не могут понять, что и “всему применение бывает”! И если, для меня, самая математическая истина, применённая к живому, к вечно формирующемуся духу, губит его, я обязан эту формальную истину отвергнуть. Ибо — не в лаборатории я и не у доски, а при живом! И — живу, и сам, мучаясь и принося жертвы, ищу истину. Великая свобода дана нам, великая *carte blanche* — глубина безмерная: “Суббота — для человека!” И всякий меч, да, Крестом осиянный, направленный против Зла — сам — Крест! Правда — в людях, не книжная. К людям Христос пришёл и не книжное принёс, а — жизнь, именно — Свет Разума. Так я чувствую. Иначе — рабы умствований и... похоти! Этого иным нужно. И — пугают, и путают умы. И давно запутались. И — про себя-то — говорят: немножко ещё попутаем, а там — “оттянем”. От-тя-нуть — иным хочется. Ибо — страх. Ибо — чувствуют. Тошна до ужаса — неизбежная человечья подлость. Нехристиане, никакие христиане, когда полезно, за Христа хватаются, дьявольски во Христа

облекаются! Чего — дальше?! Одно ясно: “собаки лают, значит едем!”

Вы простите меня. Говорю, м.б., как язычник. И одно утешает: ведь к язычникам тянулся Христос, и — “с мытарями и грешниками” трапезовал. Не приемлю “святости” иных, непогрешимости их. Сам ищу, и совесть говорит мне: кривую дорогой — дальше иди прямой!

Вы ревнуете о России и её Правде. И если бы *народ* наш всего знал Вас, он сказал бы: благослови, Господь!

Я не мыслитель, не политик. Я — русский человек и русский писатель. И я стараюсь прислушиваться к правде русской, т.е. к необманываемому, к совестному голосу духа народного, которым творится жизнь. Я принял от народа, сколько мог, — и что понял — стараюсь воссоздать чувствами. И в этом деле столько созвучного нахожу в творчестве-деле Вашем! И Ваше письмо поэтому для меня великая радость!

Будьте здоровы, бодры, крепки, несокрушимы! Славьте Россию, громите палачей её, не сдавайте “Крепости”! Учите интеллигентщину, образуйте из молодых — подлинно русских людей, — настоящую русскую здоровую интеллигенцию — духовных водителей и работников для России»¹⁵.

Так началась и не прекращалась всю жизнь переписка двух русских гениев, всё своё творчество посвятивших будущему возрождению Великой России. Почти через год, осенью 1927 г., произошла их первая встреча: «Милый и дорогой Иван Сергеевич! Незабываемо для меня впечатление от нашего свидания! Я по-новому увидел строгую, скорбную и вдохновенную силу Вашу. Я не знал издали, что в Вас столько грозы и муки: в писании они тонут в нежной и сияющей глубине; в *беседе* — лучи светят сквозь бурю. Храни Вас Господь! Пишите и жгите; но не перегорайте сами!»¹⁶ Во всех тяжёлых испытаниях, которые

---

¹⁵ Шмелёв И.С. Письмо И.А. Ильину 22.01.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 13–15.

¹⁶ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 01.12.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 74–75.

ждали их во множестве впереди, два великих патриота, «два Ивана, российских сына»¹⁷ всегда находили поддержку друг у друга.

Глава 14.

О сопротивлении злу

В 1924 г. у Ивана Александровича, после того как он переболел гриппом, вновь обостряется болезнь лёгких (катар «верхушек»), и в мае семейство Ильиных отправляется на юг, в Австрию, чтобы поправить здоровье больного. Вскоре они получают, благодаря меценатству члена Высшего Монархического Совета Бориса Густавовича Кеппена, возможность дальнейшего отдыха и лечения в Италии.

Ильин попадает в Италию в период, когда к власти пришёл Бенитто Муссолини. Философ погружается в новую среду общественных и государственных преобразований, стараясь понять их сущность и значение. В парижской газете «Возрождение» появляется серия статей И.А. Ильина «Письма о фашизме», где он в форме репортажей даёт оценку деятельности итальянских фашистов. «Это не толпа; а *народ*, не “весь” народ, но *сам* народ — сверху донизу — и интеллигенция, и сенаторы, и генералы, и простонародье»¹⁸. — определяет Иван Александрович социальный состав итальянского фашистского движения. По мнению Ильина, Муссолини провозгласил борьбу с интернациональными интригами масонов и революционеров для того, чтобы «выветрить накопившуюся атмосферу гражданской войны»¹⁹. «Фашизм есть стихия национального каления, патриотической страсти и

---

¹⁷ Ильин И.А. Письмо Шмелёву 05.04.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 42.

¹⁸ Ильин И.А. Письма о фашизме // Ильин И.А. Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). [Т. 14]. С. 223.

¹⁹ Там же. С. 227.

исключительности», масонство — «стихия интернационального разлива», «не-национально-патриотическое» движение и нет никакой возможности примирить эти «две противоположные стихии»²⁰. Ильин пишет о провозглашаемой итальянскими фашистами основной задаче — «реально и не социалистически дать трудящимся массам живое осязание справедливости»²¹. Вождя итальянского фашистского движения Муссолини Ильин считал, как и испанского лидера Франко, Белым воином, в отличие от Гитлера²². Уже после Второй мировой войны Ильин писал: «Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко ещё не изжитое. В нём есть здоровое и болезненное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. ... Фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо»²³.

В Италии Ильин начинает писать одну из самых известных своих книг, прозвучавших в русском зарубежье — «О сопротивлении злу силою». Проблемой недопущения победы зла над добром, как этической, политической, правовой и духовной, Ильин был занят постоянно. Вспомним его работу, написанную в начале Первой мировой войны — «Основное нравственное противоречие войны», когда он поднимал в духовно-нравственной плоскости вопрос «Может ли человек разрешить себе по совести убиение другого человека?»²⁴ и разрешал его, разделяя его на «вопрос о нравственной доброкачественности деяния и вопрос о практической целесообразности»²⁵. В пись-

---

²⁰ Там же. С. 227, 233. .

²¹ Там же. С. 226.

²² Отношение к Гитлеру, к его доктрине и политике у И.А. Ильина было прямо противоположное — как к провокатору-погубителю Белого сопротивления наступающему Интернационалу. См.: Ильин И.А. О фашизме // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. М., 1993.

²³ Ильин И.А. О фашизме // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 86.

²⁴ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5. С. 9.

²⁵ Там же. С. 23.

ме к Б.В. Яковенко в мае 1923 г. Иван Александрович писал: «Бытие ищет Бытия и не объединяется с небытием, как бы это небытие ни утверждало себя само в качестве лика Бытия. Политика сейчас не уголок, а оселок, лакмусова бумага, пробирная палатка — измеряющая духовное здоровье человека. Конечно — это “благоразумно” — отойти от зла. Но христианин призван к иному своим Учителем: подойти ко злу, принять его в себя на пути художественного отождествления с ним, и, приняв его — не стать им; познать его в опыте — не заражаясь им; изведать его природу — чтобы зорко и верно и неодолимо противостоять ему, и в себе, и в других»²⁶. Теперь, после десяти лет мировой войны, революций и войны гражданской, Ильин имеет гораздо больший опыт встречи со злом. Учёный погружается в работу над книгой, занимается в библиотеках Флоренции, Сан-Ремо, Сиузи и Мерана, наблюдает за происходящими в России и Европе событиями.

К весне 1925 г. социально-философское исследование «О сопротивлении злу силою» закончено. В марте Ильин возвращается в Берлин и сдаёт книгу в печать. Финансирование издания берёт на себя тот же Б.Г. Кеппен.

Ильин как бы готовит аудиторию русского зарубежья к выходу книги, выступая в разных странах с докладами об опыте реального сопротивления злу силою в недавней российской истории. 17 июня в парижской газете «Возрождение» на основе этих докладов публикуется статья «Идея Корнилова». В докладах Ильина упоминается о предстоящем выходе книги и излагаются некоторые её идеи, её задача — «попытаться найти верный исход и разрешение вопроса, перевернуть раз навсегда толстовскую страницу русской нигилистической морали и восстановить древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе»²⁷. Уже после докладов Ильина в газетах русской эмиграции по-

---

²⁶ Ильин И.А. Письмо к Б.В. Яковенко 08.05.1923. [Т.11]. С. 318.

²⁷ Ильин И.А. Идея Корнилова. Из речи, произнесённой в Праге, Берлине и Париже // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5. М., 1995. С. 225.

являются отзывы об идеях, выдвинутых автором, ставшие прелюдией к той широкой дискуссии, которая развернулась после выхода книги.

И.А. Ильин делится в письме с П.Б. Струве: «Книга задумана не как антитезис Толстовству, а как антитезис + (плюс) синтез верного решения:

Сопrotивляйся всегда любовью —

а. самосовершенствованием

б. духовным воспитанием других

с. мечом

Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательство того, что к любви — меченосец способен не меньше, а больше непротивленца. Словом, я искал решения вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе православия»²⁸.

Описывая Струве внутреннюю структуру книги, Ильин помогает более ясно увидеть её общий идейный замысел:

«Книга распадается на 4 части:

1) главы 1—8: расчистка дороги от мусора, уяснение, уточнение, удаление плевел из мысли, чувства и воли; постановка проблемы;

2) главы 9—12: погребение набальзамированного Толстовства;

3) главы 13—18: разрешение проблемы — начало: бей, но когда? но доколе? но отколе? но кого? но зачем? но почему?

4) главы 19—22: разрешение проблемы — конец: очищайся, от чего? почему? для чего?»²⁹.

В обращении-посвящении к читателю книги Ильин пишет о главном поводе, заставившем его заняться этим трудом — «грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, пронесаясь опаляющим и очистительным огнём в наших душах»³⁰. «В этом огне, — пишет

²⁸ *Ильин И.А.* Письмо к П.Б. Струве 19.07.1926. [Т. 11]. С. 139.

²⁹ Там же. С. 138—139.

³⁰ *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. М., 1995. С. 33.

мыслитель, — горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию; эти заблуждения и предрассудки вели её к разложению и гибели. В этом огне обновляется наше религиозное и государственное служение, отверзаются наши духовные зеницы, закаляется наша любовь и воля. И первое, что возродится в нас через это — будет религиозная и государственная мудрость восточного Православия и особенно русского Православия. Как обновившаяся икона являет царственные лики древнего письма, утраченные и забытые нами, но незримо присутствовавшие и не покидавшие нас, так в нашем новом видении и волеии да проглянет древняя мудрость и сила, которая вела наших предков и строила нашу святую Русь! В поисках этого видения мыслью и любовью обращаюсь к вам, белые воины, носители православного меча, добровольцы русского государственного тягла! В вас живёт православная рыцарская традиция; вы жизнью и смертью утвердились в древнем и правом духе служения; вы соблюли знамёна русского Христолюбивого Воинства. Вам посвящаю эти страницы и вашим Вождям. Да будет ваш меч молитвою и молитва ваша да будет мечом!»³¹.

Человечество мудреет в страданиях, уверен философ: «В мучениях душа очищается и прозревает; прозревшему взору даётся источник мудрости — очевидность. Но первое условие умудрения — это честность с самим собою и с предметом перед лицом Божиим»³². И.А. Ильин призывает русских людей к честному разговору о причинах зла, постигших Россию. Он ставит главную проблему: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и своё место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою? Вот двуединый вопрос, требующий ныне

---

³¹ Там же. С. 33.

³² Там же. С. 34.

новой постановки и нового разрешения. Ныне особенно, впервые, как никогда раньше, ибо беспощенно и бесплодно решать вопрос о зле, не имея в опыте подлинного зла; а нашему поколению опыт зла дан с особенною силою, впервые, как никогда раньше»³³. Именно в России подлинное зло впервые было дано человеческому духу с такой откровенностью, считает философ, и для тех, кто пережил его лицом к лицу, многие проблемы духовной культуры наполнились новым содержанием, получили новое значение, поэтому они требуют предметного пересмотра и нового освещения. События российской истории показали с особой ясностью, что с виду морально-практический вопрос о сопротивлении злу в действительности носит глубокий религиозно-метафизический смысл и требует верных, необходимых и достойных путей решения.

Этот вопрос надо поставить и разрешить философски, как вопрос, требующий зрелого духовного опыта, продуманной постановки и *беспристрастного* решения, и поэтому Ильин обращается к русским изгнанникам с призывом отрешиться от преждевременных и торопливых выводов применительно к своей личности, к её прошлым действиям и будущим путям. Философ просит своих соотечественников, участвовавших в дореволюционной России в различных партиях и течениях, посмотреть на проблему не с партийных и идеологических позиций.

Ильин обращается к одному из главных сентиментальных заблуждений дореволюционной русской интеллигенции, которое «с такой слепой настойчивостью вдвигали и постепенно вдвинули в философски неискушённые души граф Л.Н. Толстой, его сподвижники и ученики»³⁴. Учение Л.Н. Толстого и его последователей о несовместимости с учением Христа сопротивления злу силой «привлекало к себе слабых и простодушных людей, и придавая себе ложную видимость согласия

---

³³ Там же. С. 34.

³⁴ Там же. С. 35. Напомним, что И.А. Ильин вовсе не умалял и любил художественный талант Л.Н. Толстого.

с духом Христова учения, *отравляло* русскую религиозную и политическую культуру»³⁵.

Ильин начинает с «удаления плевел из мысли, чувства и воли» (главы 1–8)³⁶. Он показывает множество неверных, на его взгляд, посылок в статьях Л.Н. Толстого. Например: «теперь уже нет тех особенных насильников, от которых государство могло защищать нас» и преступники «суть такие же люди, как и все мы, и точно так же любящие совершать преступления, как и те, против которых они их совершают» («Царство Божие»)³⁷. В 1917 г. появился опыт, когда «жертвы эксплуататорского строя» — преступники всех мастей были выпущены из тюрем, полиция расформирована, и страну захлестнул вал самой ожесточённой беспредельной преступности³⁸. Но откуда у писателя была такая уверенность, что «сумма насилия ни в каком случае не может увеличиться от того что власть перейдёт от одних людей к другим» («Царство Божие»? После революции власть перешла от одних людей к другим, и насилие увеличилось. Мысль Толстого о том, что «государственная власть всегда принадлежит худшим и злым», «злые всегда властвуют над добрыми и всегда насилуют их» («Царство Божие»), «политическая деятельность... правителей и их помощников... есть в сущности самая пустая, притом же и вредная человеческая деятельность» («Закон насилия»), «всякая присяга вымогается у людей для зла» («В чём моя вера») — по мнению Ильина, развращали и разрушали правосознание народа, формировали у общественности негативное отношение к правоохранительным органам и государству в целом, в конечном итоге — подавляли волю к со-

---

³⁵ Там же. С. 37.

³⁶ *Ильин И.А.* Письмо к П.Б. Струве 19.07.1926. [Т. 11]. С. 139.

³⁷ См.: *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. С. 36–40.

³⁸ С окончанием Гражданской войны газетные сводки начала 1920-х гг. пестрели описаниями убийств и ограблений с убийством целых семейств. Советскому правительству пришлось вводить жесточайшие меры по преодолению безудержной преступности.

противлению силам зла. А утверждение Л.Н. Толстого о том, что «все европейские народы исповедуют одинаковые принципы свободы и братства и потому не нуждаются в защите друг от друга» было поколеблено опытом Первой мировой войны.

Ильин очищает христианское учение о человеколюбии от сентиментального морализма, показывая, как происходит самопредание злу. Ведь в буквальном смысле слова о несопротивлении злу никто из честных людей и не думает, ибо сама склонность к такому несопротивлению превращает человека из духовного субъекта в объект духовного воздействия. Что означает «непротивление» в смысле отсутствия всякого сопротивления? «*Приятие* зла, допущение его в себя и предоставление ему свободы, объёма и власти»: несопротивление злу ведёт к «подчинению ему, самопреданию ему, участию в нём и, наконец, превращению себя в его орудие, в его орган, в его рассадник, наслаждению им и поглощению им»³⁹. Жизнь показывает, что тот, кто *совсем* не сопротивляется злу, тот выдерживается и от порицания его; ибо порицание, пусть даже внутреннее, есть уже сопротивление, чреватое практически выводами и борьбой. Пока в душе живёт неодобрение или хотя бы смутное отвращение ко злу, до тех пор человек ещё сопротивляется, борется внутри себя, он ещё может *восстать* против него. Чтобы прекратилось всякое сопротивление злу — внешнее и внутреннее — надо чтобы прекратилось осуждение его. «Поэтому несопротивляющийся злу рано или поздно приходит к необходимости уверить себя, что зло — не совсем плохо и не так уж безусловно есть зло; что в нём есть некоторые положительные черты, что их притом немало, что они, может быть, даже преобладают, — пишет Ильин. — И лишь по мере того, как ему удаётся уговорить себя, заговорить своё здоровое отвращение и уверить себя в белизне черноты, угасают остатки сопротивления и осуществляется *самопредание*. И когда отвращение стихает и зло уже не переживается как зло, тогда приятие незаметно становится цельным: душа начинает

---

³⁹ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 22.

верить, что чёрное — бело, приспособляется и уподобляется, становится сама чёрною, и вот уже одобряет и наслаждается и, естественно, восхваляет то, что даёт ей наслаждение»⁴⁰. Так просто и ясно философ показывает путь, по которому шли многие те, кто незаметно принимал в себя идеи разрушения, переходил от них к актам террора, а в итоге — к разрушению своей Родины, к унижению и порабощению своего народа.

Поэтому «ставить и исследовать вопрос о сопротивлении злу имеет смысл только от лица живого добра»⁴¹, предупреждает мыслитель. Ибо найти зло, как таковое, постигнуть его природу и противостоять ему, не приемля его самого, и есть задача добра, открытая и доступная только ему. Борьба со злом, ведомая злым существом, в конечном итоге становится не сопротивлением злу, а служением ему и насаждением его.

С христианской точки зрения, напоминает мыслитель, то, что следует любить в ближнем как «самого себя», есть не просто «земной, животный состав человеческий, со всем его животным самочувствием, со всеми его земными потребностями и удовольствиями, со всем его претендующим самодовольством, но «луч Божий в чужой душе, частица Божественного огня, духовная личность»⁴². Тогда открывается подлинное братство людей — в Боге, и то, что невозможно для человека в силу его неодухотворённого животного инстинкта, становится возможным и неизбежным для него как для духовного существа. Тогда человек поймёт, почему и что необходимо защищать в ближнем.

Вовсе неглупые революционные и либеральные изгнанники, бывшие террористы и хулители «проклятого прошлого», поняли ход мысли философа. Поняли, но не приняли, ибо не захотели, как просил автор в начале своего исследования, смотреть на проблему не с партийных и идеологических

---

⁴⁰ Там же. С. 38–39.

⁴¹ Там же. С. 133.

⁴² Там же. С. 136.

позиций, не захотели преодолеть свои старые «заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции»⁴³.

Глава 15.

Полемика о борьбе со злом

Не успела книга «О сопротивлении злу силою» выйти из печати, как сразу же она получила широкий отклик в самых разных кругах русской эмиграции, и не только: в главной советской газете «Правда» появилась статья М. Кольцова «Омоложенное евангелие» — отклик на книгу изгнанного из советской России мыслителя⁴⁴.

В эмиграции первыми, в июне — июле 1925 г., выступили авторы парижской газеты П.Н. Милюкова «Последние новости» И.П. Демидов и Н.П. Вакар⁴⁵. Статьи обоих авторов были весьма критическими. В парижской газете «Родная земля» (№ 26, 10.08.1925) Л.М. Добронравов в статье «Единый путь. Оправдание меча и убийства» возражал против любых попыток православно обосновать приемлемость для христианина государственности, меча и сопротивления злодеям силой. Положительные отклики на книгу И.А. Ильина о сопротивлении злу силой на первом этапе дискуссии были в публикациях П.Б. Струве в «Возрождении», В.М. Даватца («Русь»), П. Петропавлова («Ревельское слово»), неизвестных авторов «Русской газеты» и «Еженедельника Высшего монархического совета». Последовали заметки и известных религиозных писателей А.В. Карташева и митрополита Антония (Храповицкого).

---

⁴³ Там же. С. 33.

⁴⁴ Кольцов М. Омоложенное евангелие // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5. С. 301–303.

⁴⁵ Демидов И.П. Творимая легенда; Он же. Путь ученичества; Вакар Н.П. По поводу «меча» // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5.

А.В. Карташев весьма высоко оценил книгу мыслителя, её научную и практическую значимость для современности: «Поставленный профессором Ильиным вопрос о “сопротивлению злу”, об активной борьбе со злом является кардинальной проблемой как этики, так и философии права, а пожалуй и философии религии... Чрезвычайно ценной является в книге Ильина глубокая, действительно уничтожающая критика индивидуалистического эгоизма-нейтрализма, заботящегося только о *своём личном* спасении, пытающегося отвергнуть основанную на общечеловеческой солидарности ответственность каждого за всё совершающееся, хотя бы и не им совершённое»⁴⁶.

Митрополит Антоний (Храповицкий) в Белградской газете «Новое время» публикует отзыв «О книге И. Ильина (“О сопротивлении злу силой”», защищая автора от «нанятых критиков». Главной ценностью книги И.А. Ильина известный русский иерарх и богослов (бывший ректор Московской духовной академии) увидел в том, что «он ясно и определённо указал на ложь и лицемерие непротивленцев, могущих продолжать своё существование только благодаря наличности армии и полиции во всяком культурном народе, а следовательно, ответственных за те карательные законы, которые действуют в их стране. Не все граждане палачи, не все сражаются на войне, но без армии и палачей они бы не могли жить в безопасности, и следовательно если война и казнь грех, то это грех всех. Вот эту истину И.А. Ильин выясняет со всею ясностью: если не казнить нераскаянных злодеев, то они будут казнить мирных граждан»⁴⁷.

К концу года полемика затихла: основные споры были ещё впереди.

---

⁴⁶ А.К[арташев]. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. С. 367, 368.

⁴⁷ *Антоний (Храповицкий), митрополит.* О книге И. Ильина («О сопротивление злу силою») // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. С. 370.

25 февраля 1926 г. в «Последних новостях» З.Н. Гиппиус выступила с весьма резкой статьёй «Предостережение», и обсуждение книги Ильина разгорелось с новой силой. Здесь высказались представители всех направлений, все наиболее авторитетные лидеры российского рассеяния. В поддержку Гиппиус в полемику вступили газета А.Ф. Керенского «Дни», журналы «Путь» (Н.А. Бердяев) и «Современные записки» (статьи З.Н. Гиппиус, Ф.А. Степуна, В.В. Зеньковского). В защиту идей Ильина выступила газета «Возрождение» (П.Б. Струве и профессор математики А.Д. Билимович).

З.Н. Гиппиус объявила Ильина бывшим философом, не считающимся более с условиями разумного мышления, буйствующим «одержимым», который «изрыгает свои беспорядочные проклятия и угрозы». В следующем отклике Гиппиус «Меч и крест» («Современные записки», 1926 г., №XXVII) в адрес книги Ильина прозвучали слова — «военно-полевое богословие» и «палачество». Гиппиус «разоблачает» труд мыслителя — «политическая, монархически-пропагандная книга».

Газета Керенского «Дни» публикует две анонимные статьи с резкой критикой идей Ильина — «Военно-полевое богословие» и «Праведник». Обе статьи повторяют обвинения Гиппиус в «одержимости» и «палачестве» Ильина.

Наиболее серьёзным из критических отзывов на книгу Ильина можно считать большую статью Бердяева «Кошмар злого добра (О книге И. Ильина “О сопротивлении злу силою”», появившуюся в июле 1926 г. в парижском журнале «Путь: Орган русской религиозной мысли», №4. Статья состоит как бы из двух частей: сначала Бердяев даёт общую характеристику Ильина и его книги, затем излагает и опровергает взгляды автора на государство, свободу, человека и любовь. Н.А. Бердяев считает основной ошибкой Ильина абсолютизацию относительного, смешение государства с Церковью. Он считает, что Ильин «приписывает государству цели, которые могут быть осуществлены лишь Церковью»⁴⁸. По убеждению

---

⁴⁸ Бердяев Н.А. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротив-

Бердяева, побеждать зло может лишь Церковь, лишь свобода и благодать в их взаимодействии, и поэтому он считает необходимым признавать «не только свободу добра, но и некоторую свободу зла»⁴⁹. У Ильина же, считает Бердяев, свобода носит нормативный характер, и государство есть система принудительной организации добра в мире. Добро получается принудительным. Персоналист Бердяев делает вывод, что Ильин смотрит на человека лишь как на орудие добра, так как для него вечно добро, а не человек. Он считает, что Ильин хочет не столько творить добро, сколько истреблять зло, и обвиняет его в «патетическом гимне смертной казни»⁵⁰. Н.А. Бердяев считает взгляды мыслителя на государство, свободу, человека и любовь совершенно не христианскими и даже антихристианскими, объявляя философа чуждым «лучшим традициям нашей национальной мысли»⁵¹.

Газета «Дни» публикует статью с ещё более злобным заголовком: «Чекист во имя Божье». Некий «Церковник», повторяя обвинения Бердяева, делает политические выводы, наподобие Гиппиус: «Проф. И.А. Ильин взял на себя роль идеолога махровой правой эмиграции и в названной книге он делает попытку обосновать и от философии, и от религии, и от Священного Писания истинность устремлений правых к власти и истинность их методов борьбы со “злом революции”». Обозвав Ильина «чекистом во имя Божье», «Церковник» делает далее ещё большее обвинение: «Книга И. А. Ильина – хула на Духа!»⁵². И это – в абсолютно атеистической газете Керенского...

29 августа 1926 г. Иван Александрович пишет П.Б. Струве: «Сегодня получил от Нины Александровны номер “Дней”

тивлении злу силою») // *Ильин И.А. Собр. соч.* Т. 5. С. 384.

⁴⁹ Там же. С. 386.

⁵⁰ Там же. С. 389.

⁵¹ Там же. С. 392.

⁵² *Церковник.* «Чекист во имя Божье» // *Ильин И.А. Собр. соч.* Т. 5. С. 395.

(15 августа), где некий “Церковник” с упоением излагает статью Бердяева против моего “Сопrotивления злу силою”... Превращение меня в реакционного чекиста — и неверно, и неприлично, и просто подло. Подумайте: пять лет революции в Москве Бердяев преследовал меня своими возражениями на ту тему, что свобода и личность не нужны государству, что государство (даже большевистское) держится “священным гипнозом” (sic! сказано 100 раз публично). А я защищал свободу и личность в строении религии и государства. И ныне, когда к известному ему моему тезису я провёл грань воспитывающей государственности — он превращает меня в чекиста от реакции»⁵³.

В ХХІХ книге «Современных записок» за 1926 г. публикуются два отклика на книгу Ильина. Один из них принадлежит Ф. Степуну, который в духе статьи Бердяева, пишет: «Отповедь, данная Н.А. Бердяевым из глубины этих чувств И.А. Ильину (по поводу его увлечения “православным мечом”), превосходит и по своей личной страстности, и по своей объективной встревоженности, и по своей предметной существенности»⁵⁴.

Другой отзыв (и в содержательном плане тоже) принадлежит В.В. Зеньковскому, который отмечает логическую строгость и формальную законченность книги Ильина, и хотя находит в ней много риторики, всё же не может не отметить, что «от неё веет подлинностью и глубиной, в ней есть особая, суровая честность»⁵⁵. В.В. Зеньковский — патриот и сторонник Белого движения, отмечает, что «“белая идея” как религиозный императив для тех, кто пережил “русский опыт”, была единственным исходом как путь жертвенного религиозного служения добру» и хотя непримиренчество к большевикам не есть последняя правда в борьбе со злом (окончательная победа

---

⁵³ *Ильин И.А.* Письмо к П.Б. Струве 29.08.1926. [Т. 11]. С. 180.

⁵⁴ *Степун Ф.* Об общественно-политических путях «Пути» // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. С. 448.

⁵⁵ *Зеньковский В.В.* По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. С. 423.

над злом дана только любви), однако «та святыня, которая зажигается в нашей душе в непримиренчестве, не только не тонет в общей правде христианства, но *сама есть проявление в нас этой правды его!*»⁵⁶ Это сближало В.В. Зеньковского с И.А. Ильиным и его сторонниками. Но Зеньковский обнаруживает «в книге Ильина нерасчленённость глубокого и тёмного», и хотя в ней «много подлинного, религиозного, ... религиозное в ней — дохристианское»⁵⁷. Позже в своей «Истории русской философии» Зеньковский посвятит Ильину отдельную главу, высоко оценивая его творчество в целом.

23 сентября П.Б.Струве, публикуя свой отзыв о новой книге И.А. Ильина «Родина и мы» напоминает читателю о предыдущей книге автора «О сопротивлении злу силою», защищая её от «нелепых и недостойных нападок»⁵⁸. Иван Александрович, благодаря П.Б. Струве «за сочувственные и ободряющие строки в Возрождении», пишет: «Нужен ещё некоторый отпор Бердяеву лично... Я непременно отвечу и сам»⁵⁹ И он даёт развёрнутый ответ Бердяеву, опубликовав 26 октября 1926 г. в «Возрождении» статью «Кошмар Н.А. Бердяева. Необходимая оборона».

Прежде всего И.А. Ильин отмечает совершенно недопустимый в идейном споре общий тон статьи Бердяева: «Статья г. Бердяева написана тоном патологического аффекта, он сам так публично и характеризует своё собственное состояние, как переживание “кошмара”, “удушья”, “застенка”, “отвращения”»⁶⁰. Обнаруживая несоответствие приписываемых ему мыслей, И.А. Ильин иронизирует: «Бердяеву приснился кошмар, ... пригрезилась система идей, которую

---

⁵⁶ Там же. С. 441, 442.

⁵⁷ Там же. С. 444–445.

⁵⁸ *Струве П.Б.* Дневник политика №82. О брошюре И.А. Ильина // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. С. 402.

⁵⁹ *Ильин И.А.* Письмо к П.Б. Струве. Осень 1926. [Т. 11]. С. 401.

⁶⁰ *Ильин И.А.* Кошмар Н.А. Бердяева. Необходимая оборона // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5. С. 236.

он пережил с тяжёлым отвращением, и эта система идей принадлежала в его галлюцинации некоему “И. Ильину”»⁶¹. Но в том-то и дело, что у самого И.А. Ильина нет приписываемых ему идей. Автор защищает себя от наветов.

Если Бердяеву показалось, что в книге «О сопротивлении злу силою» выдвинута идея абсолютной власти государства над человеком и его духом, то Ильин показывает своё истинное отношение к духовной свободе человека: «*Духовное начало в человеке требует для своего осуществления на земле именно личного, свободного, добровольного, не вынужденного и невынужденного обращения души к предмету и Богу*»⁶². Ильин, наоборот, защищает свободу духовной жизни, ибо духовное обращение человека или совершается свободно, в глубине его самобытного духовного естества, или не совершается вовсе. И обвинение его в «языческой абсолютизации государства» не имеют под собой никаких оснований, ибо в книге всегда говорится о духовном компромиссе государства, вынужденном защищать граждан от насилия.

И.А. Ильин отвергает и другие обвинения, приписываемые ему Бердяевым: о смешивании и отождествлении церкви и государства, о нравственном оправдании смертной казни, об истязании человека, как проявлении любви... Подводя итоги, Ильин не удивляется, что Бердяев признал его воззрения кошмарными: «Ясно, что это не мои воззрения, а *созданный им самим кошмар*. Это ему самому пригрезился “кошмар злого добра”»; а он реагирует на него, как на объективную действительность. И с какою злобою... Последние странички его статьи, где он объявляет меня “иностранцем”, “немцем”, человеком без будущего, соблазнителем “малых сих” и т.д. производят такое впечатление, как если бы человек торопился наговорить как можно больше неприятностей и дерзостей»⁶³ Почему же у Бердяева могла возникнуть такая путаная статья? И.А. Ильин

---

⁶¹ Там же. С. 238.

⁶² Там же. С.239.

⁶³ Там же.

видит главную причину в том, что философские работы Бердяева никогда не взращивались духовным опытом и умственной аскезой, были лишь публицистикой. Независимо от того, поносит Бердяев что-либо или превозносит, это всегда «его субъективные химеры». А потому «мудро будет поступать тот, кто будет читать и слушать его с крайней осторожностью»⁶⁴.

Идейные противники И.А. Ильина пытались придать его книге «О сопротивлении злу силою» церковное осуждение. В письме к П.Б. Струве Иван Александрович делился: «Я на днях пришлю Вам копии с нескольких писем архиепископа Анастасия Иерусалимского ко мне (он просил их не печатать за его подписью) – и Вы увидите, как обстоит вопрос о “православности” моей книги. Нам надо ещё иметь в виду, что здесь вообще организованный поход: они решили – убить книгу, скомпрометировав автора. Напр., Франк писал даже Анастасию, понося книгу, но тот дал ему отповедь»⁶⁵. Архиепископ Иерусалимский Анастасий, прочитав «О сопротивлении злу силою», писал автору о книге: «Она не просто убеждает, а покоряет читателя, зажигая его сердце горящим дерзновением правды. Главным достоинством её служит та “честность с самим собою”, которую Вы справедливо ставите необходимым условием для достижения истины... Вы взяли на себя благородный почин расчистить поле философской мысли и освежить духовную атмосферу, какую мы дышим... Пусть Ваше смелое слово ослепляет тех, кто боится смотреть на солнце... Оно является укрепляющей солью для нашего слабодушия, приведшего нас к нынешнему плачевному положению. Возрождение России начнётся только тогда, когда мы выверим свой моральный и умственный компас и возвратимся на царский путь истины, которая делает людей и свободными и могучими»⁶⁶.

---

⁶⁴ Там же. С. 243.

⁶⁵ Ильин И.А. Письмо к П.Б. Струве. Осень 1926. [Т. 11]. С. 401.

⁶⁶ Из писем архиепископа Анастасия Иерусалимского к И.А. Ильину // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 5. С. 398.

Тема сопротивления злу как политическая и социально-философская непрестанно оставалась во внимании И.А. Ильина, находя отражение во многих его статьях. Непосредственно к ней он возвращается в своей поездке в Ригу в марте 1931 г., где вновь читает лекции о сопротивлении злу силой⁶⁷. Тогда уже ознакомившийся со всей критикой своего труда «О сопротивлении злу силою», И.А. Ильин озвучивает свой удивительный вывод: ни один из возражавших не читал его исследования и кампания против его книги шла по указке определённых кругов, решивших, что книга опасна для них нежелательными политическими действиями. Критики не заметили по христиански верного и философски доказательного решения вопроса о сопротивлении злу, ибо «ими владели политические страхи и интеллигентские предрассудки». Иван Александрович всё более понимал партийно-догматическую заражённость эмигрантщины и потому указал, что его исследование написано главным образом для молодых поколений, не виноватых в русском крушении⁶⁸.

---

⁶⁷ *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой (Текст лекции 1931 г., Рига); *Кейхель Э.К.* Мыслитель воли. К лекциям проф. И.А. Ильина в Риге. Приезд проф. И.А. Ильина. Сегодня в Риге [объявление о лекции проф. И.А. Ильина в газете «Сегодня вечером»]; *Стогов Ф.* О сопротивлении злу силой. Четвёртая лекция проф. И.А. Ильина // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 5.

⁶⁸ После рижской лекции 1931 г. И.А. Ильин продолжал возвращаться к проблеме зла и о сопротивлении ему в своих трудах на другие темы. В первом издании книги «Путь духовного обновления» (Белград, 1935) философ постоянно ссылается на свою книгу «О сопротивлении злу силою», рассматривая темы «О свободе» и «О совести». В брошюре «Основы христианской культуры» (Женева, 1937) тема борьбы со злом раскрывается в главах «О приятии мира», «Культура и Церковь», «Церковь и государство», «О власти», «О сопротивлении злу силой», «О компромиссе». В 1939 г. появляется статья И.А. Ильина «О христолюбивом воинстве». В книге «Аксиомы религиозного опыта» (Париж, 1953 г.) И.А. Ильин также обращается к данной теме — в главе «Трагические проблемы религиозного опыта», постоянно ссылаясь на свой труд 1925 г.

«Возрождение» и «Русский колокол»

Весной 1926 г. И.А. Ильин принимает участие в работе Российского зарубежного съезда, где произносит речь, разоблачающую дух партийности, царящий в эмиграции: «Нет ещё мудрости, нет надпартийного парения; нет государственной зрелости. И пока нет её — всякий орган, всякая организация будет партийным и гибельным делом... Да не будет партийного совдепа ни слева, ни справа»⁶⁹. Но эмиграция оказалась неспособной к какому-либо единению в целях общей работы во благо грядущей России.

Такой человек как И.А. Ильин не мог быть только «созерцающим поэтом», учёным-теоретиком, его ум и сердце волновала участь Родины, чьё будущее было под сомнением. В 1920-е годы он много времени посвящает изучению и осмыслению социально-политических, культурных и духовных процессов, происходящих в России и мире. И.А. Ильин не только пишет книги и участвует в научных сборниках, но и выступает как журналист, публицист, критик. В газетах и журналах стран русского рассеяния появляются его статьи о России, её культуре, задачах её сохранения. И.А. Ильин — постоянный автор «Дня русского ребёнка», «Русского инвалида», «Православной Руси», «России», «Нового времени» и других эмигрантских изданий. Но более всего в эти годы Иван Александрович публикуется в парижской газете «Возрождение», редактируемой его единомышленником П.Б. Струве. Благодаря патриотической позиции Петра Бернгардовича Ильин мог публиковать свои статьи в защиту исторической России и русской культуры, в то время как большинство русскоязычных эмигрантских газет принадлежало недавним разрушителям русской цивилизации, которые не желали в этом каяться, продолжали мнить себя великими преобразо-

⁶⁹ Речь И.А. Ильина // *Ильин И.А. Собр. соч.* [Т. 14]. С. 467.

вателями. Именно в «Возрождении» выходят статьи Ильина, анализирующие и развивающие идеологию Белого движения: «Кто мы?», «Идея Корнилова», «Подвиг патриотического единения», «Пересмотр идеологии», «Зачем нам идеология?», «Идеология и борьба». Со страниц «Возрождения» философ разоблачает недостатки различных политических течений, как дореволюционных, так и эмигрантских: «Направо. О политических предрассудках», «Идейные развалины», «Об искоренении либералов», «О русских радикалах»...

Однако весьма скоро союз издателя «Возрождения» А.О. Гукасова и редактора П.Б. Струве распадается. Струве начинают вытеснять из «Возрождения». «Ум и душа не хотят верить в возможность катастрофы с Возрождением!!»⁷⁰ — пишет Ильин П.Б. Струве осенью 1926 г. В августе 1927 г. Ильин в письме к И.С. Шмелёву раскрывает «досье о распадении редакции»: «Вот уже полгода, как редакция Возрождения, в качестве общественно-литературной “высоты” — штурмуется русским зарубежным *масонством*. Ныне высота эта *взята* им. Это не гипотеза, а результат моих лично проведённых расследований. Взята она на почве пакостной лжи и интриги. По-видимому, масонский фартук надели и на Гукасова, большого честолюбца и человека-покупателя. Вот почему всплыли за последнее время новые сотрудники, не имевшие дотоле шансов (Иван Лукаш, масон; г. “Антон Кречет” с его лубочным романом, масон); появятся и другие — не совсем сразу, но всплывут один за другим. За масонство же Семёнова ручаюсь совершенно». Приостанавливая своё участие в газете Иван Александрович не советует этого делать Шмелёву: «Если бы я писал в Возрождении художественное, то я, может быть, и не сделал бы себе из этого рокового обстоятельства. Но я 1) пишу там политику; 2) живу в стране, которая требует особого такта газетного, который Пётр Бернгардович мне обеспечивал, а нагло бестактный Семёнов *не* обеспечивает; 3) я шёл в Возрождение со Струве и, несмотря на то, что далеко не считаю его *ни* иде-

⁷⁰ Ильин И.А. Письмо к П.Б. Струве. Осень 1926. [Т. 11]. С. 401.

альным, ни достаточно внимательным ко мне редактором — поддерживаю его до конца. Я давно в курсе дел того, что там делалось, и должен сказать, что не только не считаю Струве слишком *властным и самолюбивым*, но и я, и мои друзья вот уже несколько месяцев чувствуем и говорим, что на такие унижения и компромиссы, на которые Струве шёл вот уже 1/2 года — я бы не пошёл и месяца... Национальная газета необходима. Но масонская симуляция националистической демагогии — “обходима”. И я обхожу её; да и она без меня обойдётся»⁷¹.

«Дорогой друг! Не горюйте о Возрождении! — успокаивает И.А. Ильин писателя. — Вы теперь уже знаете наверное, что Струве не ушёл, его выставил Гукасов. А я *не мог* не уйти: 1) я много раз открыто писал от лица “нашего” — мы; 2) Струве не сделал ничего дурного или постыдного и оставлять его в беде было для меня невозможно; 3) я всегда был такой — и наверное останусь таким до конца (браните, если не лень!): я *требовательный* — с сахарином не пью; так всю жизнь, *годами молчал* и всё верил, что придёт Оно и позовёт. Верил Богу и моему Ангелу, что поставят меня у дела — и никогда не спрашивал их о дне и часе, а как не *родная и мутная* комбинация — не шёл, садился в нору. Вы правы во всём, что пишете. Мораль единообразно-повально-стадного штампа — мертва. Не поступок делает человека, а человек делает свой поступок. И как бы Вы ни поступили, я *заранее* Вас одобрил. Но я иначе не мог. Я совсем не одобряю русско-интеллигентскую манеру “бастовать” и скопом “уходить в отставку”. В 1911 году я не ушёл с кадетскими профессорами из Московского университета и шесть лет была с ними трещина. Но тут, зная все *ошибки* и *дефекты* Струве — я не мог не выйти; да ещё после попытки Семёнова купить меня *любою ценою*... Ещё весной, уходя *мысленно* из Возрождения, я говорил именно это самое с небольшою вариацией: сидел честный Струве — держал меня

---

⁷¹ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 22.08.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 52–54.

два года в газете в чёрном теле; идёт неприемлемый Семёнов — открывает мне двери настежь — а мне будет не до газеты. Это со мною часто бывало: честный человек действует плохо, не-предметно и меня теснит; а нечестный зовёт, открывает двери, а мне противно и неприемлемо и т.д. Бросим это!»⁷² Однако самого Шмелёва Иван Александрович отговаривает разрывать отношения с газетой, просит продолжать публиковать свои художественные произведения в «Возрождении», чтобы до русского читателя прекрасное русское слово: «*Вы пишете!!* Надо жить коечно-каморочно: соседняя статья плоха — а “моя” хороша! Что же подделаешь?!»⁷³, «Вы должны украшать и вывозить газету. Газета необходима. Пишите и печатайте, ради Господа!!»⁷⁴.

В это тяжёлое время, когда Ильин терял основную «трибуну» для изложения своих взглядов, происходит удивительная встреча философа с предпринимателем, предложившим ему сотрудничество в издательском проекте, и летом 1927 г. у мыслителя неожиданно появляется перспектива издания своего журнала. Иван Александрович сразу же связывается со своим ближайшим единомышленником П.Б. Струве: «Недавно ко мне явился хороший русский патриот, недавно выехавший оттуда и сохранивший здесь своё состояние, человек очень почтенный и привлекательный. Он читал разные мои вещи и явился с определённым предложением. После всестороннего обсуждения он предложил мне издавать ежемесячный идеологический журнал, который он намерен соответственно обеспе-

---

⁷² *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 04.09.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 59–60.

⁷³ *Ильин И.А.* Письмо И.С. Шмелёву. 8.12.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 117.

⁷⁴ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 10.08.1935. [Т.13. Кн. II]. С.90. Позже И.А. Ильин писал Шмелёву: «“Возрождение”, т.е. Гукасов, всегда был на низком уровне». Письмо к И.С. Шмелёву 10.8.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 89). В начале 1930-х И.А. Ильин некоторое время вновь недолго сотрудничал с газетой. *Ильин И.А.* Письмо И.С. Шмелёву. 30.08.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 95–96.

чить. Предложение это я принял. Он хочет, чтобы я писался редактором-издателем и вёл журнал лично и ответственно. Журнал должен выходить с 1 сентября, здесь, в размере пяти печатных листов. Я думаю, что следует сделать этот журнал волевым монолитом, взять тон твёрдый, прямой и писать для русского патриота независимо от его прошлого и от его местонахождения; и тем некоторым образом заткать волевою ткань на желанных России и необходимых ей предметных основаниях. Мне кажется, что это направление должно было бы идейно объединить жёсткие элементы белого фронта, а журнал должен крепить наши паруса»⁷⁵.

Этим русским патриотом оказался выехавший из советской России купец Н. Громов. Испытавший на себе за десять лет жизни при советской власти всю тяжесть социальных потрясений, он при первой возможности покидает страну и оказывается в Германии. Ознакомившись с публикациями Ильина, он причисляет себя к его единомышленникам и решает встретиться с ним. При встрече происходит взаимопонимание и имеющий средства Громов предлагает Ивану Александровичу финансовую помощь в издании русского патриотического журнала. Получив такой неожиданный подарок судьбы, Ильин сразу же включается в работу по подготовке журнала «Русского колокола», которому даёт подзаголовок «Журнала волевой идеи». В будущем изданию окажут финансовую помощь также Карел Петрович Крамарж и Сергей Васильевич Рахманинов. Должно сказать, что выдающийся русский композитор С.В. Рахманинов ещё не раз сыграет в жизни Ивана Александровича роль Ангела-хранителя.

В начале июня 1927 г. получает от Ивана Александровича радостное письмо также И.С. Шмелёв: «Милый и дорогой Иван Сергеевич! Наконец я могу позволить себе сообщить Вам основную сущность того “дела”, на которое я Вам на-

---

⁷⁵ *Ильин И.А.* Письмо к П.Б. Струве 18.06.1926. [Т. 11]. С. 195.

мекал и о котором нам следует поговорить лично. Некоторое время тому назад один знакомый привёл ко мне русского национально мыслящего человека, недавно приехавшего оттуда и имеющего очень солидное прошлое и очень солидные связи. Туда он больше не собирается, а желает работать здесь. После всесторонних и длительных обсуждений выяснилось, что мы с ним в большом и полном единомыслии и единоволии; что он имеет деньги на издание идеологического журнала и желает эти деньги предоставить в моё полное распоряжение а *fond perdu*⁷⁶; и что мы друг другу вполне доверяем. Ныне программа журнала мною выработана, деньги уже внесены, переговоры с типографиями уже налажены; и вот что решено.

1. Я есмь редактор-издатель.

2. Журнал будет выходить в Берлине, с 1 сентября, ежемесячно (?) размером в 5 листов, ценою в 1 1/2 марки, 9 франц. франков.

3. Он будет состояться на основе единой идеи и единомыслия, без разнобоя, полемики etc.

4. Это должен быть журнал волевой идеи, такой, чтобы её хватило в России и на 50, и на 100 лет.

5. Каждая строка будет оплачиваться и прилично оплачиваться — 16 долларов за лист в 35 000 букв; деньги выложены на стол прямо на несколько номеров вперёд.

6. Предполагается настойчивый, волевой аппарат распространения, повсеместный; и далее — отправка на внутренний рынок.

Я не могу скрыть от Вас, что от одной идеи о Вашем участии в этом журнале у меня делается радостно на душе. Одно только — по уставу мы не будем печатать художественную прозу, или “беллетристику”: не хватит места. Но мои надежды на Шмелёва публициста, пророка и сатирика (сказки!). Ему будет одно из самых первых мест и притом самое почётное место в журнале. Я не мыслю журнала без Вас. Откликнитесь! Загоритесь! Дайте мне Ваше вешее, глубинное, огненное слово!

---

⁷⁶ *Безвозвратно (франц.).*

Хотите призыв к русскому народу — давайте призыв (как Вы мне писали в одном из писем...)! Хотите “горькую сказку” — давайте сказку! Хотите обличение наподобие “доктора” из Солнца Мёртвых — давайте, давайте! всё будет приниматься с радостью и помещаться с гордостью...

Мы не будем забирать слишком направо; мы будем свободны от левизны. Я не *наглашу* туда ни колеблющихся, ни усталых, ни исписавшихся. Я буду искать “сенек” по “шапке”. Я мечтаю о густом, почвенном, свежем, дерзающем и трезвенном, ответственном слове. На днях вышлю Вам два общих “досье” — о задаче журнала и об общем направлении. Пробегите их, но не стесняйтесь себя ими: пишите так и о том, как и о чём позовут Вас написать голоса, мудрые голоса в ночи!»⁷⁷.

Иван Сергеевич радостно воспринимает возможность реализации издательских планов своим соратником и другом: «Дорогой Иван Александрович. Прочитал сейчас Ваше “Общее направление журнала” — голова кружится! Это — *исторический* документ. Это “пантеон” *русского* ума, *русской* души и сердца. Это — энциклопедия русского возрождения! Да, голова кружится — от величия и *правды* будущих напряжений. Это же такое поле — куда, к чёрту, анемичные (и — сколь политые кровью!) программы усохших и прокуренных (часто — злющих) душонок всей жадной “стервы”, подлой стервы, сожравшей столько чудесного в русском народе, всегда жаждавшем *подвига*! Сколько сгорело на злом огне! И — какие возможности открываете, разворачиваете Вы *теперь* — для уцелевшей и будущей *русской* интеллигенции! Чудесная, захватывающая *система*! Да, это и не на 50 лет: это на сотню, больше. Это — впрок! Это такой засол, что нужны бондари искуснейшие, и — клёпка д.б. из чистого, не сучкастого матерьяла! Дай, Господи! Да этим, если приступить складно, можно зажечь молодые (да и старые) души...

---

⁷⁷ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 14.06.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 31–32.

Вижу, чувствую, — чудесное дело *начинаете*. И охватывает меня тревога — до чего ж я слаб, не готов! Ну, буду и я подпевать. Ищите же, ищите помощников! Надо создавать *Орден*, *Союз русских строителей!* Да, русских каменщиков (не масонов, чёрт возьми, а ревнителй!). Именно — Святой Союз нужен! Вы должны это делать, сделать! И *надо это* — Вам, не страшась. Будут тогда и средства. Считайтесь с *человеческой* природой. Да, “детское” это, но оно нужно. И я хотел бы говорить об этом. Нужно “*Общедействие*”, в тайне, в *грёзе* — пусть, но нужно. Надо учиться у врагов. Надо подбирать, с величайшей осторожностью и тактом, с клятвами, с Крестом и мечом, с *Евангелием России*. Да, надо быть “святыми революционерами”. Надо раздувать пламя, *нафос* национального! Подумайте о сем! Вы для сего и живёте, я чувствую. И это не фашизм будет, а русская духовная дружина. Цель — беспредельна и высока — до Бога! Во имя — Её, России. Это не романтизм, а наше право, наше *добытое*, — не от эстетизма духа, а от ограбленности нашей: это завет — могил, миллионов могил безвестных!»⁷⁸.

К осени издательские дела утрясены и И.А. Ильин сформировал первый номер «Русского колокола». Иван Александрович стал основным автором первого номера «Русского колокола», в который вошли его статьи: «О священном», «Наша государственная задача», «О политической работе (Посвящается русской национальной молодежи)», «Русская территория» (совместно с А. Бунге), «Как хранить тайну (Правила и советы)».

«Зову Вас в Колокол, — вновь обращается воодушевлённый издатель к И.С. Шмелёву, — *всё*, что напишете — хорошо! А мы для Колокола создаём свой распространительный аппарат, в коем *идейность* и *материальный интерес* должны соединиться, *найти* волю и *пробудить* волю. Трудно! Но постараемся. Тогда увидим. Мой деньгодатель мечтает для внутренней России (потом!) о большом издательстве и газете... Второй номер зре-

---

⁷⁸ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 24.09.1927. [Т.13. Кн. I]. С. 65–66.

ет. Вам отведено почётное место. Я с ним (с номером) говорил; он мне ответил: “Пиши Ивану Сергеевичу, что ляжу на пол и завою, если не пришлёт”. Я даже напугался⁷⁹. «Колокол накрыл меня, как ребёнка в старой немецкой сказке (за то, что не хотел ходить к обедне). Всё уходит в него — время, силы, творчество, личная жизнь и отдых... 24 часа в сутки я пономарь; и я же та баба, у которой “тесто”...

Ай, вай, каравай,

Пришёл к бабе пономарь:

Подай, баба, тесто!

А тесто-то пресно,

Оно не укисло...

Шук на лопатку — да в печку!

Книжку Вам, конечно, будут высылать. И впечатления Вашего буду ждать, как солнечного луча. Ибо кто же вознаградит “благие порывы”? Но только — просмотрите всё: *каждое слово выношено, даже во втором отделе*⁸⁰.

В ноябре выходит второй номер журнала, в котором были опубликованы статьи главного редактора: «О русской интеллигенции», «Кризис современного искусства», «Вы наши братья! (Открытое письмо к оставшимся русским патриотам)», «Православие и государственность», «Историческое бремя России», «О признании советской власти (Правила и советы)», «О сопротивлении злу силою. (Для памяти)». Иван Александрович «отчитывается» перед другом: «Журнал *идёт*: медленно, но неуклонно растёт тираж, который для первой книжки подойдёт к полутора тысячам (Русская Мысль с января по июль сделала 500 экз.; а за нами всего два месяца). Распространительный аппарат растёт. Инициатива идёт уже не только *от* нас, но и от периферии *к нам*. Чрезвычайно важно, чтобы вторая книжка “имела хорошую печать”! Если

---

⁷⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 04.09.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 61.

⁸⁰ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 14.09.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 64.

у Вас не прошла идея написать о Колоколе — *сделайте это!* В Возрождении! Вы *знаете весь* мой замысел; мало того, Вы глубоко чувствуете мою душу и мою любовь к России. Мы с Вами — *братья!* Кому, как не брату, написать несколько горячих строк. А тут ещё вторая книжка — не содержит Вашего имени. Третья же ждёт Вас и зовёт опять! Третья выйдет к 20 января. Дайте в неё! Хотя бы коротко. О чём захочется... Публицистическое, сатиру, сказку, песнь... Что хотите!! Но только к концу *декабря!* Ваш, как всегда, И. Ильин. 1927. XII. 1. Berlin IV. Lutsow Str. 63 Pension Tonp»⁸¹.

В третьем номере журнала И.А. Ильин помещает свои статьи «Победит правое дело», «Будущее русского крестьянства», «О русском фашизме», «Яд партийности», «О политической провокации», «О борьбе и смерти. (Для памяти)». На выход журнала волевой идеи откликнулся вождь Белого движения Пётр Николаевич Врангель: «Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович. На днях прочёл третий номер “Русского Колокола”. Вы делаете большое и полезное дело. Изгнанническое, серое существование, забота о хлебе насущном, повседневные мелочи жизни принижают дух. Наиболее слабые постепенно засасываются жизнью. Гаснет порыв. Набат Вашего “Колокола” неустанно напоминает, что борьба не кончена, будит усталые души. Гибельному непротивленчеству он противопоставляет действенную, непримиримую борьбу со злом. Усталости и слабоволию — как законность стремления, неугашиваемую волю. Обывательской приспособленности и мелкодушию — порыв к жертвенному подвигу. Да не умолкнет звон Вашего “Колокола” и да ширится и крепнет начатое Вами святое русское дело!»⁸².

В апреле 1928 г. «строится *пятая* книжка Колокола (четвёртая давно готова, но её задерживает типографская склока

---

⁸¹ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 01.12.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 74–75.

⁸² *Врангель П.Н.* Письмо к И.А. Ильину 06.03.1928. [Т. 11]. С. 255–256.

между рабочими и предпринимателями). Пятая книжка — будет посвящена русской культуре». И Иван Александрович приглашает Шмелёва: «Я мечтал бы дать на почётном месте *Вашу* вещь. Что именно? Позвольте об этом выразиться.

1) Или о *русской женщине*: бабушка, мать, няня, сестра, невеста, жена, дочь; и вообще — о её русскости, и о её русской *женственности*, и о её *характере*, о её *невучести*, о её духовно-хребтовой силе, о её *вкусе*, о её *почвенности* — как заблагорассудится.

Главное только — чтобы русские люди ощутили с остротою и глубиною, какой *дивный клад* мы имеем в нашей женщине и её бытии. Чтобы русская женщина почувствовала своё *призвание* призванным и свои заслуги закреплёнными. Ведь ей предстоит *обновить* Россию новыми человеками и новыми характерами»⁸³.

И.С. Шмелёв рад успеху Ивана Александровича, пишет ему: «Иван Александрович, га-зе-ту надо! *Свою, нашу!* Для “русских”, для “коренных”!.. *Весь* отдался бы! А то, знаете, из рук приходится смотреть... Вольного моря надо, друг! И именно — га-зе-ту! И именно — в Париже! Или — где же? Где — свобода? Душно в “Возрождении” мне — и мало пишу, и под началом! Скоро 20 книг по миру на всех языках, признают, а вот... цензоры! Читаете “Возрождение”? Лицо утрачивает, на “занимательность” переходит. Да, нужно и это, но не так. Трудно везти в упряжке с разношерстью. Ну, что у нас общего с Мережковскими, с неведомыми Вейдле, критиками откуда-то, кому ближе “европа”, махонечкая европа... с..., имена их неизвестны. Ив. Александрыч! Найдите “креза”! “Нобеля” какого-нибудь. Журнал № через три месяца — *мало!* А чаще — не справиться. Пошёл бы народ... Надо к России готовиться. *Здесь* зачинать, и туда перекинуть, когда откроется. Не “беспутным” же уступать! Мы

---

⁸³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 08.04.1928. [Т. 13. Кн. I]. С. 92–93.

должны “школы” создать! Только Вам пишу: будет газета — найдётся не мало верных, которые тоже в узде. Амфитеатров теперь — дру-гой, *верный*. Куприн, молодых найдётся! Вы-то их лучше знаете. Куда поедете? В Белград, на съезд? Я не могу, режим строгий, куда поедешь?! Но я напишу о съезде... Если бы тыс. 300 достать! Да есть же — русские капиталисты?!»⁸⁴. Эх, Иван Сергеевич, мечтатель! В «Колокол» от него статьи не дождёшься, а газету — давай...

Однако, дело «эмигрантщины», как называет склочное общество эмигрантов — несостоявшихся учителей России Ильин, не строить, а разрушать. Масса «доброжелателей», завидуя успешному изданию «Колокола», клеветою старается отвлечь Н. Громова от русского мыслителя-пророка. В мае 1928 г. Иван Александрович пишет друзьям в Чехословакию: «Я никогда не мог себе представить, как живут другие люди, с такою легкостью “обращающиеся”, “добывающие”, “ведущие переговоры”. Для меня самое утомительное и морально мучительное — это именно эта сторона... Я ничего не искал и не проектировал; у меня всегда душа полна всяких идейных замыслов и патриотических (не хочу сказать “политических”) забот, и на “деловые” затеи — ничего не остаётся. Ко мне пришли и мне предложили; и я загорелся, как сухой хворост, — новым оформлением основных идей. Потом меня бросили на пол дороге, когда начало было уже за спиной и бросать нельзя было. И вот — с чувством тяжелого отвращения, после 77 колебаний, понуждая себя волевыми усилиями, я вынужден был взять на себя и эту сторону дела, третью (считая что первая — редакционно-творческая, вторая — распространительски-торговая). Иногда это совершенно переполняет мою чашу, и без того с трудом плывущую по нашему бурному и опасному морю»⁸⁵. «Милый

---

⁸⁴ Шмелёв И.С. Письмо к И.А Ильину 29.08.1928. [Т. 13. Кн. I]. С. 106.

⁸⁵ Ильин И.А. Письмо к Н.Н. Крамарж 05.05.1928. [Т. 11]. М., 1999. С. 267

и дорогой друг, Иван Сергеевич! Очень грустно и больно на душе: Колокол умирает от безденежья и всё может кончиться долгом в 1 1/2 тысячи марок, который останется на мне, — пишет Ильин Шмелёву. — Но долга я не боюсь: у меня есть друзья, которые выручат. А *духовно* — тяжело»⁸⁶.

Однако Иван Александрович находит средства, чтобы продолжить начатое дело и журнал, пусть не периодически, редко, но выходит ещё два года. Получив в апреле 1929 г. седьмой номер «Русского Колокола» Шмелёв пишет Ильину: «Прекрасно всё, что Вы даёте. Статья о Метнере — меня заинтересовала. Но она всё же специальна при всей яркости и вдохновенности. Поражаюсь я Вашей разносторонности. Удивительна Ваша глубокая “эстетика”! О, какой же в Вас художественный критик-аналитик, учитель! После Белинского (условное сравнение!!) я не знаю подобного явления в литературе. Вы — великий художник. В Вас — сам Св. Дух глаголет. Нет, до чего же русский гений широк и щедр! Вы всё ещё не найдёте “моря” для такого “корабля”, как Вы, — плаванья! Но оно придёт. Вам — Океан нужен. Я жду Вашей большой работы об искусствах. Вы — должны, ибо Вы воистину Учитель. Вы насытите. Вы поведёте, хотя уже ведёте. Но... всё больше убеждаюсь, — простите! — что свой рычаг Вы подводите под меньшие “камни”, — и это горе, горе! Вам надо в центре действовать. Вы могли бы вести будить массы и завоевывать их для святого дела, русского Дела. Вы должны бы быть руководителем воли и сил эмиграции на виду, ежедень, — и итоги были бы Вас, Ваших сил достойными. Для сего Вы должны бы (простите, но это моё страстное желание!) создать в Париже свою газету!»⁸⁷

Судьба издания журнала волевой идеи И.А. Ильина в 1929 — 1930 гг. отражена в его переписке с Крамаржами. «Я

---

⁸⁶ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 18.11.1928. [Т. 13. Кн. I]. С. 110.

⁸⁷ *Шмелёв И.С.* Письмо к И.А. Ильину 03.04.1929. [Т. 13. Кн. I]. С. 127.

отлично вижу, как бойкотируют и замалчивают меня и крайние правые и весь левый сектор, — пишет он летом 1929 г. — Но это есть признак того, что я иду по верному пути. Пусть их — Россия сбросила их, как змея изжитую кожу. И право молчания — остаётся за ними. Я иногда сам мечтаю дезертировать и прекратить эту трудную борьбу. Отойти от борьбы и творить впрок, писать мои любимые и зовущие меня книги. Но мечтам этим я не позволяю долго жить в душе. Самое начинание Русского Колокола пришло ко мне — как зов и приказ. И только истощив все силы, я «подам в отставку»⁸⁸. Письмо осени 1930 г.: «Я не верю в то, что жизнь строится случайностями. Не случайно (хотя и неожиданно) мне были даны в жизни эти лучи, от Вас идущие; не случайна была и их внешняя форма выражения. Все такие события я воспринимаю в плане религиозном. Тот всеблагий перст, который я столько раз благодарно и трепетно осязал в моей жизни — лучше ведаёт, что мне нужно и чего мне не нужно. Как могу я роптать? я твердо знаю и двадцать раз проверил одно: когда я служу из последних сил и до последних сил, — то остальное он всегда устраивал на путях, неожиданных для меня и незаслуженно милостивых. Не огорчайтесь за Колокол. Во-первых, у меня ещё есть (отложено и сохранено) на одну книжку. А во-вторых, — Ему виднее, нужен ли мой журнал»⁸⁹. «Как устал я жить среди чужих людей, борясь с их гибельными, тупыми и злыми воззрениями! Иногда устаёшь так, что кажется — устал вообще жить, и что ни мыслей, ни радостей вообще больше не будет, и что весь Запад обречён на провал и порабощение. К сожалению, писать об этом трудно; да и кому напишешь? В какую небесную канцелярию подашь жалобу? И опять смолкаешь и зажимаешь всё в себе...»⁹⁰

---

⁸⁸ Ильин И.А. Письмо к Н.Н. Крамарж 01.08.1929. [Т. 11]. С. 280

⁸⁹ Ильин И.А. Письмо к Н.Н. Крамарж, осень 1930. [Т. 11]. С. 288.

⁹⁰ Ильин И.А. Письмо к Н.Н. Крамарж 28.03.1931. [Т. 11]. С. 290—291.

Борьба продолжается

В конце 1928 г., когда у И.А. Ильина начались сложности с изданием журнала волевой идеи, он неожиданно стал получать приглашения от немецких общин для чтения лекций на социально-правовые и политические темы. «Начиная с 13 августа (моё выступление в Герлице) меня заваливают зовами в большие и малые города Германии, — делится Иван Александрович с И.С. Шмелёвым. — Организации домовладельцев и кое-какие другие “буржуазные” союзы — хотят обличительных и ведущих слов. И вот — мыкаюсь, раздавая немцам те крепкие слова о частной собственности и правосознании, о волевой идее — которых по-видимому не удастся высказать по-русски в Колоколе... Бывает так, что в десять дней выступаю 9 раз. Аудитория редко исчисляется сотнями, чаще тысячами. Расходятся возбуждённые, с горящими глазами. Самые заматерелые жировики и грузовики иногда поражают меня своей потрясённостью. Вчера вечером председатель ганноверского съезда выразился так, что “*der Herr Professor wird durch ganz Deutschland gefeiert*”⁹¹.

Обличаю нещадно. Всюду требую, чтобы собрание имело полицейскую и добровольческую охрану от коммунистов. Выкриков на лекциях (враждебных возгласов) почти не бывает. Если бывают — даю суровую отповедь. Знаю, что всем этим служу Родине. А всё-таки бесконечно грустно»⁹².

Вскоре И.А. Ильин в числе нескольких русских учёных получает от немецких организаций задание написать научный труд о политике большевиков в советской России и начинает работу. Мыслитель жалуется И.С. Шмелёву на душевную тяжесть от работы с массой материала о российском погроме: «И нет просвета, кроме только милости Божией!..

⁹¹ *Господин профессор станет знаменитым во всей Германии (нем.).*

⁹² *Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 18.11.1928. [Т. 13. Кн. I]. С.*

Эта неопишуемая гнусность, которая льётся тебе в душу из Родины, *от* Родины — и с которой в изучении художественно отождествляешься. Поистине — кто эту “литературу” сам не читает, тот и тактику борьбы не может наметить; да и представляешь себе абстрактно — всё иначе!... Кажется — солнца нет, и травы поблёлки, и цветы не расцветут — а я всю жизнь буду читать про адовы пакости и глотать слёзы»⁹³.

В период работы над книгой И.А. Ильин устанавливает связь с Русской секцией Международной лиги для борьбы с III Интернационалом, известной под названием «Лиги Обера», ибо она была основана в Женеве адвокатом Теодором Обером после убийства советского дипломата Воровского бывшим русским офицером Конради. Целью Лиги как антикоммунистической организации было разоблачение террористической сущности революции и советского строя. Существовала она на общественные средства, собираемые Т. Обером. В 1930 г. Ильин участвует в работе Сент-Жюльенского ежегодного съезда Лиги.

Сборник «Мир над пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве» выходит на немецком языке в 1931 г. в Берлине и Стеглице. В него были включены исследования 11 русских учёных. И.А. Ильину принадлежат введение, заключение и шесть из тридцати статей сборника: «Цели и надежды», «Методы работы», «Система террора», «Коммунизм как господство чиновников», «Судьба русских крестьян», «Положение рабочих». В этих статьях, в других работах 1930-х гг. Ильин подвергает тщательному анализу происхождение революции в России, причины её победы в России, сущность революционных преобразований, их масштаб и направленность.

Для Ильина «революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым

---

⁹³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 02.08.1929. [Т. 13. Кн. I]. С. 139.

Смута бледнеет и меркнет... Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение»⁹⁴. Русская предреволюционная интеллигенция «утратила чувство своей призванности, чувство своей ответственности, уверенность в том, что ранг её есть не привилегия, а неизбывшая и неотречная обязанность»⁹⁵. Не ценя свой ранг, она стала полуинтеллигенцией, и революция в России стала делом этой «волевой полуинтеллигенции». Как с болью писал Ильину Шмелёв, «сто годов наша интеллигентщина плевалась, мазала, клеветала, взрывала, беговала» — «всегда с ужимочкой интеллигентки говаривали выплёвывали: “Святая Русь”»; так и ныне, убежавшие от своего детища-революции за рубеж продолжают «визжать с усмешечкой поганенькой» на «бог’одатую» «Святую Русь»⁹⁶. «Террористов возводят, — продолжают! — канонизировать. А святое наше — “бог’ода”, “семипудовая свеча”, “награбил”... Тут дело серьёзное. Тут — злая болезнь, тут — клевета, тут — пляска на костях мучеников»⁹⁷. И русская литература — невольно искажала правду о России и русском человеке, продолжает Шмелёв: «Не крепили, а подкашивали. Разгром России не несчастная случайность, а — трагическое недоразумение. Теперь всё видно»⁹⁸.

---

⁹⁴ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 02.08.1929. [Т. 13. Кн. I]. С. 139.

⁹⁵ *Ильин И.А.* Об интеллигенции // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1948 годов. [Т. 20]. М., 2006. С. 382.

⁹⁶ *Шмелёв И.С.* Письмо к И.А. Ильину. 11.05.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 63, 67.

⁹⁷ Там же. С. 66.

⁹⁸ *Шмелёв И.С.* Письмо к И.А.Ильину 01.01.1949. [Т. 13. Кн. III]. С. 378.

При всём уважении И.А. Ильина к императору Петру I, он пишет: «Эпоха просвещения и языческого классицизма вламывается в Россию при Петре»⁹⁹. «Почти весь XIX век русская интеллигенция в своей основной массе брела по путям западного рассудничества и скептицизма, просвещённого безверия и политического радикализма, социализма и революционности, заражаясь недугами западного духа и принимая их за последнее слово мудрости; не умея ценить ни своих сил, ни своего призвания, растрачивая драгоценное время на ученическое подражание»¹⁰⁰, — указывает Ильин на западное происхождение революционной идеологии. Подрыв национального самосознания у интеллигенции вёл её к постоянному хватанию идей из Европы. «В первой половине XIX в. русская интеллигенция научилась у Вольтера *нигилистической* улыбке, а у Байрона *богоборческой* позе»¹⁰¹. Во второй половине XIX в. влияние обретают идеи Ницше и Маркса: «Маркса можно назвать истинным отцом современного коммунизма, а Ницше — считать пророком большевизма»¹⁰². И.А. Ильин разъясняет европейской публике, где идеи социализма были достаточно распространены, необходимость различения понятий «большевизма» и «коммунизма»: «Большевизм есть смутное и примитивное настроение, разнузданная жажда, “желание иметь для себя всё и сразу”, он может стать некоммунистическим и даже антикоммунистическим... Напротив, коммунизм есть целеустремлённое учение, практическая система и продуманная программа. Однако по своему

---

⁹⁹ *Ильин И.А.* Творчество Мережковского // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 196.

¹⁰⁰ *Ильин И.А.* Духовный кризис русской интеллигенции // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1948 годов. [Т. 20]. С. 385.

¹⁰¹ *Ильин И.А.* Россия в русской поэзии // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 241.

¹⁰² *Ильин И.А.* Мученичество Русской Церкви и его значение для христианских церквей других стран // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т. 14]. С. 408.

душевному происхождению эта программа в любом случае большевистская: радикальная, беспощадная и рассчитана на максимальные требования»¹⁰³.

Но хотя Запад и выносил революционную идею и программу, он же сам смог и противопоставить ей волевой, социальный и организованный отпор. На своей почве идеям нигилизма противостояло довольно развитое национальное самосознание и правосознание европейских народов. В русском же народном организме «не оказалось — для занесённых в него “бактерий” — необходимых “антитоксинов”»: «полуинтеллигенция Востока уверовала в западного дьявола, как в Бога, и поработила многоплеменную российскую массу — сначала соблазном разнуздания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти»¹⁰⁴.

Марксизм, как «материалистическое понимание истории», сделался «своего рода безбожной “религией” — практически-политической “религией” борьбы за земные цели»¹⁰⁵. Таковой она стала из-за общемирового духовного кризиса: мир переживает «эпоху великой духовной смуты»¹⁰⁶. И Россия не единственная страна, на которую рассчитывают революционеры. Интернационал — враг национального самосознания¹⁰⁷. Само коммунистическое движение есть «новый антирелигиозный орден, чрезвычайно разветвлённая организация», «всемирная организация, борющаяся за всемирную цель» и в этом «основная, главная мысль коммунистов»¹⁰⁸. Интерна-

---

¹⁰³ Ильин И.А. Мир над пропастью. Цели и надежды // Ильин И.А. Собр. соч.: Мир над пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве: Сб. ст. коллектива авторов. Ч. I и II. [Т. 16. Кн. I]. М., 2001. С. 15–16.

¹⁰⁴ Ильин И.А. О страданиях и унижениях русского народа. // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 197.

¹⁰⁵ Ильин И.А. Мир над пропастью. Цели и надежды. С. 16.

¹⁰⁶ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. Три речи // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 59.

¹⁰⁷ Ильин И.А. Мир над пропастью. Цели и надежды С. 34.

¹⁰⁸ Там же. С. 16.

ционал торит себе дорогу к «всемирной власти», ибо его цель «завоевание мира, низвержение мира, обновление мира»¹⁰⁹.

Россия превращена интернациональными революционерами в «коммунистический гарнизон», стала «постоянным и главным источником финансирования мировой революции»¹¹⁰ — для этого эксплуатируются русская территория, государство и народ. И.А. Ильин всегда напоминает, что «Советское государство — не *Россия*, а Русское государство — не *Советский Союз*»¹¹¹: «Нет ничего более опасного и вредного, как... смешивать мученика (Русский Народ) с его мучителем (Коминтерн); приписывать планы, преступления и бесхозяйственность коммунистов — самой России»¹¹². Не случайно «собственное имя “Россия” принципиально зачёркнуто и господствующее государство называется “Союз Советских Социалистических Республик”»; таким образом, это название можно просто распространить на всякое соседнее государство, завоёванное путём переворота»¹¹³.

Так Ильин показывает всемирную сущность происходящих процессов. Борьба революционеров за мир провозглашена открыто и она будет непрерывно вестись.

В своих работах мыслитель старается дать анализ причин, приведших Россию к революции, обнажить сущность происходящих в стране преобразований.

«Большевизм, как болезнь народной души и как массовое движение имеет два источника: *целенаправленную, планомерно ведущуюся пропаганду и заложенную в самой народной душе предрасположенность*», — отмечает Ильин¹¹⁴. Да, пропаганда

---

¹⁰⁹ Ильин И.А. Мир над пропастью. Методы работы. С. 39.

¹¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹¹ Ильин И.А. Советский Союз — не Россия // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 7. М., 1998. С. 327.

¹¹² Ильин И.А. Политические двойники // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 153.

¹¹³ Ильин И.А. Мир над пропастью. Методы работы. С. 44.

¹¹⁴ Ильин И.А. Возникновение большевизма из духовного кризиса современности // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 7. С. 121.

привнесённого с Запада нигилизма имела большое значение. Русские западники отрывались как от веры, так и от национальной почвы и это стало «гибельной традицией» для России¹¹⁵: нигилизм ведущего слоя нации подрывал в народе духовное и национальное сознание. Но плоды нигилизма родились на российской почве. Какие же предрасположенности были заложены в народной душе?

И.А. Ильин указывает на определённые слабости национального характера. Русский народ всегда страдал «недостатком характера, силы воли, дисциплины, взаимного уважения и доверия»¹¹⁶. В этом выражалась «незрелость русского национального характера и русского национального правосознания»¹¹⁷. «Да, благодушен, лёгок и даровит русский человек: из ничего создаст чудесное... Как-то “само выйдет”, неожиданно и без напряжения; а потом вдруг бросится и забудется. Не ценит русский человек своего дара; не умеет извлекать его из-под спуда... не понимает, что талант без труда — соблазн и опасность. ... Не справляется он хозяйственно с бременем хозяйственной щедрости»¹¹⁸. Да, русская этика «всегда была христиански-сердечна, сердечно справедлива», но и «свободолюбива до анархии»¹¹⁹. Жила в душе народной массы и «имущественная жадность»¹²⁰. Она связана с таким недостатком в правосознании как несозревшим чувством уважения к частной собственности. Русского крестьянина «история не баловала реальной частной собственностью»:

---

¹¹⁵ *Ильин И.А.* Русская революция была катастрофой. // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 130.

¹¹⁶ *Ильин И.А.* Что же предстоит в России? // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 174.

¹¹⁷ *Ильин И.А.* О страданиях и унижениях русского народа // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 197.

¹¹⁸ *Ильин И.А.* О России. Три речи // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 11.

¹¹⁹ *Ильин И.А.* «Каждый народ заслуживает своего правительства» // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 217.

¹²⁰ *Ильин И.А.* О страданиях и унижениях русского народа. С. 197.

крепостное право «было для него владением земли наполовину, ответственностью за неё наполовину», и даже после отмены крепостничества крестьянин оставался под опекой сельской общины, которая через интервалы времени имела право проводить новый раздел земли с учётом душ, что уводило от «настоящей полной частной собственности», от полной ответственности и подлинной свободы¹²¹.

Мыслитель не забывает и «атмосферу большого искусства и больной мистики, некое духовное болото, испаряющее соблазн и смуту», «двусмысленно-соблазнительные образы» русской литературы начала XX в., извращавшие истину, смешивавшие добро и зло, при том что «русская художественная критика, русская философия, русское богословие десятилетиями внемлют всему этому и молчат»¹²². «В России за последние 50 лет... настоящей художественной критики... не было», всё шло «не от последних корней и глубин искусства и не вело к ним», «художественная публика растеривала и протешевляла свой художественно-внемлющий акт;... она разучилась видеть в изящной словесности школу национального духа, школу художественного вкуса и, следовательно, путь к всенародному духовному воспитанию»¹²³. В массовой культурной среде создавалась противодуховная и противоволевая атмосфера.

Напоминает И.А. Ильин и о безумии представителей промышленно-торгового класса, финансировавших (в лице Саввы Морозова, Ивана Сытина и других) революционеров, а затем истреблённых ими¹²⁴.

Отмечает Ильин и удивительную конверсию «бескомпромиссной веры» русского человека. Русский народ «истинно

---

¹²¹ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 409.

¹²² *Ильин И.А.* Творчество Мережковского. С. 197.

¹²³ Там же. С. 168. И.А. Ильин требовал от философии и литературной критики нещадно разоблачать большую магию разлагающегося искусства. Сам он всегда был противником модернистских извращений и писал об этом в дореволюционные годы.

¹²⁴ *Ильин И.А.* Русская революция была безумием // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 133.

одержим верой»: «На почве такой последовательности в вере и такого влечения к бескомпромиссности в жизни среди молодой русской интеллигенции возникло политическое социально-радикальное движение, которое вызвало и поглотило целые потоки боевой готовности и жертвенности. Это была *религиозно окрашенная* борьба за *нерелигиозные* или даже *антирелигиозные* идеи»¹²⁵. Не случайно Шмелёв, принципиально соглашаясь с Ильиным, пишет в 1927 г.: «Верю: будущие студенты наши, будущие студентки, — подлесок русской будущей интеллигенции — элиты — на 99% — верный засол! Голова кружится. Страстотерпцы будут! Столпники и даже — блаженные! Верю (и всегда верил), что Россия *полна тако-го засола*. Я, представьте, даже в похабников-комсомольцев верю!... Пылкая, горячая... — и надо в русло вводить»¹²⁶. И.А. Ильин был единомыслен в этом отношении с писателем-патриотом, он не в меньшей мере верил в русскую молодёжь, во внутреннее возрождение России, именно для них он писал все свои труды, а не для партийно-каморочной эмиграции.

Что же происходит в советской России? Для понимания этих процессов необходимо помнить: «Коммунизм никоим образом не следует понимать лишь как партийную *политическую программу*, скорее, его следует понимать как законченное мировоззрение, проникнутое своеобразным *менталитетом* и старающееся провести в жизнь... *новый план мирового порядка*. Для этого нового всемирного плана коммунистам нужны *новые люди*, люди с новым духовным уровнем, новой моралью, новым образом жизни и новым домашним бытом»¹²⁷.

В социально-экономическом отношении революционные преобразования в России это, прежде всего, «гранди-

---

¹²⁵ Там же. С. 444, 466.

¹²⁶ Шмелёв И.С. Письмо к И.А Ильину 24.09.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 65–66.

¹²⁷ Ильин И.А. Разрушение семьи в Советском государстве // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 7. С. 85.

озная, единственная в истории, уникальная экспроприация собственности»¹²⁸. «Насильственная экономика» «парализует, искусственно извращает все здоровые творческие процессы», из душ вытравливается «всякая имущественная законность и честность»¹²⁹. Поголовной экспроприации и установлению монополии работодателя в лице государства сопутствовала поголовная пролетаризация и социализация населения¹³⁰. Отняв у человека собственность, хозяйственную инициативу, свободу труда и свободу предметного служения его приравняли машине, в результате «творческий инстинкт человека спрятался и ушёл в себя», а коммунистическое хозяйство было предано «на изуродование, расхищение и вырождение»¹³¹. В будущем должен «остаться один-единственный класс — пролетариат, ибо исчезнут все остальные классы, до сих пор привязанные к частной собственности»¹³².

И.А. Ильин указывает, что пролетаризация населения это не спонтанная ошибка революции, а доктринальная установка, напоминает уничтожение сословий помещиков, фабрикантов и купцов, домовладельцев. Следующими должны стать крестьяне¹³³. Экспроприация, предупреждает Ильин, приведёт не только к «основательному обнищанию лишённого собственности культурного слоя», но как следствие, ко «всеобщему культурному опрощению и деградации»¹³⁴.

---

¹²⁸ *Ильин И.А.* Отчуждение собственности в России и его мировое значение // *Ильин И.А.* Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т. 14]. С. 335.

¹²⁹ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 611; *Ильин И.А.* Что же предстоит в России? С. 173.

¹³⁰ *Ильин И.А.* Мученичество Русской Церкви и его значение для христианских церквей других стран. С. 408.

¹³¹ *Ильин И.А.* Обоснование свободы. // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 191.

¹³² *Ильин И.А.* Мир над пропастью. Цели и надежды. С. 23.

¹³³ *Ильин И.А.* Отчуждение собственности в России и его мировое значение. С. 335.

¹³⁴ Там же. С. 342.

Право признавалось «буржуазным» и заменялось понятием революционной целесообразности. Русское правосознание разлагается до глубины, подрываются его основы — «религиозность, чувство собственного достоинства, честь, совесть и вера в добро, в людях возвращается вкус к “блату” и безразличие к доброму имени»¹³⁵.

Принципиальное значение в революционных преобразованиях имело и то, что «новый человек должен быть без предубеждений: свободным от религиозных, моральных, патриотических и национальных “предрассудков”»¹³⁶.

Революция вводила совершенно новую мораль в отношениях полов, ибо «коммунизм в корне враждебно, с ненавистью относится к буржуазному браку, семье и семейному воспитанию детей»¹³⁷. В советской России в результате сексуальной революции было уничтожено понимание святости и социального значения института семьи. Первая в мире женщина-министр А.М. Коллонтай проповедовала женскую свободу от «семейного порабощения», миллионными тиражами печатались статьи и брошюры о свободе сексуальных отношений.

«Коммунизм можно назвать своего рода “безбожной религией”»¹³⁸, не терпящей иных мировоззрений, и потому в стране идёт бескомпромиссная борьба с «религиозными предрассудками»: «С 1918 г. идёт преследование, выкорчевывание христианской, как, впрочем, и всякой другой, веры в Советском государстве»¹³⁹. Революционеры «прекрасно понимают, что, оставив в покое верующих и Церковь, они тут же снимут печать с единого источника духа,

---

¹³⁵ Ильин И.А. О свободной лояльности. // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. 1. С. 228.

¹³⁶ Ильин И.А. Разрушение семьи в Советском государстве. С. 87.

¹³⁷ Там же. С. 91.

¹³⁸ Там же. С. 86.

¹³⁹ Ильин И.А. Мученичество Русской Церкви и его значение для христианских церквей других стран. С. 393.

тогда разольётся по всей стране и в народе поток духовного воскрешения и обновления, который, рано ли, поздно ли, но сметёт всю систему в бездну вечного проклятия»¹⁴⁰. Поэтому гонения не прекращаются, но за одним этапом следует другой. Так за этапом красного террора периода гражданской войны, последовали гонения 1921–1922 гг., когда под видом борьбы с голодом, происходила «повсеместная конфискация церковной утвари и церковных ценностей». «Все понимали, что дело не в голоде, а в фондах коммунистической мировой пропаганды», но тысячи священников и мирян были расстреляны и отправлены в концлагеря за сопротивление изъятию церковных ценностей¹⁴¹. Мыслитель считал, что «с 1922 года и началась эта кропотливая, далеко идущая, разрушительная работа, направленная на подрыв веры и церкви и на *окончательную их ликвидацию*»¹⁴².

И.А. Ильин указывает на антинациональный характер революции и происходящих в России процессов: «В час великой исторической растерянности русский народ был совращён, *завоёван и порабощён* антинациональными отбросами международной и своей собственной интеллигенции»¹⁴³. Мыслитель непрестанно подчёркивает, что «советский двойник, всегда как две капли похожий на соответствующее государство, — по языку, по территории, по географии, по сырью, по армии и по названию» — «в корне не русское» государство¹⁴⁴. На месте России возникло «*национальной России враждебное* и от неё во

---

¹⁴⁰ Там же. С. 397, 398.

¹⁴¹ Там же. С. 399.

¹⁴² Там же. С. 399. Последний священник за пропаганду «религиозных предрассудков» был заключён в советской России в тюрьму в 1983 г. — протоиерей Александр Иоаннович Пивоваров (†2006).

¹⁴³ *Ильин И.А.* Православная Русь («Лето Господне. Праздники» И.С. Шмелёва) // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 124.

¹⁴⁴ *Ильин И.А.* Мировая политика русских государей; Политические двойники. // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 121, 153. И.А. Ильин указывает, что место России, бывшей до революции «регулятором мирового равновесия», пришлось занять Соединённым Штатам.

всех своих целях и средствах *отличное, новое государство*¹⁴⁵, задачей которого стало «отменить» Россию¹⁴⁶, «обескровить и дисквалифицировать русский народ и приготовить на его крови и на его костях порабощение для всех остальных народов»¹⁴⁷. Интернациональная революция «всё время изводит национальную Россию»¹⁴⁸, и те, кто «не поняли различия между национальной Россией и Советским Союзом, не постигли судьбы и своеобразия русского народа»¹⁴⁹.

Глава 18.

Нация

«Культура начинается там, — пишет И.А. Ильин, — где духовное содержание ищет себе *верную и совершенную форму*»¹⁵⁰. Мыслитель указывает на национальную жизнь как на формообразующее начало культуры: «Богат и прекрасен сад Божий; обилён видами, блещет формами, сияет и радует многообразием. И каждому народу подобает быть, и красоваться, и Бога славить — по-своему»¹⁵¹.

И.А. Ильин описывает формирование нации как складывание своеобразного духовно-культурного единства: «Нация есть духовно своеобразный народ»¹⁵². При любых

---

¹⁴⁵ Ильин И.А. Мировой самообман // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 149.

¹⁴⁶ Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 251.

¹⁴⁷ Ильин И.А. «Протокол допроса» // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 62.

¹⁴⁸ Ильин И.А. Мировой самообман. С. 149.

¹⁴⁹ Там же. С. 151.

¹⁵⁰ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. Т. I. М., 1993. С. 271.

¹⁵¹ Там же. С. 324.

¹⁵² Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч. Т. I. М., 1993. С. 208.

обстояниях люди объединяются не случайно, друг к другу их влечёт сходство материальных и духовных интересов, и из этого сходства возникает общение. Длительное общение увеличивает взаимное подобие, и если общение носит творческий характер, то вырастает и взаимное влечение, крепнет взаимная связь, которая закрепляется традицией, передающейся из поколения в поколение. Самое же «глубокое единение людей возникает из их *духовной однородности*, из сходного душевно-духовного *уклада*, из *сходной любви* к единому и общему, из *единой судьбы*, связующей людей в жизни и смерти, из *одинакового созерцания*, из *единого языка*, из *однородной веры* и из *совместной молитвы*»¹⁵³. «Люди связываются в единую нацию и создают единую родину именно в силу *подобия их духовного уклада*», постепенно вырабатываемого как из эмпирической внутренней данности, скрытой в самом человеке — раса, кровь, темперамент, душевные способности и неспособности, так и из внешней — природа, климат, соседи. Однако вся эта «внешняя и внутренняя эмпирическая данность, полученная народом от Бога и от истории, должна быть *проработана духом*», в результате чего возникает «*единый национально-духовный уклад*», который и связует людей в национальное единство»¹⁵⁴.

Вынашиваемый народами на протяжении столетий духовный опыт созревает преимущественно бессознательно, медленно, передаваясь в процессе воспитания и преемства от одного поколения к другому¹⁵⁵. В земной борьбе души с её ограниченностью, страстями и невозможностями каждый человек индивидуально слагает себе особый духовный путь; но именно этот «путь выстраданной духовности роднит индивидуальную душу *сходством и близостью с другими душами единого национального лона*»¹⁵⁶. Таким образом, на-

---

¹⁵³ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 323.

¹⁵⁴ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 189.

¹⁵⁵ Там же. С. 100.

¹⁵⁶ Там же. С. 190.

ция складывается из единства духовного своеобразия отдельных людей¹⁵⁷.

И.А. Ильин отмечает, что своеобразиие нации, её политическую историю и хозяйственную деятельность нельзя понять без проникновения в её сущность. А сущность всякой нации отражается в культуре, ибо культура проявляется как её «*живое органическое единство*» и коренится в религии: «Именно религия живет в неосознанных глубинах души, где *инстинкт* пробивается к своему *духовному становлению* и откуда *творческий дух* черпает свою *жизненную силу*», воплощаясь в национальную культуру¹⁵⁸. И.А. Ильин ссылается на труды крупных историков культуры: «Фюстель де Куланж основательно показал, что значит религиозный акт народа для его культуры в целом... Макс Вебер подчеркнул, со своей стороны, значение Библии, и особенно Ветхого Завета, для становления и сущности Британской империи с её капитализмом, с её демократией. Теперь такая установка имеет всеобщую ценность»¹⁵⁹.

И.А. Ильин отстаивает смысл «*метафизического своеобразия народа*» в русле последовательного развития христианского понимания истории и культуры: «Национальная духовная культура есть как бы *гимн, всенародно пропетый Богу в истории*, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу всяческих. И ради создания этой *духовной музыки* народы живут из века в век, в работах и страданиях, в падениях и подъёмах, то паря к небу, то влачаься долу, — вынашивая своеобразную молитву труда и созерцания на поучение другим народам. И эта музыка духа *своеобразна у каждого народа*»¹⁶⁰. Культурное творчество оформляет и завершает духовную жизнь и духовное творчество народа, оправдывая

---

¹⁵⁷ Там же. С. 208.

¹⁵⁸ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 467.

¹⁵⁹ Там же. С. 467–468

¹⁶⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 195.

своеобразие его жизни перед Богом и перед всеми остальными народами истории¹⁶¹.

Однако не всякому народу удаётся выносить самостоятельный духовный акт и создать самобытную духовную культуру. История показывает, что «один народ служит творчески и цветёт духовно, а другой – нетворчески и духовно хиреет», и «есть такие народы, что перестают служить и становятся шлаком истории»¹⁶². Определяя народы как «духовно *ведущие*», создавшие самостоятельный духовный акт, и «*ведомые*», которым это не удалось, И.А. Ильин считает, что перед культурой ведущих народов стоят исторические задачи верного духовного акта, ибо они призваны передавать свои духовные достижения в культуру иных народов¹⁶³.

Напоминая, что «Гегель сокрушался о низком уровне той национально-духовной культуры, которая не создала ещё своего самостоятельного религиозно-метафизического чувствования и понимания Бога, мира и человека», И.А. Ильин утверждает: «он знал, как до него разве один Аристотель, что духовный опыт и философическое созерцание составляют самую глубокую сущность всей национальной жизни; что именно *предметное раскрытие жизни духа* есть то делание, то совершаемое немногими творчество, ради которого в слепоте жили, в слепоте страдали и умирали столь многие; что именно *разумное утверждение духовного Предмета* (метафизика, вырастающая из подлинного религиозного откровения) есть та вершина духовного горения, которая религиозно питает, освещает и завершает культуру народа как живого единства и которая действительно может быть источником подлинной духовной чистоты и силы»¹⁶⁴.

И.А. Ильин в своём творчестве ясно разделяет такие ключевые исторические и культурологические понятия как «куль-

---

¹⁶¹ Там же. С. 194.

¹⁶² Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 325.

¹⁶³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 214.

¹⁶⁴ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. С. 35–36.

тура» и «цивилизация»¹⁶⁵. Он пишет: «Было бы желательным четко различать культуру и цивилизацию... Культура духовна, первична, творчески целенаправленна, органична. Цивилизация технична, вторична, размножаема, механистична, вещественно и инструментально создаваема»¹⁶⁶. Культура есть «живое, духовное, творческое содержание, дорога наверх к святине, к совершенству человека»¹⁶⁷; она касается внутреннего мира, «самого значительного в нём, святого, главного». «Пралоном культуры», является «глубое, любящее, верное сердце»¹⁶⁸.

Если культура укоренена в духе бытия, и для неё главный вопрос «что?» — что есть бытие и в чём его смысл, то «цивилизация всегда имеет дело с вопросом “как?”»¹⁶⁹. «Цивилизация есть забота земного “как?” — инструмента, сосуда, материального техницизма и душевной формы»¹⁷⁰. Она есть развитие внешнего, полезного, материального: сама по себе цивилизация не есть ни культура, ни её отсутствие — «к духовным ценностям она индифферентна»¹⁷¹.

К тому же культура не всегда есть признак цивилизации, как и цивилизация — не всегда признак культуры. Народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах культуры переживать эпоху упадка¹⁷². Нация может встать на ложный и обречённый путь «больной цивилизации», творя «культуру без сердца», которая уже не будет культурой,

---

¹⁶⁵ См. напр.: «Россию с её цивилизацией веками разрушали, потрясали, превращали в руины, тормозили, сдерживали, и потому русский народ заботился о внутренней культуре» (Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 592).

¹⁶⁶ Там же. С. 590.

¹⁶⁷ Там же. С. 592.

¹⁶⁸ Там же. С. 590.

¹⁶⁹ Там же. С. 591.

¹⁷⁰ Там же. С. 592.

¹⁷¹ Там же. С. 591.

¹⁷² Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 300.

но антикультурой¹⁷³. В частности «сверхцивилизованный человек может пройти свой жизненный путь бессердечной тварью» и не создать культуры, чем, по мнению Ильина, характеризуется состояние современного мира, больного «*безрелигиозной цивилизацией*»¹⁷⁴. Таким образом, Ильин различает в историческом процессе явления, строящие цивилизацию и творящие культуру.

Раскрывая сущность национальной культуры, Ильин отмечает и духовную природу патриотизма, его духовную глубину¹⁷⁵. Он пишет: «Сливая мою жизнь с жизнью моей родины, я испытываю дух моего народа как безусловное благо и безусловную силу, как некую *Божью ткань на земле*»¹⁷⁶. Здесь проявляется удивительное явление любви к Отечеству: «В патриотическом единении люди любят свой народ в его духовном своеобразии и верят в духовную силу и духовное творчество своего народа. ...Народ, создавший свою родину, есть носитель и служитель Божьего дела на земле»¹⁷⁷.

И.А. Ильин исследует различные проявления патриотизма, отталкиваясь как от сложности и многообразия духовного опыта людей, так и от степени сознательности патриотического чувства. Одному человеку любовь к родному раскрывается через природу или искусство родной страны; другому — через религиозную веру его народа; третьему — через стихию национальной нравственности; четвёртому — через величие государственных судеб родного народа; пятому раскрывается энергия его благородной воли; шестому — свобода и глубина его мысли и т.д. Поэтому «есть патриотизм, исходящий от семейного и родового чувства; есть патриотизм, исходящий от религиозного и нравственного облика родного народа, от его духовной

---

¹⁷³ Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 392.

¹⁷⁴ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 590.

¹⁷⁵ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. 204–205.

¹⁷⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 197.

¹⁷⁷ Там же. С. 192.

красоты и гармонии; есть патриотизм, исходящий от природы и от быта, прозирающий в них единый духовный уклад и лишь затем уходящий к проблемам *всенародного размаха и глубины*¹⁷⁸. Но есть патриотизм, исходящий от «духовной отчизны», сокровенной и таинственной, внемлющей «иному гласу», созерцающий «грань высокого призванья» и «окончательную цель» с тем, чтобы постигать и любить быт своего народа с этой живой, метафизической высоты¹⁷⁹.

Конечно, патриотизм слепого инстинкта лучше, чем отсутствие какой бы то ни было любви к родине, и возражать против этого могли бы только «фанатики интернационализма». «Однако ныне пришло время, — предупреждает И.А. Ильин в 1935 г., — когда такой, чисто инстинктивный патриотизм готовит человеку неизмеримые опасности и беды, ныне пришло время, когда человечество особенно нуждается в духовно осмысленном и христиански облагороженном патриотизме, который совмещал бы *страстную любовь и жертвенность с мудрым трезвением и чувством меры*, ибо только такой патриотизм сумеет разрешить целый ряд ответственных проблем, стоящих перед современным человечеством»¹⁸⁰.

И.А. Ильин раскрывает закон человеческой природы и культуры: «Всё великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и всё гениальное рождается именно в лоне *национального опыта, духа и уклада*»¹⁸¹. Сосредоточенное и зрелое выражение народного духа происходит в творчестве национального гения и вождя¹⁸². «То, что выговаривает большой национальный художник, есть его творческое слово и его созидание; но оно произносится им за весь народ и от его лица, — отмечает И.А. Ильин. — Он сам становится *органом национального самоопределения, живогласною трубою*

---

¹⁷⁸ Там же. С. 180–181

¹⁷⁹ Там же. С. 182.

¹⁸⁰ Там же. С. 173–174.

¹⁸¹ Там же. С. 200.

¹⁸² Там же. С. 193.

*своей родины»*¹⁸³. Духовный опыт гения нуждается в национальной лаборатории и возрастает лишь в атмосфере всенародных достижений, отмечает И.А. Ильин. Необходимо ясно сознавать, что философ, поэт, художник, учёный, политик сознательно или бессознательно питаются духовным опытом своего народа. Индивидуальный дух складывается в национальной духовной культуре, которая питает его личный опыт и его личное познавательное творчество¹⁸⁴. Но независимо от личной одарённости и социального положения, участником национального философского и метафизического дела, творцом национальной культуры становится каждый человек, «поскольку он в жизни своей ищет истинного знания, радуется художественной красоте, вынашивает душевную доброту, совершает подвиг мужества, бескорыстия или самопожертвования, молится Богу добра, растит в себе или в других правосознание и политический смысл или даже просто борется со своими уничижающими дух слабостями»¹⁸⁵. Во всенародном творении национальной культуры нет ни одного усилия, ни одного достижения, которое пропало бы даром, «ибо всякое усовершенствование, всякое просветление в человеческой душевной ткани незаметно живёт и размножается и передаётся во все стороны, никогда не исчезая бесследно. Здесь драгоценно каждое личное состояние»¹⁸⁶.

И.А. Ильин отмечает также социальную и индивидуально-психологическую значимость национального: в национальном патриотическом слиянии людей «незаметно преодолевается то душевное распыление (психический “атомизм”), в котором людям приходится жить на земле». Преодоление «атомизма» вовсе не лишает человека самостоятельности, отмечает И.А. Ильин, он остаётся «монадой», но «возникает мо-

---

¹⁸³ *Ильин И.А.* Православная Русь («Лето Господне. Праздники» И.С. Шмелёва). С. 124.

¹⁸⁴ *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. С. 57.

¹⁸⁵ Там же. С. 58.

¹⁸⁶ Там же. С. 59.

гучее творческое единение людей в *обще и сообща творимом лоне* — в национальной духовной культуре»¹⁸⁷.

И.А. Ильин не избегает и темы противопоставления интернационализма и космополитизма национальному самостоянию. Отрицание значения родины и патриотизма он ставит в ряд бесплодных сомнений «просвещённого» человека современной цивилизации, пытающегося отвергнуть веру, совесть и семью¹⁸⁸. Интернационализм отрицает национальную культуру и духовный акт своеобразно-национальной культуры и желает сразу стать «сверхчеловеком». Исходя из метафизического бытия нации и духовных корней культуры, Ильин считает отсутствие национального чувства, патриотизма в душе человека проявлением духовного кризиса: «*Безнациональность* есть духовная беспочвенность и бесплодность; *интернационализм* есть духовная болезнь и источник соблазнов»¹⁸⁹. Человек, душевно расколотый и нецельный оказывается духовно обессиленным и неспособным к «*целостной очевидности*»: для него нет абсолютных истин, и поэтому «если ему приходится говорить об *отечестве и патриотизме*, то он и здесь становится на “умную” точку зрения релятивизма»¹⁹⁰. И.А. Ильин пишет, что денационализируясь, человек теряет доступ к «священным огням жизни», от которых творится культура, обезличиваясь, он становится «историческим песком» духовной пустыни и «мусором» культуры¹⁹¹. Путём интернационалистической ассимиляции постепенно создаётся «безнациональный и бездуховный тип *международного беспочвенника*», потерявшего национальный творческий дух, и если человек не будет «культивировать в себе духовную высоту своего семейного и национального начала», то его путь — животная низина¹⁹².

---

¹⁸⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 199.

¹⁸⁸ Там же. С. 217.

¹⁸⁹ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 327.

¹⁹⁰ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 418, 419.

¹⁹¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 200, 201.

¹⁹² Там же. С. 210.

И.А. Ильин считает, что «необходимо раз и навсегда провести отчётливую грань между *интернационализмом* и *сверхнационализмом*»¹⁹³. Постигнуть дух других народов может только тот, кто утверждает себя в духе своего народа. Человек может найти общечеловеческое только «*углубив своё духовно-национальное лоно до того уровня, где живёт духовность, внятая всем векам и народам*»¹⁹⁴. Только окрепнув в лоне своей культуры, «национальный дух сможет найти доступ к созданиям чужого национального духа», и «человеку откроется всечеловеческое братство, но это братство будет не *интернациональным*, а *сверх-национальным*»¹⁹⁵. Истинный национализм, как духовное национальное самосознание, открыт для «*сверхнациональной вселенскости*», и только тот, кто «сумел найти свою родину, усвоить её дух и слить с нею свою судьбу», может «нелицемерно говорить о “братстве народов”»¹⁹⁶.

Любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам, как самоутверждение не есть непременно нападение, а отстаивание своего — не означает завоевание чужого. Более того, И.А. Ильин считает, что настоящий патриот не способен ненавидеть и презирать другие народы, потому что он знает, что такое дух, и умеет обретать его дары и проявления у чужих народов: он видит их духовную силу и их духовные достижения. В жизни и культуре всякого народа есть духовное и есть земное. Можно и нужно любить у чужих народов духовность их национального характера, но не обязательно любить национальный характер их духовной культуры. В своей же, родной культуре человек любит всё: не только её духовность, но и её национальность¹⁹⁷.

Сверхнационализм вырастает из патриотизма, заключает И.А. Ильин: «*Сверхнационализм утверждает родину и нацио-*

---

¹⁹³ Там же. С. 209–210.

¹⁹⁴ Там же. С. 215.

¹⁹⁵ Там же. С. 209.

¹⁹⁶ Там же. С. 213.

¹⁹⁷ Там же. С. 211–212.

нальную культуру, и самый национализм, и особенно — духовный акт своеобразно-национального строения. Человек приемлет и дух своей семьи, и дух своего народа, из них растёт и зреет; он имеет оплодотворяющее и ведущее его духовное русло. И именно оно даёт ему возможность подняться на ту высоту, с которой ему откроется “всечеловеческий” духовный горизонт»¹⁹⁸. Истинные духовные достижения, которые всегда национальны, в то же время всегда выходят и за национальные подразделения людей, отмечает учёный: достижения высокой духовной культуры показывают своё общее родство, открывают «подлинное единство рода человеческого»¹⁹⁹.

И.А. Ильин пишет: «Нет одинаковых народов, каждый народ и каждая страна есть *живая индивидуальность*», «каждый народ есть по *духу своему* некая *прекрасная самосиянность*, которая сияет *всем людям и всем народам*»²⁰⁰. И потому каждый народ идёт к сверхнационализму по-своему, исходя из своего духовного творческого акта, своей культуры²⁰¹; «любой народ самостоятельно пробивается к очищению веры своим особым путём, в своей созидательной свободе»²⁰². У каждого народа инстинкт и дух живут *по-своему* и создают драгоценное своеобразие: каждый народ по-своему трудится, хозяйствует и отдыхает, отчаивается и радуется, поёт и пляшет, созерцает и исследует, воюет, геройствует и молится, возносится духом и падает. У каждого народа иное, своё чувство права и справедливости, иной характер, иная дисциплина, иное представление о нравственном идеале, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. «Словом, — заключает Ильин, — у каждого народа иной и особый душевный уклад

¹⁹⁸ Там же. С. 210.

¹⁹⁹ Там же. С. 209.

²⁰⁰ *Ильин И.А.* О государственной форме // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 48; *Он же.* Путь духовного обновления. С. 208.

²⁰¹ *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. С. 211.

²⁰² *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 466.

и духовно творческий акт. И у каждого народа *особая, национально зарождённая, национально выношенная и национально выстрадавшая культура*. Так обстоит от природы и истории. Так обстоит в инстинкте и в духе, и во всём культурном творчестве. Так *нам всем дано от Бога*²⁰³. У каждого народа «своя судьба,— она её носитель, её создатель, её преобразитель»²⁰⁴.

При всём этом многообразии — «все народы перед лицом Божиим по-своему хороши, и сильны, и богаты; и по-своему плохи, и слабы, и грешны, и скудны»,²⁰⁵ — пишет Ильин. Каждый народ призван к тому, чтобы принять свою природу и историческую «данность» и духовно её проработать, «одолеть её, *одохотворить её по-своему, пребывая в своём, своеобразном национально-творческом акте*» — это его «*неотъемлемое, естественное*, священное право и в то же время его историческая, *общечеловеческая* и, что самое главное, — религиозная обязанность», отказавшись от которой, он «духовно разложится и погибнет; исторически сойдёт с лица земли»²⁰⁶.

К тому же духовная культура народа не есть его почётное кладбище; не музей его лучших свершений, указывает Ильин: «Она живёт и творится и в нас, его сынах, связанных со своею родиной любовью, молитвою и творчеством; она живёт незримо в каждом из нас, и каждый из нас то бережёт и творит её в себе, то пренебрегает ею и запускает её»²⁰⁷.

Обоготворять и возносить народ — слепо и грешно, пишет Ильин, но всякий народ, «создавший свою родину, есть *носитель и служитель Божьего дела* на земле, как бы *сосуд и орган божественного начала*»²⁰⁸. Народ должен быть поставлен пред лицо Божие, и силы его должны быть облагодатствованы свыше. И если это совершилось, то жизнь его получает рели-

---

²⁰³ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 324.

²⁰⁴ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 381.

²⁰⁵ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 199.

²⁰⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 195.

²⁰⁷ Ильин И.А. О России // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 8.

²⁰⁸ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 192, 186.

гиозный смысл, а религия находит себе достойное жилище в национальном духе: «Всё бытие и вся история народа осмысливаются как самостоятельное и своеобразное служение Богу: принятие даров *Святого Духа и введение их в национальную культуру*»²⁰⁹. Потому «*национализм есть правая и верная любовь личного “я” к тому единственному для него “мы”, которое одно может вывести его к великому, общечеловеческому “мы”*»²¹⁰. Без «*здорового национально-патриотического чувства*» «ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру»²¹¹. И.А. Ильин провозглашает открытость национальных культур для взаимообогащения: мир «*великих источников духовного опыта*» не только «*человеческий мир родного народа*», но и «*мир других народов*»²¹².

Профессор Московской духовной академии М.М. Тареев в начале XX в. писал: «Государство, основанное на Евангелии, это *contradictio in adjecto*»²¹³ и «патриотизм можно примирить с Евангелием только при помощи лицемерия и софистики»²¹⁴. Он считал, что «религиозная проблема сводится к вопросу о примирении “реальной действительности с религиозной святостью”, о примирении Евангелия с культурным прогрессом и мирскими радостями»²¹⁵. Для М.М. Тареева национально-государственная жизнь по отношению к духовно-религиозной есть внешняя, иноприродная форма, и их примирение — вынужденно-условное.

²⁰⁹ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 328.

²¹⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 214–215.

²¹¹ Ильин И.А. О фашизме // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 86.

²¹² Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 44.

²¹³ *Противоречие в определении (лат.)*.

²¹⁴ Тареев М.М. Истина и символы в области духа. Сергиев Посад, 1905. С. 150.

²¹⁵ Тареев М.М. Христианская свобода. Сергиев Посад, 1908. С. 406.

У И.А. Ильина был прямо противоположный взгляд. Национальное чувство не только не противоречит христианству, считает мыслитель, но «получает от него свой высший смысл и основание, ибо оно создаёт единение людей в *духе и любви* и прикрепляет сердца к высшему на земле — к дарам *Святого Духа*, даруемым каждому народу и по-своему претворяемым каждым из них в истории в культурном творчестве. Вот почему христианская культура осуществима на земле именно как национальная культура и национализм подлежит не осуждению, а радостному и творческому приятию»²¹⁶. Национально своеобразная жизнь есть совокупность духовных творческих созданий моего народа, пишет Ильин, она объемлет и все необходимые условия этой жизни — и культурные, и политические, и материальные (хозяйство, территорию, природу). Однако то, что любит настоящий патриот, есть «не просто самый “народ” его, но именно *народ, ведущий духовную жизнь*»²¹⁷. Говоря о ценности материальной культуры, Ильин отмечает: «Что освящено духом и бытием, то становится его сосудом или его ризою. И то, во что излился дух — и человек, и картина, и напев, и храм, и крепостная стена, — становится священным и дорогим, как открывшийся мне и нам, нашему народу и нашей стране *лик самого Божества*... Родина есть выстрадавшие нами и открывшиеся нам *лики Божи*»²¹⁸. Так Ильин, исходя из духовного видения человеческой личности, обосновывает и смысл национальной самобытности.

Глава 19.

Национальные лики

Идеи полицентризма развития мировой цивилизации Н.Я. Данилевского находят широкий отклик в трудах

²¹⁶ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 323–324.

²¹⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 185.

²¹⁸ Ильин И.А. О России. С. 30.

И.А. Ильина²¹⁹. Определение человека как духовного существа позволяет Ильину говорить и о духовном опыте нации. Как духовная сущность человека лежит в основе его личного бытия, так и «осуществление духовного опыта» делает народ творцом национальной культуры. В строении и осуществлении духовного опыта, пишет Ильин, отдельные люди и народы не похожи друг на друга²²⁰. История знает «народы, склонные к чувственному созерцанию, народы, склонные к сверхчувственным мечтаниям, народы с религиозной одержимостью, народы с ясной сверкающей мыслью и народы с бессмысленным глубокомыслием, легкомысленные народы, склонные к удовольствиям, и твердолобые народы, склонные к вечным заговорам. У каждого из них свой, присущий им творческий акт, свой путь в истории и идеал»²²¹.

У народов, предрасположенных к рационализму, «вся их внутренняя жизнь мышлением побуждается и мышлением определяется; поэтому их первой потребностью является потребность *«понять»*, и значит, *сознание* является главным органом души; без анализа и систематизации они мало что в жизни могут, и не столь существенно, если они при этом что-то чувствуют, любят и созерцают»²²². Вследствие этих ка-

---

²¹⁹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 511. Среди исторических и культурологических исследований, способствующих пониманию русской истории и культуры, И.А. Ильин рекомендует книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», а также изучение трудов Н.М. Карамзина (История государства Российского), И.Е. Забелина (История русской жизни с древнейших времён), А.С. Хомякова (Мнения иностранцев о России. Мнения русских об иностранцах), И.В. Киреевского (О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России), Н.Н. Сухотина (Война в истории русского мира), М.И. Кояловича (История русского самосознания), Н.В. Гоголя (В чём же, наконец, существо русской поэзии), Ф.М. Достоевского (Дневник писателя).

²²⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 85.

²²¹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 615.

²²² Там же. С. 413.

чество у таких народов ярко проявляется склонность к абстрагированию и синтезу, к систематизации вещей и авторитарному мышлению. Они создают «культуру рассудка», которая кажется им высочайшей, лучшей и единственно подлинной культурой, отмечает Ильин.

Другие народы предрасположены к волюнтаризму: «Вся их внутренняя жизнь определяется волевыми решениями и сохраняет волевою окраску. До тех пор, пока их воля не устремлена к какой-нибудь цели, к какой-нибудь установке, они не хотят ничего определённого, их душа как бы склонна к слабому сну. Их первой потребностью является осознанная потребность в чём-либо. Главным лейтмотивом их души становится достижение цели»²²³. Такие народы склонны к жизненной установке — цель оправдывает средства. К культурно-национальному укладу волевых народов Ильин относит прежде всего древних римлян. Их ведущей и определяющей силой была здравая воля и особенно воля к власти вместе с расчётливым, аналитическим, прагматическим рассудком. Причём христианский Рим воспринял это наследие, считает Ильин²²⁴. «Западная Европа строилась на фундаменте *римской культуры*» и «принципиальными предпосылками» всей западноевропейской культуры явились «*римское право* с его основательной, но жёстко отшлифованной культурой *частной собственности* (которая с большим трудом поддаётся христианизации)» и «*римская церковь с её дисциплиной воли и культурой власти*»²²⁵. К такому же укладу, по мнению Ильина, относится и древнеиудейская культура, с её «*религией строжайшей обрядности*»²²⁶.

Есть также народы, пишет И.А. Ильин, «склонные к созерцанию, ведомые сердечным разумением и проникновенным восприятием»: «раскованно-свободные, естественные чувства

---

²²³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 85.

²²⁴ Там же. С. 411.

²²⁵ Там же. С. 475.

²²⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 85.

и живое, спонтанное созерцание составляют их исконную стихию»²²⁷. Так, пластичность воображения, любовь к свободе, (вместе с «лукавым духом предпринимательства») изначально задавали тон в Древней Греции²²⁸. Греки искали «совершенства» более всего в чувственном созерцании и создали «религию образной красоты»²²⁹. К созерцательно-культурно-национальному укладу Ильин относит также «азиатского индуса», с его «мечтательной умозрительной фантазией»²³⁰. «Сердце и созерцание – эмоциональны, интуитивны; они органичны, не поддаются ни дисциплине, ни механизации, они восходят как бы из нижнего, более глубокого, иррационального пласта»²³¹, – пишет Ильин. «Именно так живёт и творит русский в своей не сломленной и не изъеденной абстрактным, пустым рассудком, несколько детской доверчивости, в своей темпераментно захватывающей эмоциональности»²³². Русскую культуру и цивилизацию мыслитель квалифицирует именно как чувственно-созерцательную: «Русский народ – народ сердца, даже если это сердце озлоблено и издёргано великими-превеликими страданиями; народ с воображением, склонностью к созерцанию»²³³.

Глава 20.

Культура

Немалую часть своего творчества в эмиграции И.А. Ильин посвятил раскрытию путей культуры как всесторон-

²²⁷ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 414.

²²⁸ Там же. С. 411.

²²⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 85.

²³⁰ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 411.

²³¹ Там же. С. 570-571.

²³² Там же. С. 414

²³³ Там же. С. 570.

ней деятельности человека — творчески-созерцательной, государственно-правовой, вплоть до повседневно-бытовой. В 1932—1933 гг. в газете «Возрождение» был опубликован цикл из шести статей Ильина «Что такое искусство», позже составивших часть главного исследования Ильина по теории культуры «Основы художества. О совершенном в искусстве»²³⁴. В фундаментальном труде Ильин раскрывает своё видение истоков и смысла культурного творчества человека, непрестанно напоминает о духовной и нравственной ответственности художника за своё творчество. И.С. Шмелёв книгу Ильина считал настоящим методическим пособием для всех деятелей культуры²³⁵. Книгу дополняют два сборника-дневника размышлений Ильина — «Искусство (1930—1933). Феноменология произведений искусства» и «Встречи и беседы»²³⁶. С книгой «Основы христианской культуры» перекликается статья Ильина «Покой и радость в православном мировоззрении»²³⁷. В философских трудах Ильина развивается теория культуротворческого акта, в том числе — специфика национально-русского духовно-творческого акта, имеющего коренное значение в ходе исторического формирования особенного российской цивилизации.

Созидание культуры это, по убеждению Ильина, путь самореализации человека, нации и человечества в целом в их земной жизни. Ильин говорит о тайне творчества: «Сила, которая хочет творить в нас, — не от нас: вот одна из последних тайн, о которых трудно, и не нужно, и кощунственно говорить»²³⁸. Творческая же сила в человеке — его дух, связанный с Абсолютным Духом. Вся человеческая культура — «много-личная» по субъекту и «сверх-личная» по своей ценности — возникла из

---

²³⁴ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. М., 1996.

²³⁵ Шмелев И.С. Книга о вечном // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 413.

²³⁶ Ильин И.А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939—1954). [Т. 12].

²³⁷ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1; Там же. Т. 6. Кн. III.

²³⁸ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 15/02.02.1911. [Т. 11]. С. 44.

личной духовности, из этой «первичной ячейки Духа, которая именуется *духовной личностью*»²³⁹. Духовная жизнь человека это не только религиозная вера, это — широкий спектр жизнедеятельности человека: познание, нравственность, искусство, правосознание, труд, хозяйственная деятельность²⁴⁰. Поэтому Ильин предъявлял высокие требования ко всей жизнедеятельности человека, в особенности же к искусству, воспитывающему человека как духовную личность. К своему же творчеству он относился как к великому духовному заданию: «Я не могу изменить своего максимального отношения к тому, что пишу; не в том смысле, чтобы всякое, написанное мною слово считалось за перл создания; но в том, чтобы я мог согласиться на то, чтобы ответственность за не-мои мысли и не-мои слова ложилась на меня (точнее: испытывалась мною, как лежащая на мне)»²⁴¹.

Гармонизировать окружающий хаос — так определяет Ильин задачу культуры. И задача эта по силам только духовной личности. Душа, покорная хаосу, бессильна создать космос во внешнем мире — в природе и в общественности. Грубая и своевольная, жадная и упрямая, с порочными и разнузданными страстями, она бессильна создать технику и организовать хозяйство; тем более не способна она строить здоровую государственность и творить духовную культуру. Духовно разлагающаяся душа не созидает и не властвует; она рабствует своим страстям и через них беспомощна перед лицом материи²⁴². «Мышление человека творчески создаёт культуру не тогда, когда оно прилепляется к чувственному и материальному», но только тогда, когда оно способно подниматься от конкретного чувственного к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на *духовных* содержаниях, пребывать в них, созерцать их и по-

---

²³⁹ Там же. С. 275.

²⁴⁰ *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. С. 192.

²⁴¹ *Ильин И.А.* Письмо к Л.Я. Гуревич 05.01.1913. [Т. 11]. С. 75.

²⁴² *Ильин И.А.* Проблема современного правосознания. С. 446.

знавать их»²⁴³. «Как бы ни было велико значение материального фактора в истории, — пишет Ильин, — с какою бы силою потребности тела ни приковывали к себе интерес и внимание человеческой души — дух человека никогда не превращается и не превратится в пассивную, недействующую среду, покорную материальным влияниям и телесным зовам. Его призвание — власть над материей; его задача — подчинить её и организовать её служение духовным целям»²⁴⁴. Смысл жизни в том и состоит, чтобы люди преодолевали «хаотическую пыль случайных единичностей и проникали к субстанциональной ткани», строили гармонию окружающего нас миропорядка, т.е. творили культуру²⁴⁵.

«Только духовный опыт — опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, — только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить»²⁴⁶. И.А. Ильин пишет об «аксиоме жизни»: «Жизнь вообще имеет смысл и может совершенствоваться только тогда, когда бережётся и растится качество; нет его — и гибель становится неминуемой. А качество творится и обеспечивается прежде всего и больше всего *культурой личного духа*»²⁴⁷. Каждый человек призван «вчувствоваться» в тот «единственный источник света», который осветит ему путь жизни и придаст ей осмысленность, сделает его сотворцом культуры²⁴⁸. Ибо на самом деле жизнь человека есть не игра естественных сил и не беспринципная борьба за существование, но «творческий процесс, протекаю-

---

²⁴³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 68.

²⁴⁴ Ильин И.А. Проблема современного правосознания. С. 445–446.

²⁴⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 434.

²⁴⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 69.

²⁴⁷ Там же. С. 259.

²⁴⁸ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 434.

щий *пред лицом Божиим*, и при участии *божественных сил, живущих в человеке*. «Жить значит сочетать, соединять подлинную *ценность* с подлинною *силою*; придавать объективно-ценному природе силы и сообщать силе значение объективной ценности и правоты; иными словами: осуществлять *ценность*, как *побеждающую силу*, и осуществлять силу, как *духовную ценность*»²⁴⁹. В жизни «самое важное в том, чтобы постоянно осязать свой собственный священный огонь как подлинное пламя Божие. Так — в молитве, в акте совести, в создании и восприятии прекрасного искусства и в излучении активной любви. Там, и только там — в по-смертии *откроются глаза*, а сейчас надо: *живой опыт единения с Ним и живое доверие к Нему*»²⁵⁰.

В подчинении человека внешнему воздействию обнаруживается незрелость его духа и неспособность к творческому созиданию. Культура не может возникнуть из внешнего чувственного опыта и только внутренний духовный опыт делает человекообразное существо воистину человеком, т.е. духовной личностью, способной творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство, потому что «*последняя основа всего этого, творческий первоисточник* всей духовной культуры есть *Божественное в нас*, даруемое нам в *откровении живым и благим Богом*, воспринимаемого нами посредством любви и веры и осуществляемое нами в качестве самого главного и драгоценного в жизни»²⁵¹. «Так называемое “светское” искусство — архитектура, скульптура, живопись, поэзия, музыка — может быть исполнена священным содержанием, молитвенным духом, религиозным видением. История человечества знает это явление: духом насыщенно-го и пророчески-водительного светского искусства, эти ге-

---

²⁴⁹ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. Три речи. С. 55.

²⁵⁰ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 02.04.1946. [Т. 13. Кн. II]. С. 398.

²⁵¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 70

роические очаги религиозного созерцания в душах гениальных мирян и профанов. Дух Божий дышит и веет где хочет; там, где он находит чистое сердце, правый дух и искренний пламень»²⁵².

Культура творится личным духом. Человек есть «самодетельный волевой центр», который «должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя»²⁵³. И.А. Ильин также отмечает: «Культура творится не сознанием, не рассудком и не произволом, а *целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа*, отыскивающего прекрасную форму для глубокого содержания; и, прежде всего, *инстинктом*», который «способен держать и творить *форму*, вынашивать глубокие замыслы, вдохновлять, любить и беречь культуру лишь постольку, поскольку он приобщён духовности в порядке *любви и веры*»²⁵⁴. «Каждое произведение искусства есть предложенная людям медитация; читатель, читая, медитирует тою святостью и мудростью или греховностью и мерзостью, которые художественно осуществились и развернулись в читаемом произведении. *Эстетический предмет* и есть то, что поэты и писатели предлагают людям для медитации»²⁵⁵. «Художник призван принять *вещь* в свою *душу* с тем, чтобы увидеть и показать другим *божественное*»²⁵⁶. Мыслитель отмечает «скованность» художника законами трёх уровней — материи (вещи), образа (души), предмета (духа, или Бога), указывает на внутреннюю связь эстетических уровней произведения искусства. За оболочкой материи и чувством об-

---

²⁵² Ильин И.А. Основы художества // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. М., 1996. С. 176.

²⁵³ Ильин И.А. О свободной лояльности. С. 229.

²⁵⁴ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 290.

²⁵⁵ Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелёв // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. М., 1996. С. 203.

²⁵⁶ Ильин И.А. Искусство (1930—1933). Феноменология произведений искусства // Ильин И.А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939—1954). [Т. 12]. С. 272.

раза скрывается дух произведения, несущий его смысловую нагрузку: *«художественное искусство есть всегда проявление духовности; а недуховное искусство вовсе не заслуживает этого имени. Поэтому недуховный, духовно слепой подход к искусству приводит к его снижению и вырождению»*²⁵⁷.

И.А. Ильин рассматривает и вопрос о христианском отношении к культуре. В Священном писании Нового Завета никаких прямых указаний на то, какова должна быть христианская культура, не содержится. Что же остаётся христианину? Отвергнуть культуру из христианских побуждений и предоставить ей гибнуть в слепоте, пошлости и разложении? Нет, считает Ильин, этого признать невозможно: «это значило бы исказить великий смысл Христова пришествия и перестать быть христианином. Ибо христианин призван не бежать от мира и человека, отвергая и проклиная их, но *вносить свет Христова учения в земную жизнь и творчески раскрывать дары Святого Духа в её ткани. А это и значит создавать христианскую культуру на земле»*²⁵⁸. Богочеловек Христос, воплотившись, отмечает Ильин, не отверг земной способ бытия, а «принял его и победил его», потому «и нам надлежит идти Его путём и творить Его дело, как волю Отца»²⁵⁹. Из данного нам «способа земной жизни вытекает множество неизбежных для нас жизненных положений, заданий и обязанностей, которые мы и должны принять, осветить и освятить лучом Христианского откровения», считает Ильин: человечество призвано принять мир «как дар и как задание, как христианское средство, ведущее к христианской цели» — созданию христианскую культуру²⁶⁰.

В понимании Ильина, «религиозность есть живая первооснова истинной культуры»²⁶¹. Современник Ильина Г.П. Фе-

---

²⁵⁷ Ильин И.А. Основы художества. С. 88.

²⁵⁸ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 291.

²⁵⁹ Там же. С. 313.

²⁶⁰ Там же. С. 313–314.

²⁶¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 400.

дотов писал: «Высочайший смысл культуры – богопознание и гимн Богу, раздвигающий храмовую молитву до пределов космоса»²⁶². Культура есть внешнее (материальное, а также действенное) выражение внутреннего (духовного, идейно-нравственного, эстетического) состояния человека, общества. Все национальные культуры в своей основе имеют религиозные истоки, которые и придают культуре её своеобразие. Так П.Я. Чаадаев указывал на христианскую основу единства европейской культуры: «все народы Европы имеют общую физиономию»²⁶³.

И.А. Ильин отмечает, что христианство вовсе не отрицает мира: «Отринуть эмпирический мир значит предать жизнь Идеи или оскудению, или самообману, ибо отринутое будет всё-таки принято и использовано незаметным образом. Отринуть эмпирический мир, значит признать, что он не благ, что он чужд Божией силы и обречён своим злосчастливым путям»²⁶⁴. Ильин видит призвание истинного искусства в научении человеческих душ «входить в храм мировой мудрости и молиться в нём единому и единственному Богу»²⁶⁵. Более того, вся история христианства и есть, по мнению Ильина, не что иное, как «*единый и великий поиск христианской культуры*»²⁶⁶. Этот поиск выдвигал крайние учения: одни, готовые отвергнуть во имя Христа земную культуру и самый мир, в пределах которого она создаётся; и другие – принять слишком много земного и мирского, вплоть до утраты Христова Духа. Но христианская церковь всегда стремилась найти между этими крайностями некий средний, жизненно мудрый путь, который верно вёл бы от Христа к миру – «укореняясь во Христе и творчески пропи-

---

²⁶² Федотов Г.П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Сб. М., 1990. С. 448.

²⁶³ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 44.

²⁶⁴ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 218.

²⁶⁵ Ильин И.А. О тьме и просветлении. С. 203.

²⁶⁶ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 295.

тывая Его лучами ткань человеческой жизни»²⁶⁷. На этом пути ныне необходимо утвердиться всякому, кто помышляет о созидании христианской культуры, считает Ильин.

Мыслитель указывает на исключительное значение, которое имело христианство в истории культуры: «Оно внесло в культуру человечества некий новый, благодатный дух, тот дух, который должен был оживить и оживил самую субстанцию культуры, её подлинное естество, её живую душу. Этот дух был чудесным образом внесён во враждебную среду, иудейско-римскую, в атмосферу рассудочной мысли, отвлечённых законов, формальных обрядов, мертвеейшей религии, жадно-земной воли и жестокого инстинкта»²⁶⁸. Христианство внесло в мир великие благодатные творческие духовные дары. Дух христианства есть дух «*овнутренения*», согласно чему всё внешнее, материальное, чувственное само по себе не имеет безусловной ценности и является лишь возможностью духа и совершенства: как бы незасеянным полем. Внутреннее, сокровенное, духовное решает вопрос о достоинстве внешнего, явного, вещественного. И это должно считаться аксиомой всякой культуры, считает Ильин, особенно же культуры христианской. Так, нравственное состояние человека ценится не по его материальным последствиям и не по внешней пользе, из него проистекающей, но по внутреннему состоянию души и сердца человека²⁶⁹.

Дух христианства есть дух любви: «Бог есть любовь» (1-е соборное послание св. ап. Иоанна, IV, 8). Это означает, пишет Ильин, что «Христос указал в любви последний и безусловный первоисточник всякого творчества, а, следовательно, и всякой культуры», ибо культура творит и утверждает, «любовь же есть первая и величайшая способность — принимать, утверждать и творить»²⁷⁰.

---

²⁶⁷ Там же. С. 295.

²⁶⁸ Там же. С. 300–301.

²⁶⁹ Там же. С. 301.

²⁷⁰ Там же. С.302–303.

Дух христианства есть также дух созерцания, живого творческого содержания, а не формы и отвлечённых мерил, и дух совершенствования. И этот «дух овнутренения, дух любви, дух молитвенного созерцания, дух живого, органического содержания, дух искренней, насыщенной формы, дух совершенствования и предметного служения Божьему делу на земле, дух творческой силы» христианин должен принять и из него творить земную культуру²⁷¹.

Творение христианской культуры — «великое и претрудное, обязывающее и ответственное *дело*; и сущность его в том, чтобы *в меру своих сил усвоить Дух Христа* и творить из него земную культуру человечества»²⁷². Создание христианской культуры есть задача, поставленная перед человечеством две тысячи лет тому назад и им не разрешённая. Эта задача и не может быть разрешена одною эпохою, одним народом, одним поколением, раз и навсегда, ибо *каждая эпоха и каждый народ* и каждое поколение должны стремиться к разрешению её по-своему — по-своему достигая и не достигая: «*Проникнуться духом Христова учения и излить этот дух в свою жизнь и в мир вещественный* — вот та задача, раскрывающая всем и каждому великую внутреннюю свободу и великий творческий простор во внешнем мире»²⁷³. Христианам заповедано совершенство и творческое строительство христианской культуры, считает Ильин²⁷⁴. В понятие культуры учёный вкладывает широкий спектр человеческой деятельности: наука, искусство, государство и хозяйство — те «духовные руки», которыми человечество берёт мир и созидает земную культуру. И задача христианства не в том, чтобы «изуверски отсечь эти руки», а в том, чтобы пронизать их труд изнутри живым духом, воспринятым от Христа²⁷⁵.

---

²⁷¹ Там же. С. 306.

²⁷² Там же. С.299–300.

²⁷³ Там же. С. 316.

²⁷⁴ Там же. С.299.

²⁷⁵ Там же. С.316.

В творении совершенной культуры, указывает Ильин, и заключается смысл человеческой истории.

И.А. Ильин отмечает ещё один важнейший момент, без которого нельзя понять ни человеческую историю, ни культурное творчество. Учёный считает, что один из основных законов нашего мира тот, что «все существа и все вещи *не-совершенны* и должны *восходить к совершенству в борьбе и страдании*»: «Всё, что есть хорошего, значительного, непреодолимого, а особенно гениального и божественного в человеческой культуре, — всё могло быть создано человеком только в страдании, всё должно было быть заслужено и оправдано им»²⁷⁶. Всякое человеческое творчество возникает из лишений и из страдания и всякое создание культуры есть преодоленное и оформленное страдание человека²⁷⁷. «Без страдания, — отмечает Ильин, — нам всем, и нашему достоинству, и нашему духу, и нашей культуре пришёл бы скорый и трагический конец»²⁷⁸. «*Духовное терпение*» — та «великая сила личной и национальной жизни, без которой не возникла бы и не удержалась бы никакая культура»²⁷⁹.

Мыслитель указывает на тупиковый путь бездуховной культуры, который ведёт к гибели человеческой цивилизации. «Вся человеческая культура сокрушилась бы, если бы Дух Божий покинул её», ибо «человек, отвергнутый и покинутый Богом, утрачивает свою творческую силу» и становится «бессердечною, безвдохновенною, жестокою тварью, бессильною в созерцании и созидании новых, совершенных форм»²⁸⁰. Когда в душах исчезает духовная очевидность, верное восприятие и переживание духовных предметов — истины, добра, красоты, права, тогда в обществе не остаётся без-

---

²⁷⁶ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 306.

²⁷⁷ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 508.

²⁷⁸ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С.331.

²⁷⁹ Там же. С. 355.

²⁸⁰ Там же. С. 293.

условных основ, охраняющих его существование²⁸¹. Поэтому задача общества, государства — созидание и защита культуры одухотворения человека. Для Ильина очевидно, что «в последнем и глубоком измерении искусство и религия делают единое и главное дело: дело *одухотворения бессознательного*, дело его обращения к Божественному, дело его умудрения и *преображения*»²⁸².

Обнаруживая смуту и беспочвенность окружающей действительности, Ильин требует «сердечного созерцания внутри культуры, в её созидателях, от её творцов»²⁸³. «Для обновления жизни надо обновить культурно-творящий акт, перестроив его на основе созерцающего сердца — всю науку, всю религию, всё искусство, всё право, всю политику и всё хозяйство — надо растить и строить созерцающим сердцем — т.е. видеть сущее и творимое лучом любви, совсем свободно и совсем искренно»²⁸⁴.

Глава 21.

Русская литература

Значение художественного слова в русской культуре имеет особенное значение по сравнению с другими искусствами. И.А. Ильин считал, что «Пушкин, Гоголь, Тютчев и Достоевский знали путь русской души и понимали её задание»²⁸⁵. Потому в творческом наследии Ильина, забо-

---

²⁸¹ Ильин И.А. О монархии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. М., 1994. С. 444.

²⁸² Ильин И.А. Основы художества. С. 63.

²⁸³ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 15.03.1946. [Т.13. Кн.II]. С. 386–318.

²⁸⁴ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 09.09.1945. [Т. 13. Кн. II]. С. 353–355.

²⁸⁵ Ильин И.А. Музыка Метнера // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С.294–295.

тящегося о национальном самосохранении, много работ посвящено писателям и поэтам — открывателям и воспитателям русской души.

Особое почтение у Ильина всегда вызывал Александр Сергеевич Пушкин, которого учёный считал ярчайшим представителем русской ментальности, глубоким мыслителем и национальным провидцем. «Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры» — характерное название для статей Ильина о русском поэте. Ильин всегда подчёркивал свою любовь к А.С. Пушкину и восхищение его творческим гением. В 1937 г., когда вся русская культура отмечала столетие гибели поэта, Иван Александрович прочитал ряд лекций о национальном гении для русских общин Берлина, Цюриха, Риги и других городов: «Пророческое призвание Пушкина»²⁸⁶, «Национальная миссия Пушкина», «Пушкин в жизни» и другие.

«Два луча утешали и укрепляли [русскую] душу в её утомлении и сомнении: *религиозная чистота и мудрость русского православия и пророческая богоозарённость нашего дивного Пушкина*»²⁸⁷, — так высоко ставил значение творческого гения поэта Ильин. Он считал, что «*Пушкин есть чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости*»²⁸⁸. В творческих образах поэта высказан русский «национальный символ веры», дано «откровение о русском духовном естестве»²⁸⁹. Своим духовным художественным актом А.С. Пушкин «созерцал и творил Россию»: усмотрев «в русской жизни, в русской истории и в русской душе» её «*духовные содержания*», «он утвердил наше национальное бытие»²⁹⁰. Ильин называл вдохновение Пушкина «свя-

---

²⁸⁶ Сразу же была издана в Риге Русским академическим обществом отдельной брошюрой.

²⁸⁷ *Ильин И.А.* О России. С. 34.

²⁸⁸ *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина. С. 45.

²⁸⁹ Там же. С. 37.

²⁹⁰ Там же. С. 41.

щенным», «истинным откровением», пророчеством о России²⁹¹.

И.С. Шмелёв, прочитав Пушкинскую речь Ильина, писал ему: «Вглядываюсь в Пушкина. Он вовсе не такой ясный, как говорили многие. Он – сложный. Но он – сущность наша. Но... не могу установить, – что это – и в чём, главное, у него: “и милость к падшим призывал”!? Ведь тут ключ к сущности нашей культуры: милосердие, сострадание к человеку, к душе человека, – ведь это в главном русле нашей духовности и душевности, это основа нашей культуры, святая святых, от истоков, от Слова Божия. Это, несомненно, у Пушкина есть, но я не могу нащупать... И так мне важно внять Ваше о Пушкине. От Вас я могу зажаться, мне нужна и Ваша установка, как сверка и как – толчок-учёба. Благословите!»²⁹². Ильин «благословляет» писателя таким ответом: «Пушкинскую речь я “произносил” 4 февраля в Берлине, 9 в Риге, 12 в Ревеле, 14 в Юрьеве. Что другие люди выносили из этого, мне неизвестно; а я сам имел немалое утешение – это счастье высказать о любимом гении хоть 1/5 того, что выносилось о нём за жизнь... Думается и видится мне, что “милость к падшим” не составляет естества Пушкина. Достоевский и Тургенев говорили о Пушкине не из субстанции. Ближе всех к постижению его был Гоголь»²⁹³.

Сам Ильин старается показать в поэте философа русской истории: Пушкин увидел, что православие сформировало русский «особенный национальный характер» и внушило нам идею «*святой Руси*»²⁹⁴; именно «М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин пер-

---

²⁹¹ Там же. С. 38.

²⁹² Шмелёв И.С. Письмо к И.А.Ильину 14.03.1937. [Т. 13. Кн. II]. С. 174.

²⁹³ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 21.03.1937. [Т. 13. Кн. II]. С. 178, 180.

²⁹⁴ Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Кн. I. С. 366–367.

выми поняли своеобразие России, её особенность от Европы, её “не-европейскость”»²⁹⁵. Пушкин «...дан был нам как залог, как обетование, что и на нашу ширь, и на нашу страсть, и на наш беспредельный размах — *есть и, может быть, будет найдена и создана* такая совершенная, такая завершённая форма, о которой мечтали и всегда будут мечтать для себя все народы»²⁹⁶. Ильин подчёркивает великое воспитательное значение творчества Пушкина: ребёнок «после пяти-шести лет должен услышать о героях своей страны и влюбиться в них... надо, чтобы он научился вместе с Пушкиным благодарить Бога за то, что родился русским, и вместе с Гоголем — радостно дивиться на гениальность русского языка»²⁹⁷. «Умудрится же и научится! России нужен дух чистый и сильный, огненный и зоркий. *Пушкиным* определяется он в нашем великом искусстве; и его заветами Россия будет строиться и дальше»²⁹⁸.

В 1943 — 1944 гг. на немецком языке в Швейцарии издаётся ряд трудов И.А. Ильина о русских писателях XIX в., основанных на его лекциях о русской культуре: «Гоголь — великий русский сатирик, романист, философ жизни», «Достоевский как человек и характер», «Достоевский как художник», «Достоевский как публицист», «Образ идиота у Достоевского», «Николай Ставрогин (Достоевский. “Бесы”», «Лев Толстой как истолкователь русской души (“Война и мир”», «Мировоззрение Льва Толстого», «Лев Толстой — художник и человек». Размышляя о русской литературе XIX в., И.А. Ильин отмечает у русских писателей и определённую «болезнь»: «Последнее время пересматривал Куприна по изданиям Нивы и Московского книгоиздательства, — пишет он И.С.Шмелёву. — Прямо — заболеешь! В русской литературе

---

²⁹⁵ Ильин И.А. Против России // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 62.

²⁹⁶ Ильин И.А. О России. С. 32.

²⁹⁷ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 414.

²⁹⁸ Ильин И.А. Основы художества. С. 71.

ХІХ века писатели состояли нередко прямыми “сыщиками зла”, но сыщиками (простите, Бога для!) — смакователями, аки “псы, возвращающиеся на блевотины своя”. Не Пушкин, не С.Т. Аксаков, не Толстой, не Лесков. Но Гоголь сам изнемог от этого, даже до смерти. Достоевский мечтал прекратить это. Тургенев, скудный в духовном видении, старался не впадать в это. Но Салтыков! Но любезные народники! И особенно народники “последнего призыва” — Бунин, Горький, Куприн. Начитаешься — и свет не мил, на людей не глядел бы, России стыдился бы»²⁹⁹.

И.А. Ильин писал и о современных писателях, выделяя среди них наиболее ярко отражающих русское бытие, национальное самосознание.

Вторую половину 1935 г. Ильин с супругой проводит в Латвии: «С 15 июля мы здесь, в Латвии. 100 вёрст от Риги, у друзей. Одиноко, тихо, заботливо. Не дорого... Попали сюда на таких условиях. Мне заказана книга: художественная, критическая. Шмелёв, Бунин, Ремизов, Мережковский, Куприн, Краснов, Алданов... Адрес: Prof. Iljin. Latvija. Koknese. Riteri Pakuli»³⁰⁰. Так начинается литературоведческая эпопея Ивана Александровича, завершившаяся написанием книги «О тьме и просветлении».

И.А. Ильин постоянно делится с Иваном Сергеевичем мыслями о своей литературоведческой работе. Первоначально он озаглавливает книгу «*О тьме и скорби*. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв»: «А это значит: тьму и скорбь послала нам “история”, т.е. Господь. И все мы во тьме ходим и скорбью живём. И вот старшее ныне поколение литературных художников, сидя с нами во тьме и скорби, что видит, что показывает, что даёт, куда ведёт.

---

²⁹⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 04.08.1949. [Т. 3. Кн.ІІІ]. С. 397–398.

³⁰⁰ Ильин И.А. Письмо И.С. Шмелёву 10.8.1935. [Т. 13. Кн. ІІ]. С. 90–91.

а) Бунин. Тьма первобытного эроса – и мука из него. И всё. Плюс – “радости” “любви”...

в) Ремизов. Тьма нечисти, злобы и страха – и мука о ней, но не скорбь, а мука, требующая жалости.

И нет скорби – ни у того, ни у другого, и нет преодоления, нет выхода к свету.

с) Шмелёв – тьма богоутраты, и скорбь в мире и о мире – и через скорбь выход к Богу и свету. И радость древле-зданного русско-православного богонахождения.

Так что – исход должен быть дан финалом, преодолением. И вся книга построится снизу вверх, с предоставлением Бунину – воспрезирать меня до смерти; с предоставлением Ремизову – написать обо мне какую-нибудь химерическую дребедень, как он иногда размалёвывает о знакомых... Мне важно, чтобы Вы узрели замысел и то, почему разрешающий проблему идёт в конце»³⁰¹.

И.А. Ильин ставит И.А. Бунина, А.М. Ремизова и И.С. Шмелёва в первые ряды «ясновидцев и изобразителей ожесточения и слепоты» современной эпохи в области литературы. «Я утешаюсь тем, что совершил всё исследовательски необходимое для осуществления художественной “встречи” с каждым из них в отдельности. В самом деле, они всю жизнь шли отдельно и самостоятельно. Но переживаемая Россией и всем миром “ночная эпоха” объединила их *единством предмета и единством национального опыта*. Они явились изобразителями *восставшей тьмы и разливающейся скорби*. И это дало мне основание и право написать о них *единую книгу* и придать этой книге *единое, предметное заглавие*. При этом я устранил из её исследуемого содержания мой личный духовный опыт и моё субъективное созерцание. Я сделал всё, что в моих силах, для того, чтобы усвоить духовный опыт и художественное созерцание каждого из них во всём его своеобразии; чтобы погасить своё видение и созерцать так, как созерцает сам ве-

---

³⁰¹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 10.04.1938. [Т. 13. Кн. II]. С. 224–225.

душий и показывающий художник; чтобы увидеть его образы и постигнуть скрытое за ними предметное содержание»³⁰².

И.А. Ильин отмечает, что у каждого писателя-художника есть *свой* особый творческий уклад; свой способ задумывать произведение, вынашивать его и облекать его в образы (воображать свой замысел); *своя* манера видеть, чувствовать, желать и изображать увиденное, почувствованное, желанное; как бы *свои художественные очки*. Три избранных Ильиным писателя как раз-таки и резко различаются своим творческим укладом-актом. «Я в критических анализах моей книги, обозначая произведения по имени их авторов, буду иметь в виду не самих авторов, не их личные души или духовные субстанции, а *только осуществленные ими художественные акты*»³⁰³, — предупреждает философ читателя.

Трилогия начинается с Бунина: «Творчество Ивана Алексеевича Бунина — последний дар русской дворянской помещицкой усадьбы, дар её русской литературе, России и мировой культуре. Это она, наша средняя русская земледельческая полоса, уже подарившая русскому народу столько замечательных талантов — литературных, музыкальных и философических, — говорит в его созданиях. Веками происходил здесь, вокруг Москвы, этот своеобразный, национальный, сословный, душевно-духовный и культурный отбор, отбор тонких и даровитых натур, который дал России Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Хомякова, Тургенева, Толстого, Фета, Чичерина, Трубецких, Рахманинова и многих других созидателей русской культуры. Тут всё соединилось: и этот крепкий, строгий климат с его большими колебаниями и бурными порывами; и ласковый, мечтательно-просторный ландшафт; и столетний отбор крови и культуры; и непосредственная близость к простонародной крестьянской стихии, к

---

³⁰² Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелёв // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 404.

³⁰³ Ильин И.А. О тьме и просветлении. С. 210.

дыханию земли; и досуг помещицкой усадьбы с её культом, родовой, наследственной *традиции служения*; и близость к патриархальной Москве; и удалённость от цензуры Петербурга... Так и сложилась эта своеобразная духовная атмосфера независимого творческого созерцания, дерзающего по своему видеть и честно выговаривать узренное, не считаясь ни с чем, кроме личной религиозной, художественной или познавательной совести»³⁰⁴. Для Ильина Бунин — великий художник *внешнего опыта*, изобразитель инстинкта. И когда философ вдруг прочитывает, что Бунин — духовный писатель, он возмущается в письме к Шмелёву: «Читали Вы фигу Кирилла Зайцева о Бунине. А?... “Религиозный мыслитель”... Читаешь и не знаешь — зачем это в литературе *всё можно, всё позволено!*?»³⁰⁵. Для Ильина Бунин — «холодный язычник», «горький бессвятец»³⁰⁶.

И.А. Ильин выделил А.М. Ремизова среди других русских писателей как одного из ярчайших представителей национальной литературы, чьё творчество не укладывается ни в какие традиционно-литературные формы. Для того чтобы понять творческий акт писателя, истоки его творчества он не раз встречается с ним, бывает в его «*волшебном царстве*» [А.М. Ремизов. «По карнизам»]³⁰⁷. И.А. Ильин впервые приходит к Ремизову и уже при приближении чувствует его образы: «Вдруг вижу, что на двери — это в Париже, а там именных дощечек не полагается... — висит на кнопке зелёный нитяной хвост... Это — знак его жилища; по этому знаку его находят многочисленные посетители»³⁰⁸. «Я звоню. Тихие, мягко шлепающие шаги за дверью; отворяют — он сам, в домашних тёплых туфлях. Маленький, худой, сог-

---

³⁰⁴ Там же. С. 210.

³⁰⁵ *Ильин И.А.* Письмо И.С. Шмелёву. 9.3.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 29.

³⁰⁶ Там же. С. 30.

³⁰⁷ *Ильин И.А.* О тьме и просветлении. С. 290.

³⁰⁸ Там же. С.285.

бенный [*“ Или меня взять — червяк, в три дуги согнутый ”*]. А.М. Ремизов. “Ах-ру”], как бы настороженно прислушивающийся или присматривающийся к чему-то, с аскетическим бритым лицом, с огромным лбом мыслителя — волосы обычно назад, вдохновенными вихрами или пучками... За большими чёрными “дипломатическими” очками — очень умные глаза; они то прячутся в веках и стёклах, сощуренно исчезая в миг блаженствующей улыбки, то серьёзно смотрят в посетителя — колюче, пристально, в два тёмных бурава»³⁰⁹. А «когда “накатит” “чёрная волна”», тогда лицо Ремизова «делается мрачно-сосредоточенным, безысходно страдающим; и в одну из таких минут он прислал мне открытку со словами: “доколе, о Господи!”»³¹⁰.

Начинается «обряд» чаепития: у Ремизова всё обрядно, сказочно, неповторимо. «Чай заваривается неспроста: обряд торжественный, волхвующий. И самый чай особенный, и засыпается он по-особенному; появляется ещё один ветхий плед, чайник тщательно укрывается... Тихо, с ласково-самозабвенной улыбкой стоит сам ведун над закрытым чайником, возложив на него обе руки... и молча волхвует, чтобы чай удался... и ждет, пока новое, душистое существо не сварится, не созреет под крышкой... А как вкусен этот чай... и какие играющие и страдающие прозрения произносятся во время его распивания... об этом я не сумею рассказать своими словами»³¹¹. А вокруг, по всей квартире — хоровод персонажей: «Состав этих существ меняется. Каждое из них имеет свою историю, которую он мне тут же и рассказывает с великой мифически-сказочной серьёзностью»³¹². «Уходя домой с первыми петухами, я прощаюсь и с ремизовской “паутинкой”. Мне кажется, что его колдовёртыши не будут вредить мне, уже в силу одного того, что они научились у

---

³⁰⁹ Там же. С. 286.

³¹⁰ Там же. С. 296.

³¹¹ Там же. С. 290.

³¹² Там же. С. 289.

него самого доброте; но завести такое “морское дно” у себя я бы не хотел»³¹³.

Иван Александрович понимает Ремизова как русского сказочника, который «“пiан” иррациональной стихией русского мифа, русского воображения, русско-сказочного небывалого быта и русского языка. И как полагается русскому человеку, переступившему грань трезвости. Ремизов сверх всего ещё и играет (слегка!) этим “пiанством”». Однако Ильин в то же время понимает, что «Ремизов слишком сознателен и умён для самозабвенного мифосозерцания»³¹⁴.

И.А. Ильин заканчивает свою трилогию о современной русской литературе рассмотрением творчества Ивана Сергеевича Шмелёва, которого считает выдающимся художником *внутреннего опыта*. Сам Иван Александрович любил перечитывать рассказы Шмелёва вместе с супругой, наслаждаться его русским словом, его образами российской жизни. Он часто делится с другом-писателем своими впечатлениями по прочтении его книг: «Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич! Какую чудесную масленицу Вы написали! Как это удивительно, какая Россия... Не может иностранец понять эту проникнутую, насыщенную мистерию быта... Юность наша, детство наше, милая-милая изнутри осиянная Россия! Я так давно Вашего не читал... Как будто проснулся, ожил, воды ключевой напился»³¹⁵.

Ещё в начале 1930-х гг. в русской печати появляются первые литературоведческие статьи мыслителя о творчестве И.С. Шмелёва в связи с выходом его новых произведений: «Творчество Шмелева» «Православная Русь. “Лето Господне. Праздники” И.С. Шмелёва», «Святая Русь. “Богомолье” Шмелёва». Шмелёв описывает Ильину свои впечатления от его литературоведческих опытов: «Мне нисколько не стесни-

---

³¹³ Там же. С. 290.

³¹⁴ Там же. С. 276.

³¹⁵ *Ильин И.А.* Письмо И.С. Шмелёву 27.02.1928. [Т. 13. Кн. I]. С.

тельно благодарить Вас за Вашу *песнь* о “Лете”, — это пропето для общей радости»³¹⁶. Шмелёв восхищается: «Читал Вашу “Святая Русь”, — пока трижды читал, — и будто это не про меня, и потому как бы “свидетельски” внимал пению. Это не критика, это — *глагол*, который зажигает сердца согревающим светом, и... бесы трепещут в преисподней»³¹⁷. «Ваша статья — не статья, а порыв огня и духа»³¹⁸. «Ваша поэма о “Лете Господнем” заставила и заставляет говорить о себе. От скольких слышал!» — передаёт он впечатления русских парижан об этом «глаголе»: «“Это первый случай, когда про наше, национальное, так сильно и громко и славно сказано!”... Ольга Александровна встретила Бориса Зайцева. Сам сказал: “Ка-ак Ильин написа-ал!” Она ответила, святая простота: “Да, Иван Александрович уме-ет написать”. А я ей только что, перед уходом, читал “Святую Русь”, весь в волнении и дрожи... не читал, а... как Апостола возглашал. И оба мы вкушали, над горсткой, как просфору»³¹⁹. «Вчера пришёл простой человек, бывший московский миллионер Карпов (сам инженер), женатый на Морозовой. “Какой гениальный талант!” — про Вас. — “Вот кому бы потрясать, как публицисту(!?)... всю Россию»³²⁰.

И.А. Ильин всегда отмечал, что Шмелёв в своём творчестве непрестанно искал «путей, которые приведут нас к просветлению», путей «именно для русского человека и находил их в нашем по-русски понятом христианстве»³²¹. «Шмелёв есть

---

³¹⁶ Шмелёв И.С. Письмо И.А. Ильину. 19.4.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 49.

³¹⁷ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 3.5.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 57.

³¹⁸ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 6.5.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 60.

³¹⁹ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 26.04.1935. С. 53; Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 03.05.1935. С. 57.

³²⁰ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 03.05.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 58.

³²¹ Ильин И.А. *Художество Шмелёва // Ильин И.А. Собр. соч.* Т. 6. Кн. II. С. 167.

прежде всего *русский поэт* — по строению своего художественного акта, своего созерцания, своего творчества, — отмечает И.А. Ильин в своём исследовании «О тьме и просветлении». — В то же время он — *певец России*, изобразитель русского, исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное трактование национального»³²².

Трудное, но «совершенно необходимое для национально-го самоопределения и самоутверждения» дело «нарисовать духовный “портрет”» своего народа в отличие от других народов³²³. И.С. Шмелёв же оказался способным нарисовать этот «духовный портрет» русского народа, благодаря тому, что укоренён в «национальной почвенности», в «неразвешанном, нерастраченном, первоначально-крепком экстракте русскости». «Он пишет как бы из подземных пластов Москвы, как бы из её вековых подвалов, где откапываются старинные бердыши и первобытные монеты. Он знает, как жил и строился первобытный русский человек. И, читая его, чувствуешь подчас, будто время вернулось вспять, будто живёт и дышит перед очами исконная Русь, её израненная историей и многострадальная, но истовая и верная себе, певучая и талантом неистощимая душа»³²⁴. Предметно-выстраданное и непреходящее слово Шмелева говорит о «русскости русского народа»³²⁵.

Общая любовь к России, русскому духу, стремление выразить его в своём творчестве накрепко сдружила Ивана Александровича Ильина и Ивана Сергеевича Шмелёва. «Горжусь Вами и утешаюсь Вашей дружбой»³²⁶, — писал

---

³²² Ильин И.А. О тьме и просветлении. С. 335.

³²³ Там же. С. 335.

³²⁴ Там же. С. 338.

³²⁵ Там же. С. 335.

³²⁶ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву. 09.03.1935. [Т. 13. Кн. II].

Ильин другу. — «Есть постоянный угол в душе, где Вы неизменно сидите, а я туда а) обращаюсь, б) покашиваюсь, с) подмигиваю d) покашливаю, е) вскрикиваю, f) или просто ощущаю»³²⁷. И Иван Сергеевич сердцем прикипает к Ильину: «Теперь я, слава Богу, могу улыбаться солнышку, а Вы и есть это солнышко, божье, богатое теплом и силой огня-света»³²⁸. Иногда Шмелёв пишет Ильину письма ежедневно, одно за другим: «Мне надо было перед Вами как-то высказаться, как вот на молитву становятся»³²⁹. «У меня над рабочим столиком с машинкой, во всю длину стены, на 2 м. висит панорама Москвы, — сообщает Шмелёв Ильину. — На днях я застеклил Ваш строгий Большой портрет, en face окантовал и повесил над Москвой. Всегда Вы и Москва — перед глазами. И всегда — вздох, и болезненный и радостный... - а-ах...!»³³⁰. «Вы... царите над “Москвой”, и пишу под Вашим глазом строгим...! и под Вашим благословением... На стенке — мальчик наш и Король. А рядом с Вами — “Московский дворик”, у Григория Неокесарийского, на Полянке, где я в бабки играл. Всё — при мне»³³¹. И.С. Шмелёв мечтает быть рядом с единомышленным товарищем: «Хотел бы к Вам... Без Вас, без Вашей дружбы — мно-гого не написал бы я! *Знаю*»³³²; «если бы я жил возле Вас, милый! Это счастье такое... Я бы перебрался... Сколько ви-

---

С. 30.

³²⁷ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву. 05.02.1935. [Т. 13. Кн. II].

С. 15.

³²⁸ *Шмелёв И.С.* Письмо к И.А. Ильину. 09.06.1936. [Т. 13. Кн. II].

С. 134.

³²⁹ *Шмелёв И.С.* Письмо к И.А. Ильину. 20.02.1935. [Т. 13. Кн. II].

С. 25.

³³⁰ Там же. С. 23.

³³¹ *Шмелёв И.С.* Письмо к И.А. Ильину. 26.04.1935. [Т. 13. Кн. II].

С. 53.

³³² *Шмелёв И.С.* Письмо к И.А. Ильину. 22.08.1935. [Т. 13. Кн. II].

С. 91, 93.

дел я от Вас радостного, ласкового, чудесного! Единственный свет мне в Европе: родной свет»³³³.

«Меня поражает, что мы с Вами в одни и те же годы, но в разлуке и долгой разлуке шли по тем же самым путям поющего сердца»³³⁴, — писал Ильин Шмелёву после долгих лет их дружбы. «Каждый кусочек, написанный Вами, есть живая молитва — и не от себя только (хотя конечно от себя), а от лица Вашего и моего народа; и не за себя, а за него; Вы всю жизнь учили русский народ молиться и петь. Ваше вдохновение было всегда молитвенным... Дорогой мой! Будьте уверены, что Господь с Вами и над Вами даже и тогда, когда Вы теряете царственное, подъемлющее, вдохновенное осязание этого. Не спрашивайте Его! Не испытайте Его! Целящая Рука Его над Вами! Как над любимым дитём. Вы — Его русская лира, Его русская золова арфа. Чинит Он её; и слава Тебе, Господи! А починить её — необходимо. Доверьтесь же Ему!»³³⁵. «Дорогой друг, не пишите людям 1 000 000 писем, а творите, ради Господа, новое художество... Творения строят Россию, а обыватели её растрясаят»³³⁶. Ещё в 1930 г. Ильин пророчески пишет Шмелёву: «Над Вами суд впереди: *Россия* будет *Вас любить*, и плакать, и радоваться с Вашими творениями и героями. Верьте в это, как в Благодать, без коей не создать никому ничего великого! А интригуют? Да. Потому что Ваше писание — *их отменяет*. Ведь после Вашего трепета, после Вашей чудесно-нежной ткани, в коей всё *необходимо* и всё *прожжено мыслью* — ведь *почти никого* и читать-то из современных нельзя. То цветок огненный — а то льдина

---

³³³ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину. 20.02.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 22–23.

³³⁴ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 15.03.1946. [Т. 13. Кн. II]. С. 386.

³³⁵ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 23.05.1934. [Т.13. Кн. I]. С. 456–458.

³³⁶ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 17.12.1934. [Т.13. Кн. I]. С. 497–498.

самодовольная... Будьте радостным царём и славьте Господа, как птица Божия! Хорошо плакать! Отцы, восточные добролюбы — *годами* Господа о *даре* слёзном молили... А у Вас каждый “рассказ” — бисером слёз составлен и оный же бисер на глаза читателя вешает. И молиться хорошо... Вы всю свою молитвенную силу в художество вмаливаете и в нём вымаливаете»³³⁷.

Письменно-«молитвенное» общение двух великих сынов России, единокровных русских патриотов не утасало во всю их жизнь... И.А. Ильин, считая, что они с И.С. Шмелёвым делают для России одно Божье дело, проходят одни и те же круги мучительных испытаний, пишет ему: «непрерывно вместе с *Вами* предстанем пред Отцом Небесным — «два Ивана, российских сына, дозволю, Господи, покоя земного немножечко укусить — грешны — измотались — прости!»³³⁸.

Глава 22.

Противостояние

С устанавлением в Германии гитлеровского режима у И.А. Ильина начинаются сложности в отношениях с властью. С назначением Министром пропаганды и просвещения Й. Геббельса в программы всех учебных заведений стал в обязательном порядке вводиться элемент расовой пропаганды. Помощник министра пропаганды и просвещения по делам Восточной Европы А. Эрт обязал к этому профессоров финансируемого казной Русского научного института в Берлине, в преподавательском и студенческом составе которого была немалая доля евреев. Эрт лично обратился к профессору Ильину с требованием включения в его курсы на юридическом факультете антиеврейской пропаганды. Иван Александрович наотрез

³³⁷ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 27.07.1930. [Т.13. Кн. I]. С. 176.

³³⁸ Ильин И.А. Письмо к Шмелёву 05.04.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 42.

отказался — за это был «объявлен (sic!) масоном, несмотря на то, что люди знают достоверно, что это неправда»³³⁹, и вскоре уволен из института.

«В начале июля я был уволен вместе со всеми другими соотечественниками с того места, которое занимал 12 лет — уволен за русскость, — пишет Иван Александрович Шмелёву в августе 1934 г. — Это большой удар во всех отношениях, и я его весьма ответственно, тягостно и с волевыми выводами переживаю. Материально я ещё прокормлюсь вероятно несколько месяцев, но духовно и патриотически — это целое событие — целый крах. Мне бесконечно грустно, что не могу Вам раскрыть всего; всё это событие довожу до Вашего сведения крепко-доверительно, не сообщайте об этом другим, это могло бы многому хорошему повредить, но поймите, что в душе я перетираю пудовые камни. Я несколько не Сальери — но невольно вспоминаю — “в награду любви горящей, самоотверженья, трудов, усердия, молений”... Чувствую себя так: снова лёг мне на главу перст ангела, ведущего всё и ведущего, — и снова трепеща — спрашиваю: “куда ведёшь? и ведёшь ли? не оставил ли меня? и если оставил, то за что? и стоит ли жить дальше?!” — И ещё: страшное сознание своего одиночества, своей ненужности, своей чёрной ненужности для чудесной нашей Родины — легло на меня камнем. Конечно — честь и верность моя со мною и я знаю, хорошо знаю те часы, в которые я их предпочёл всяческому личному устройению. Но, Господи Боже мой! Что за страшное время выпало нам на долю, что негодьям, законченным лжецам и бесстыдникам пути открыты — а нам — поток унижений!... Обёртываюсь назад — и содрогаюсь, видя сколько раз и из каких ям и петель — вынимал меня Перст. И только в минуты малодушия — унываю и отчаиваюсь»³⁴⁰.

---

³³⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву. 03.10.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 102.

³⁴⁰ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 07.08.1934. [Т. 13. Кн. I]. С. 472—473.

Через два месяца Иван Александрович раскрывает причины своего увольнения: «Туземцы той страны, где я постоянно живу, поступили так со мною. За то, что я

а) нисколько не сочувствую ни разговорам, ни планам об отделении Украины;

б) категорически отказался насаждать антисемитизм в русской эмиграции;

с) абсолютно никакого сочувствия не обнаружил и не обнаружу к насаждению их партии среди русских эмигрантов;

они:

а) лишили меня права на работу и заработок в их стране;

в) уволили меня из Русского научного института (нами созданного) с лишением жалованья;

с) запретили мне политическую деятельность в их стране под угрозой концлагеря;

д) распустили обо мне систему слухов, политически у них порочащих (масон, франкофил, жиждолюб, порабощён жидами и т.д.);

е) выпустили по-русски клеветническую брошюру, которая рассылается и по другим странам, где между прочим утверждается,

что я “не выслан, а прислан большевиками”,

что я грибоедовский “Удушьев, Ипполит Маркелыч”,

что я объявил себя до них – юдофилом, а при них – стал антисемитствовать и читать лекции об арийском начале,

что я следовательно перемётная сума, карьерист и масон.

И всё одна ложь!

Вот когда задохнёшься! Я никогда не стану масоном. Но и к дикому антисемитизму ихнего лагеря совершенно не способен. Этот *антисемитизм вреден России*, опасен для нашей эмиграции и совершенно не нужен внутри страны, где антисемитизм давно уже разросся до химеры. Не говоря уже о его элементарной несправедливости.

Ещё одно. Я никогда не хотел и не хочу делать политической карьеры. И всякую реальную политическую комбинацию

непрерывно и неизбежно передал бы русским патриотам-непредрежденцам. Я ни о чём теперь так не мечтаю, как уйти совсем от политики и дописывать начатые мною семь книг. Я совсем не болею честолюбием; или точнее — моё честолюбие в том, чтобы мои книги после моей смерти ещё долго строили Россию. В стране, где я жил, я всегда помнил, с кем имею дело; никогда не связывал себя никакими обязательствами, не страдал никаким “фильством”, не торговал русским достоинством и свято блюл русское достоинство. Мои книги знают по всей стране; в газетах и рецензиях много раз писали обо мне самые высокие, конфузящие слова. Но я не ихний. Я русский. И ныне мне там совершенно не место. Я сделал всё, чтобы не упустить для России ни одной возможности; но теперь мне там делать нечего. *Русская национальная карта там бита*; из эмигрантов преуспевают — политически одни прохвосты. И если мне будет некуда уехать, то передо мною нищета, что при моём здоровье означает медленное умирание.

Поймите, мой дорогой! Мне надеяться решительно не на кого кроме Бога. Я стыжусь моего малодушия и моих жалоб. Ибо в таком положении — непартийного созерцателя, который вследствие своей непартийной предметности и непоклонности зажат насмерть между двумя партиями — я не в первый раз в жизни. Так было, когда кассовцы завладели московским университетом и за моё выступление на диспуте Струве лишили меня курса и пытались сдать в солдаты, а кадеты (впоследствии устыдившиеся) воображали, что я против них “интригую”. Кончилось это тем, что кассовцы и кадеты (профессора) вместе единогласно дали мне степень доктора за магистерскую диссертацию. Так было при большевиках, когда я пять лет ежедневно ждал ареста и расстрела; и это кончилось (после 6 ордеров на арест и процесса в трибунале) — изгнанием. И так обстоит ныне: я не могу быть ни масоном, ни антисемитом. Для меня один закон: честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило — русский на-

циональный интерес. Но это неубедительно никому. И вот, я снова перед провалом — и на этот раз. Впервые, не просто зову Его на помощь, но, увы, — зову с ропотом.

Всею жизнью моею свидетельствую: до конца честно и совестно борющийся — не бывает Им покинут. А я вот — валюсь в яму и не вижу исхода. Ибо всякий “исход”, убивающий моё духовное творчество, есть не исход, а яма и умирание. А я, клянусь вам, имею ещё кое-что сказать и России, и о России»³⁴¹.

«Нервы действительно подвергаются испытанию с 1917 года, — делится Иван Александрович душевными переживаниями с друзьями, — а ныне особенно — ввиду той операции, которую надо мной проделывают: оклеветание, лишение права на труд и выживание. И это всё было бы не так тягостно, но “выжить” “просто” нельзя, надо куда-нибудь “вжиться”. Уйти же из жизни совсем по доброй воле нетрудно, при нынешнем состоянии химии и техники; но мы оба настолько сильно и ясно видим в делах нашей жизни Перст Божий, что об этом и не думаем. Однако я постоянно вижу себя вынужденным вспоминать судьбу Иова. Только моя жена никогда не скажет мне “похули Бога и умри”, как сказала жена Иова»³⁴².

Уже в 1935 г. И.А. Ильин готовится покинуть Германию, и открыто пишет об этом из-за пределов страны «правототалитарного» режима: «Ныне я *не живу* в Германии и неизвестно, вернусь ли туда, и если вернусь, то когда именно. Ввиду этого я просил контору раз навсегда отделить её расчёты со мною от её расчётов с Германией и с Боголеповым — и перевести следующую мне сумму в Швейцарию по адресу: Suisse. Zurich/ Schmelzberg Str. 28/ Dr/ Hans Trub fur Prof. Iljin»³⁴³.

---

³⁴¹ *Ильин И.А.* Письмо И.С. Шмелёву 02.10.1934. [Т. 13. Кн. I]. С. 490–492.

³⁴² *Ильин И.А.* Письмо к Н.Н. Крамарж 23.04.1935. [Т. 11]. С. 311.

³⁴³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву. 30.08.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 94–95.

Ставшего «вольным журналистом» профессора спасают от нищенствования немецкие христиане: благодаря протестантским общинам Германии Ильин получает возможность честного заработка — от выполнения заказных научных работ и общественных лекций. «Я работал последние годы в Германии на положении приватного учёного, выступая много с церковной кафедры в евангелических храмах и соборах, и особенно на съездах евангелического духовенства, повествуя о мученичестве Православной Церкви и вскрывая корни современного религиозного кризиса»³⁴⁴, — делится своим житьём-бытьём Иван Александрович с С.В. Рахманиновым. Тематику его выступлений перед церковными общинами можно представить по брошюрам, изданным на немецком языке в 1930-х гг.: «Против безбожия», «Мученичество Церкви в России», «Христианство и большевизм», «Что говорит мученичество Церкви в Советской России Церквам остального мира?», «Наступление на Восточную Христианскую Церковь», «О христианском сопротивлении коммунистическому господству». В середине 1930-х гг. издаются книги и брошюры Ильина и по социально-политической проблематике (на немецком и русском языках): «Большевистская великодержавная политика Планы III Интернационала по революционизации мира», «Яд. Дух и дело большевизма», «Коммунизм или частная собственность?», «Против безбожия», он стал соавтором книги «Развязывание преисподней. Поперечный разрез большевизации Германии». Кроме религиозных общин Ильину оказывала поддержку и немецкая общественная организация «Русская братская помощь», благодаря которой он вместе с православным русским хором под управлением Н.С. Орлова из г. Лемго ездит по Германии с лекциями о России и Русской Церкви. «Говорю с кафедр о гонениях на церковь в СССР», — делится он с И.С. Шмелёвым³⁴⁵.

---

³⁴⁴ Ильин И.А. Письмо к С.В. Рахманинову 14.08.1938. [Т. 11]. С. 360.

³⁴⁵ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 08.02.1936. [Т. 13. Кн. II]. С. 123.

Первое время власти не противились выступлениям и публикациям русского профессора, разоблачающего режим большевиков, и их гонения на христиан. «С августа 1937 года германская политическая полиция (Ge-sta-po) начала меня преследовать... В основе лежали доносы их агентов (увы, русских по происхождению людей), будто я “тайный масон”, действую по указке большевиков и т.п. ... Кончилось это тем, что в феврале этого года мне запретили всякие выступления — и по-русски, и по-немецки, под угрозой концентрационного лагеря. Я потерял последнее “пропитание”»³⁴⁶. Цензура обнаружила в выступлениях Ильина элементы разоблачения существующего в Германии режима. «Ушёл в замкнутость, — пишет Иван Александрович в начале 1938 г. — У меня много неприятного в не личной жизни (с августа — и всё ухудшается). Люди эксплуататоры и предатели. Преуспевают одни мерзавцы в этой жизни. *Dones eris felix, multos numerabis amicos. Tempora si fuerint nubila — solus eris*³⁴⁷. От этого у меня сделалась мизантропия и необщительность. С Авдеичем, например, я не виделся более полугода. Судьба моя темна и трудна. Я вижу только Господа надо мною. Но когда делается очень погано — и я по малодушию ропщу — тогда я и Его теряю на короткое время. Я часто завидую умершим — свершили и ушли»³⁴⁸.

В октябре 1938 г. И.С. Шмелёв получает от друга письмо: «Сообщаю Вам доверительно: я покинул страну моего прежнего пребывания совсем, с вещами, с книгами, с мебелью. Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только предателей и своих агентов. Ни к тому, ни к другому я не способен. Что со мною дальше будет, неизвестно. Я наг и сир — и в Руке Божией. Пока она вывела меня с крайней милостью — дала наступить на аспида и василиска. Но куда ведёт

---

³⁴⁶ *Ильин И.А.* Письмо к С.В. Рахманинову 14.08.1938. [Т. 11]. С. 360-361.

³⁴⁷ *Пока ты счастлив, у тебя будет много друзей. Но если наступят смутные времена, ты будешь одинок (лат.).*

³⁴⁸ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 22.02.1938. [Т. 13. Кн. II]. С. 223.

— не знаю, не вижу. Как будто ангелы-хранители вывели нас из рва львиного или из Петровой темницы. Да, мы его осозаем ежевзглядно, всяким вздохом. — А Ольга Александровна всё время с Вами, и Вы её не огорчайте ропотом. Оставьте другие художественные замыслы — делайте одержажее Вас»³⁴⁹.

В следующем письме И.А. Ильин разъясняет И.С. Шмелёву эпопею его лишений: «Гонение на меня в Германии началось ещё в 1933 году за то, что я дерзал быть русским патриотом с собственным суждением. Вот список.

1933. Апрель-Июль. Первые посещения моего жилища политической полицией. Попытки разоблачить меня как “франкофила” или же использовать меня против остальной эмиграции. Мой отказ.

1933. Август. Обыск у меня. Арест (так и везли под стражей через весь город на полицейской открытой колымаге). Запрещение “заниматься политической деятельностью” под угрозой концлагеря.

1934. Апрель. Предложение мне как профессору Русского Научного Института заняться пропагандой антисемитизма во всём эмиграционном рассеянии. Мой категорический отказ.

1934. Июнь. Мне отказано в праве на работу.

1934. Июль. Я уволен в два счёта из Русского Института.

1935–1937 я работаю в частном порядке с Евангелической Церковью.

1937. Август. Вызов в политическую полицию, где за четыре года скопились доносы на меня из среды “русского национал-социалистического движения”. Доносы эти были читаны моими друзьями. Были доносы в 22 пункта.

1937. Октябрь. Два допроса в Гештапо.

Не служил ли я в Москве большевикам? Ответ: нет.

Почему меня не расстреляли сразу, а выслали только через пять лет? Ответ: Бог не допустил.

---

³⁴⁹ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 10.10.1938. [Т. 13. Кн. II]. С. 235–236.

Не масон ли я? Ответ: нет.

1938. Февраль. Вызов в Гештапо. Запрет всяких выступлений — по-русски, по-немецки. Прекращён мой открытый философский семинарий.

Никакие протесты не помогают.

Узнаю стороной о новом накоплении доносов.

1938. Апрель. Приглашение к заместителю Розенберга. В беседе категорически заявляю, что Украина не в моей власти, но что на оккупацию её и отчленение никогда не соглашусь.

1938. Май. Я готовлю мой окончательный отъезд из Германии.

1938. Июнь. Я получаю в частном порядке три уведомления:

1) Поход на меня будет продолжаться.

2) Пропагандное министерство объявило меня “разоблачённым масоном”, а мои публичные выступления недопустимыми

— за отсутствие в них антисемитизма,

— за проводящуюся в них христианскую точку зрения.

3) Будет сделана попытка использовать мои силы в подготовке похода на Россию.

1938. Июнь. Я беру визу на Карловацкий Собор и получаю её с правом возврата в Германию.

Я передаю свою квартиру.

Вещи и книги на склад.

Один из друзей получает от меня генеральные полномочия на всё моё имущество и на ведение моих дел.

1938. Начало июля — я покидаю Германию совсем. Уезжаю в Швейцарию.

На Карловацкий Собор я не поехал по болезни. Все эти гонения причинили мне многомесячную ежедневную мигрень (с конца мая до сегодняшнего дня). Состав Собора был такой, что если бы я на него поехал, то я задохнулся бы от отвращения к мобилизованному там черносотенству, с привлечени-

ем целого ряда заведомых агентов Германии, руководивших травлею против меня...

Почему в Германии вдруг конфисковали мою брошюру? Потому что там начинается “трёхлетка противохристианства”. План: через 3 года ни в одном храме не должно быть больше христианского богослужения. Какое же? Сами выдумают. Да — это Вам не масонское “отделение церкви от государства”. Это называется иначе. И в этом их существо. Антихристианский шовинизм, которому всё дозволено»³⁵⁰.

И.А. Ильин понимал всю бесперспективность и опасность своего нахождения в Германии, ибо провидел дальнейший ход событий: «Положение я вижу так. Hitler сорвался и проиграл дело. Навредить он сможет много. Победить — никак. Сталин обматывает его вокруг пальца: шантажирует, обещает, вымогает, а даст пустяки. Даст столько, сколько надо, чтобы разжечь войну, но не столько, сколько надо, чтобы победить. Сталин делает вид, будто продаётся с аукциона, а на самом деле хочет всех обмануть и разыграть. В его “национальную русскую” политику не верю нисколько»³⁵¹.

---

³⁵⁰ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 13.10.1938. [Т. 13. Кн. II]. С. 241–244.

³⁵¹ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 14.11.1939. [Т. 13. Кн. II]. С. 281. Позже, в письме к Н.П. Рыбакову, И.А. Ильин прямо указывал причину долгожданного переезда: «Я переехал сюда в Швейцарию в июле 1938 года, после того как выяснил для себя окончательно, что готовится мировая война, в которой главной ставкой Германии будет — завоевание России. К этому времени как раз Гештапо запретила мне всякие выступления». *Ильин И.А.* Собр. соч. [Т. 12]. С. 196.

Швейцария

Глава 23.

Цолликон

И.А. Ильин долго готовил свой «побег» из гитлеровской Германии, задумав его ещё в 1934—1935 гг. Он налаживает связи в Швейцарии с русской диаспорой и знакомыми швейцарцами. «В начале июля я ликвидировал квартиру в Берлине, сдал вещи и книги на склад, получил от германских властей Ruckreissichtvermerk до 1 декабря, швейцарскую въездную визу (без всяких затруднений) до 1 октября — и выехал благополучно. Со мною несколько чемоданов вещей, все учёные рукописи и некоторая материальная перспектива. А именно: мне удалось объединить все мои литературные гонорары так, что они, идя из разных стран, будут передаваться на Konto “Akademisch-Philosophischer Verlag” при Schweizerische Bankgesellschaft in Zurich. Суммы эти будут поступать постепенно, а мне будет высылаться в письме указание, сколько я могу получить. Живя крайне ограниченно, я смогу так продержаться от 9—10 месяцев. Больше средств у меня нет никаких. Так я заявил все во Fremdenpolizei»¹.

---

¹ *Ильин И.А.* Письмо к С.В. Рахманинову 14.08.1938 // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903—1938). [Т. 11]. М., 1999. С. 360-361.

«Меня вынесло из Германии как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки. Всё спасено: до писем Врангеля, Шмелёва, до записей и альбомов включительно, — пишет Иван Александрович в Париж Шмелёву. — Здесь я прожил уже — июль-сентябрь — и хватит ещё прожить без заработка месяца чётые. Потом? За это время надо вылечиться, восстановить свою работоспособность и найти заработок. Возможно ли? — *Невозможное от человек — возможно есть от Бога.* Если начну погибать, то подниму вопль на всю эмиграцию. Вопль о помощи. И Вы узнаете, будьте уверены. Милый и дорогой! Спасибо!!»².

1 августа Ильин подал прошение о праве на жительство в Швейцарии. Для обеспечения такого права необходимо было внести определённый денежный залог. Мыслитель обращается за помощью к своему давнему знакомому-единомышленнику С.В. Рахманинову, который вновь помогает ему. «16 сентября [1938 г.] Рахманинов обеспечил необходимую кауцию в 4000 франков, — сообщает об успехе дела Ильин, — 31 октября переехали в Цолликон под Цюрихом. 4 ноября прошение начало рассматриваться. 23 ноября цолликонский совет дал право пребывания на год. 28 ноября из кантональной полиции последовал грубый отказ с предложением добыть обратную визу в прежнюю страну или убраться куда угодно. 29 ноября я был сам у кантонального директора, представил свои объяснения и категорически отказался от позора “просить обратную визу”. Он понял. На 1 декабря я получил приглашение в высшую инстанцию, в Берне. Часовая беседа — и всё разрешено. 7-го снят запрет с мебели и книг. 8 декабря вещи и книги перевезены в заранее снятую квартирку. С 10 декабря мы у себя. 19-го приглашение в Берн в не правительственное заведение. После единомыслие. Возможность литературной работы; обещание

---

² *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 13.10.1938 // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). [Т. 13. Кн. II]. М., 2000. С. 243.

выхлопотать право на труд. После этого — глубокая реакция и протрация: с июня нервы были на диком взводе — провалился на дно самочувствия, теперь начинаю вылезать. Господь помог: “воду прошел яко сушу”... Все с нами здесь — от мраморного обломка храма Дмитрия Солунского (от IX века с Афона), все иконы, русские картины (Нестеров, Бакшеев, Антонов, Климов), до последнего листочка моих рукописей»³.

Так, Ильины поселились в маленьком Цолликоне, пригороде Цюриха, где Иван Александрович прожил вторую половину своей эмиграции. Русская эмиграция в Швейцарии по оценке Ивана Александровича была несколько иного склада, чем в Германии и Франции: «Уровень здешних русских не идёт дальше сплетен и интриг. Поп (соборянин) злобный интриган, черносотенец и кляузник; член масонской “русской правды”. Так ничего не придумал лучшего, как на исповеди допросить меня, не масон ли я, и получив категорическое (конечно) отрицание — допустить меня к причастию и *post factum* объявить меня масоном... — А туземцы — считают себя законченными, каждый на свой лад, не “ищут” и свободы духовного видения лишены вовсе. Каждый имеет свою готовую карманную “ми-мистику” и ею меряет людей. Словом, я чувствую себя в беспросветной ссылке. Права на труд не имею. И удивлённо спрашиваю: “Господи! Я мнил себя слугою Твоим... Неужели я не нужен Тебе для России? Доколе же быть мне забытым в чужом архиве?!”... И — покоряюсь. Плачу, но не ропщу»⁴.

Удивительную подозрительность и немилосердность «коренной» русской эмиграции отмечал и И.С. Шмелёв. После смерти своей супруги, Иван Сергеевич изливал в письме свои переживания другу: «В эти недели я часто видел притчу о милосердном Самарянине. Меня утешали чужие, да, чужие, многие. Вы утешали меня, да — и Вы чувствовали себя в этом

---

³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 10.01.1939. [Т. 13. Кн. II]. С. 249–250.

⁴ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 20.01.1940. [Т. 13. Кн. II]. С. 288.

– бессильным. Да чем же, да как же в отдалении можно утешить? Чужие меня тшились утешить взглядом, слезами. Да, М. Вишняк – плакал со мной. И Фондаминский – плакал. А Семёнов и Гукасов даже не почтили память Светлой моей. Но... не от таких же – почитание памяти. Но – сухость, жёсткость наших национальных – даже в беспамятстве моём – мне кололи сердце»⁵.

И.А. Ильин жил в Швейцарии «без права оседлости и без права на труд»: «Не сомневаюсь, что имел бы и то и другое, если бы примкнул к католикам или к масонам. Но я останусь до конца дней русским “мустангом”, свободным патриотом, повинующимся только Богу и Совестью»⁶. Тем не менее надо было налаживать быт. Ильины снимают квартиру, и Наталия Николаевна по-хозяйски старается создать новый очаг домашнего уюта, чтобы её мыслитель продолжал свои научные изыскания во славу далёкой Родины. И.А. Ильин начинает поиск возможного заработка. Прежде всего, он стал писать и публиковать статьи под псевдонимами: Альфред Норманн, Старый политик, Юлиус Швейкерт и др.

В годы Второй мировой войны в разных швейцарских и американских газетах было опубликовано под псевдонимами несколько сот статей И.А. Ильина с анализом происходящих на Восточном фронте событий, в том числе, о Русской армии в сравнении с Советской, о русском народе, тоталитаризме и другим темам, о которых говорят заглавия статей: «Вера в Россию», «Гитлер и Сталин», «Сталин как политик», «Сталин как личность», «К новому пакту о ненападении», «Русский солдат прежде и теперь», «Русские добровольцы 1812 года», «Русский казак», «Душа русского народа во время войны», «Русская проблема, увиденная изнутри», «Чужие русские в Германии», «Большевизация Прибалтики», «Кто является

---

⁵ Шмелёв И.С. Письмо к И.А.Ильину 13.08.1936. [Т. 13. Кн. II]. С. 155.

⁶ Ильин И.А. Письмо к Н.П. Рыбакову, ноябрь 1947 г. // Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). [Т.12]. М., 1999. С. 196.

“военным преступником?”», «Воздушные бомбардировки и международное право», «Советская Россия в заключительной стадии войны», «Гражданская война в Греции» и т.д.⁷

В 1940-1941 гг. И.А. Ильин ведёт заочные чтения «О грядущей России», которые, благодаря г-же Элизабет де Рибанпьер размножаются на ротаторе в Женеве. Так было напечатано 9 выпусков чтений по 4 – 10 с. каждый: «Вера в Россию», «О свободе», «В поисках справедливости», «Основная задача», «О сильной власти», «О русском национализме», «Утверждение личного начала», «О русской идее», «Идея предметного воспитания». С началом германо-советской войны Иван Александрович читает для русских и швейцарцев курсы лекций по русской истории и культуре. В эти годы он встречает аристократическую семью Барейссов, ставших для Ивана Александровича помощниками на долгие годы по защите духовных основ цивилизации, истинного лика Великой России: Барейссы субсидируют научную и издательскую деятельность мыслителя.

Культурологический семинарий Ивану Александровичу пришлось закрыть: «Во время войны всем было не до того, посещение стало неаккуратное, мужской элемент то и дело отзывался в армию, женщины — на трудовую повинность. Тогда я решил, что если я запишу эти мои лекции, то они послужат потом России больше и лучше, чем эти неаккуратные занятия»⁸. Так появляется выдающийся труд И.А. Ильина, на который его всегда вдохновлял И.С. Шмелёв — «Сущность и своеобразие русской культуры. Три соображения». Первые три части были изданы в 1942 г. в Цюрихе⁹, затем дополнены ещё тремя частями:

⁷ См.: *Ильин И.А.* Собр. соч. Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. [Т. 19]. М., 2004.

⁸ *Ильин И.А.* Письмо к Н.В. Борзову 21.07.1948. [Т. 12]. С. 113, 115–116.

⁹ *Ivan Iljin, professor.* Wessen und Eigenart der russischen Kultur. Drei Betrachtlungen.

- I. Душа;
- II. Вера;
- III. Ход исторического развития;
- IV. Главные национальные проблемы России;
- V. История становления государства;
- VI. Творческая идея России.

На сегодняшний день это единственный труд по истории русской культуры, описывающий её не только во внешнем выражении, но и раскрывающий её смысл, особенности склада национального духа и инстинкта.

В эти же годы мыслитель в своём швейцарском затворе вновь серьёзно обращается к философии. Ещё в конце 1930-х гг. у него появляется новый стиль изложения — философские эссе. Движение к этому жанру обнаруживается у Ильина уже в книге «Путь духовного обновления», вышедшей в 1937 г. Белграде и 1939 г. — в Цюрихе. Затем философ-созерцателем на немецком языке были написаны и изданы сборники эссе «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий», «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», «Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований»¹⁰. И.С. Шмелёв с восхищением отзывается на новые труды: «Эти дни вчитывался, во 2-й раз, в “Поющее сердце”... Бо-льша-я Книга!.. Насыщала дух и чувства. О самом важном. Поёт в полёте. Всего коснулись, глубинно-вдохновенно. Это самое нужное. Че-го Вы не коснулись! Какое вдохновенное приятие Мира, Господа!.. — и как внутренне, пеньем Духа-Сердца, обосновано!.. Это пить надо, — как душою “ограждённой” от суеты... — уй-ти от шумов. Тогда — черпнёшь и — ... живая, целящая вода — уютлит рассеянное сердце. Спасибо Вам, дорогой... Надо всегда

---

¹⁰ См.: *Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. Ильин И.А. Собр. соч. Т. 8. М., 1998.* Книгу «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований», изданную в Цюрихе в 1945 г. на немецком языке, И.А. Ильин планировал издать на русском языке под названием «О грядущей русской культуре. Книга заданий и надежд». В стиле философских эссе написана и книга «Путь к очевидности», не изданная при жизни автора.

иметь, как молитву: затуманилось сознание... — открой, войди. Так я почувствовал. И, думаю, это не все ещё: у Вас — есть много для наполнения. Но когда русские увидят книгу эту?!.. Вот он, трагический тупик!.. Горе наше неутолимое. Нищие... во всём, кроме Духа Бессмертного в нас, обобранные жестоким — и таинственным — уделом... Но... прочтём — о “терпении”... Как далека от современной “мути” мировой — “Божья Ткань”! Знаете, совершенно гениальна книга “О тьме...”. Вчера — вчи-тывался. Ещё, ещё. И — новое пополнение. Поразительно. Духовенно. “Поющее сердце” — по главке, в 3-й раз — вчитываюсь. По-лёт! И ввысь, и вглубь»¹¹.

Глава 24.

Русская цивилизация

И.С. Шмелёв многократно писал И.А. Ильину: «Дайте — о “русской культуре”, не Милюкову же затыкать брешь, - другого труда нет у нас, увы!»¹². Шмелёв считал Ильина способным дать развёрнутую картину русской культуры и постоянно напоминал ему об этом. «Вы, Вы — единственный, кто *может* и *должен* дать нам подлинное творение (о, сколь важное!) — создать “Историю русской культуры” — *истинную*, а не подогнанную под “планчик”, как у Милюкова. *Нет у нас* такого творения. Вот, лежу и всё думаю о сем. Вот — Ваше призвание. Опыт всёго прожитого-пережитого (чего не было у Милюкова), огненно-святой дар гениального духа Вашего (чего и в помине нет у Милюкова), художественное мастерство Слова, Ваша энциклопедичность, Ваша “хватка” — дадут творение несравненное, которое явится универсальным для ряда поко-

---

¹¹ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 16–19.05.1947 // Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950). [Т. 13. Кн. III]. М., 2000. С. 127, 131.

¹² Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину. 16.10.1935. [Т. 13. Кн. II]. С. 103.

лений — и русских, и человеческих. Вы и философ, и государственный, и историк, и художник, и Богослов русский. В этом труде — Вы весь скажете и всё можете с полнотой и высотой сказать. *Итоги* подвести и пути-вехи поставить. Ибо Вам не на реках и прудах плавать, не в “отрывках” проявляться (лекции), а — океанствовать: создать “Науку о России”. Таковой нет. Она — должна быть»¹³. «Да сбудутся самые светлые думы Ваши! Решительно говорю: Вы *должны* создать целую — и боевую — книгу о Святой Руси»¹⁴, — убеждает И.С. Шмелёв своего друга уверяя что, это будет «поэма» о «подлинной» России¹⁵.

Обосновавшись в Швейцарии, Ильин начинает углубленное изучение работ и источников по русской истории и культуре. Свои усилия мыслитель связывает с поисками путей выхода России из тупика современных проблем.

Труды Ильина, посвящённые собственно русской истории и культуре, можно сгруппировать по двум основным разделам. Во-первых, это общие труды о русской культуре, прежде всего — концептуальное исследование «Сущность и своеобразие русской культуры». Множество статей Ильина посвящено отдельным эпизодам русской истории и культуры, начиная от эпохи Киевской Руси («Киев — древнейшая русская столица», «Древнерусское искусство (зодчество и фрески)» и др.) до современной ему России («О революции», «Мировые причины русской революции», «Мученичество Церкви в России», «Христианство и большевизм», «Наступление на Восточную Христианскую Церковь» и др.). Проблемы российской цивилизации раскрываются Ильиным и в работах, посвящённых перспективам социокультурного раз-

---

¹³ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 14.05.1931. [Т. 13. Кн. I]. С. 208.

¹⁴ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину. 11.05.1935. [Т.13. Кн. II]. С. 68.

¹⁵ Шмелёв И.С. Письмо к И.А. Ильину 15.08.1932. [Т. 13. Кн. I]. С. 307–308.

вития России, таких как «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)», «Творческая идея нашего будущего», «Основы государственного устройства» и др. В работах мыслителя о творчестве русских деятелей культуры, государства и общества можно почерпнуть много знаний и размышлений о строительстве русской культуры.

Надо помнить, что Ильин жил и работал в окружении иной культуры, мало знающей и понимающей Россию. Он помнил, что ещё «Ф.М. Достоевский и Н.Я. Данилевский первыми поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит»¹⁶. Веками росло «глубокое различие между западной и восточно-русской культурой»¹⁷. В результате, отмечает Ильин, Западной Европе стало «чуждо славяно-русское созерцание мира природы и человека»: если «западноевропейское человечество движется волею и рассудком», то «русский человек живёт прежде всего сердцем и воображением»¹⁸. Поэтому «европейцы не знают России, не чувствуют русской души, не видят её пространства и её климата, не постигают её судьбы — и боятся её» и из страха бывает «гадко фантазируют о ней»¹⁹. Из всего этого происходит то, что «неосведомлённые и духовно слепые люди, выше всего ставящие умственную полуобразованность массы, говорят о мнимой «некультурности» России»; на самом же деле, указывает Ильин, Россия — «страна древней и самобытной культуры»²⁰. «Пусть не говорят, что “русская культура началась лишь один век тому назад”, — пишет Ильин. — Духовная культура совсем не исчерпывается культурой рассудочной... Есть ещё культура сердца, совести и чувства, есть культура созерцания, видения; есть культура служения... Этой-то культу-

---

¹⁶ Ильин И.А. Против России // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 62.

¹⁷ Там же. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 63–64.

¹⁹ Там же. С. 155.

²⁰ Ильин И.А. О России. Три речи // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 17.

рой строилась и держалась Россия»²¹. Пусть она позже других европейских народов приступила к научно-рациональному оформлению своих накопленных богатств духовной культуры, однако «ей было откуда черпать свои содержания; и самобытность её созданий прославилась по всему миру»²². Ильин подчёркивает наличие у России великих даров культуры и духа, вытекающих из своеобразия национального духовного опыта²³.

«У каждого народа, — отмечает Ильин, — *иной и особый национальный духовный акт*»²⁴. Этот «акт духовного опыта, духовной любви и веры своеобразно слагается и вынашивается народами на протяжении столетий. Он созревает преимущественно в бессознательном порядке и притом медленно, передаваясь в процессе воспитания и преемства от одного поколения к другому»²⁵. В основе национального духовного акта, по мнению Ильина, лежат «фундаментальные религиозные установки, свои прафеномены, которые служат как бы ключом к пониманию культуры данного народа и его истории»²⁶.

Прямо указывая на первенство религии в формировании культурно-национального акта, Ильин, однако, рассматривает и другие формирующие факторы. «Национально-русский духовный акт», пишет он, сложился под влиянием «четырёх великих факторов: *природы* (континентальность, равнина, климат, почва), *славянской души, особой веры и исторического развития* (государственность, войны, территориальные размеры, многонациональность, хозяйство, образование,

---

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 1. С. 190.

²⁵ Там же. С. 100.

²⁶ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 468.

техника, культура»²⁷. Религиозные установки и прафеномены «русской православной души» были сформированы под воздействием восточного христианства, из его глубины родился русский культурно-национальный духовный опыт²⁸.

«Существует понятие глубокого, ясного и в высшей степени многозначительного византийского религиозного духа», который пришел в Россию в IX–X вв.; однако «русское православное христианство вовсе не следует отождествлять или путать с византийским», ибо произошёл естественный процесс его творческого преобразования²⁹. И далее: «Когда я говорю о вере русского народа, я имею в виду *религиозный акт русского православия*, как он формировался исторически, как вынашивался и переживался ядром русско-славянского рода, как воплощался в культуре, какое распространение получил среди национальных меньшинств в России»³⁰. В работе «Основы борьбы за национальную Россию» Ильиным выделен раздел «Что дало России православное христианство», в котором указаны основные дары православия, вошедшие в российский культурно-исторический тип: «Духовно-творческий акт славяно-русского племени, не изменяя своей природе, приобретал всё новые горизонты и задания: чтобы вести Россию, он должен был становиться всё более свободным, гибким, отзывчивым и глубоким. Его вели: славянская даровитость и вселенское дыхание русского православия. И когда он окреп и развернул своё творчество, то оказалось что Россия есть не пустое слово и не просто единое государство, но система духовного единства, созидаемая единым, русско-национальным духовным актом... Весь русский дух и уклад оправославлены»³¹.

---

²⁷ Там же. С. 595; Он же. О православии и католичестве // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 384.

²⁸ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 469; Он же. О России. Три речи. С. 13.

²⁹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 416.

³⁰ Там же.

³¹ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 322, 325.

К основным религиозным установкам российского культурно-исторического типа Ильин относит сердечное созерцание, любовь к свободе, детскую непосредственность, живую совесть и волю к совершенству во всем, веру в божественное становление человеческой души и природы, смирение, терпение и стремление к душевному очищению. Среди прафеноменов «русской православной души» учёный называет – молитву, старчество, праздник Пасхи, почитание Богородицы и святых, иконы: «Кто образно представит себе хотя бы один из этих религиозных прафеноменов православия, то есть по-настоящему проникнется им, прочувствует, увидит его, тот получит ключ к русской религии, душе и истории»³². Ильин последовательно раскрывает духовно развитые православием прафеномены души народа, наиболее ярко проявившиеся в российском культурно-историческом типе.

Православием положено в основу человеческого существования жизнь сердца, чувства, и в этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от воли к рассудку; и от протестантизма, ведущего веру от разума к воле³³. Под влиянием православного христианства и сформировалось своеобразие «русского национально-духовного акта»: «У русского человека чувство и созерцание выступают как первичная, то есть изначально более мощная и тем самым определяющая, ведущая и руководящая сила, в то время как воля и рассудочное мышление являются силой вторичной»³⁴. Параллельно чувству и сердцу следуют внутреннее и внешнее видение, воображение, художественная фантазия и только затем идёт всё остальное – воля и сила суждения ясно осознанной мысли»³⁵. Это вовсе не значит, «будто русский по природе своей безволен». Нет, он понимает, чего он страстно хочет, отличается быстрым умом, строгостью и ясностью

---

³² Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 469.

³³ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 324.

³⁴ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 413.

³⁵ Там же. С. 405.

суждений. Но «его воля и мышление побуждаются *чувством* и сохраняют чувственную окраску; он должен любить, чтобы по-настоящему хотеть, должен проникнуться тем, к чему он прилагает свою мыслительную способность, тогда только бывает он страстным, тогда только его мысль становится острой и новаторской»³⁶. Когда русский человек творит, то он «прежде всего и больше всего *любит и ненавидит; любимое своё он созерцает и воображает*; и во всём этом остаётся *свободным* (даже без удержу) и *искренним* (даже до безоглядности)»³⁷. На протяжении веков русский человек жил в колеблющемся ритме — «горение или покой, сосредоточенность или расслабленность» — потому для него «*вчувствование* стало необходимостью и даром, и судьбой и радостью»³⁸.

Таким образом, главным своеобразием русской души, по убеждению Ильина, является то, «что созерцание сердцем является первичной, основополагающей, ведущей душевно-духовной силой, которая заложена в ней и которую она проводит в жизнь»³⁹. «*Созерцать* научила нас Россия. В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера»⁴⁰.

Мыслитель указывает на «религиозную основу русской культуры и литературы»⁴¹. Православные монастыри во времена Киевской и Московской Руси, напоминает Ильин, «были живыми очагами и праведности, и образованности», «православная монастырская культура дала России не только сонм праведников», но и «летописи, т.е. положила начало русской историографии и русскому национальному самосознанию»⁴². В первые века национально-государственного строительства

---

³⁶ Там же. С. 413.

³⁷ *Ильин И.А.* Россия в русской поэзии // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 227.

³⁸ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 383.

³⁹ Там же. С. 578.

⁴⁰ *Ильин И.А.* О России. Три речи. С.14.

⁴¹ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 455.

⁴² *Ильин И.А.* Святая Русь («Богомолье» Шмелёва) // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 134.

и «особенно в жёсткое время татарского ига и национального освобождения» «русская культура получает своё христианское крещение»⁴³. Во времена ига влияние православного клира было особенно глубоким и сильным, и православная церковь становилась могучей силой в жизни России: «Появление монастырей и пустыней дало свои лучшие плоды, церковь несла людям веру, силу и утешение; церковь помогала советами московским великим князьям... христианская вера становилась глубочайшим источником и средоточием национального бытия». Таким образом, «произошла своеобразная христианизация тогдашнего мировосприятия русских, ставшая для русской народной культуры решающей и основополагающей»⁴⁴. В период русского средневековья церковное и национальное самосознание срастается: Московская Русь, по слову Ильина, «несла в своём сердце *созерцание Христа и образ Богородицы*»⁴⁵.

И.А. Ильин подчёркивает, что русский «культуротворящий акт суть *сердечное видение и религиозно совестливый порыв*»⁴⁶. И вся «русская культура построена на *чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы*», на этих «первичных силах и установках» народной души, задающих тон могучему национальному темпераменту⁴⁷. Так исторически сложилось, что «почти всё русское искусство (за исключением ваяния и танца), имеет своим историческим и духовным первоисточником церковную религиозность, поэтому в нём просвечивает свойственный ей отгенок *сердечного созерцания и духовной ответственности*»⁴⁸. Вот почему «русское искусство намного легче понять, если все произведения русской поэзии, живописи и музыки под-

---

⁴³ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 538.

⁴⁴ Там же. С. 537.

⁴⁵ Там же. С. 546.

⁴⁶ Там же. С. 411.

⁴⁷ Там же. С. 411–412.

⁴⁸ Там же. С. 451.

вергнуть вопросу, не стремится ли в них на волю и по мере необходимости к воплощению какая-то потаённая, может быть, бессловесная, может быть, вовсе не связанная с верой молитва?»⁴⁹. И мыслитель подсказывает: «Кто намерен проследить развитие русской культуры, тот должен твёрдо себе уяснить, что она зачиналась, оживала и дышала *христиански и оцерковлённо*. Первоисточники русской истории, русской литературы, русской музыки, русской живописи, русской архитектуры и русского театрального дела в церкви были укоренены, церкви служили, духом христианства были пропитаны. Этой установкой на христианское благочестие и христианские идеалы русская культура руководствовалась в дальнейшем на своём мирском пути»⁵⁰.

И.А. Ильин пишет о целостности православного мировоззрения: «Православное благочестие представляет собою целостное, последовательно прочувствованное и продуманное мировоззрение, согласно которому *над* материальным миром, а одновременно и внутри его, существует *целостный духовный мир*, как бы *живая божественная ткань*, к которой человек должен прилепиться душой и телом»⁵¹. И эта духовная ткань «могущественнее, чем всё материальное». Такое мировоззрение вовсе не теория, выдуманная богословами или заумная доктрина духовенства, пишет Ильин, но «живая основа русского православного воззрения, *настоящая народная вера*, которая постоянно пробивается во всех областях русской культуры»⁵².

В природе русского человека не просто серьёзное отношение к религии, но «стремление вносить во все сферы жизни религиозное настроение и созерцание», из которого возникает «склонность верить в главную задачу жизни и рассматривать решение её как важнейшее дело»⁵³. Русский человек ищет

---

⁴⁹ Там же. С. 451–452.

⁵⁰ Там же. С. 537–538.

⁵¹ Там же. С. 464.

⁵² Там же. С. 465.

⁵³ Там же. С. 441.

«нечто главное, нечто самое важное, законченное, что он понял и признал, на чём он хочет “строить”, чтобы *полностью* исчерпать себя, отдав весь свой темперамент, свою любовь, радость *самопожертвования*»⁵⁴. Ильин пишет о «тотальной одержимости русского темперамента» — «*русской тяге к полному достижению цели, мечте о последнем и конечном, желании заглянуть в необозримую даль, способности не страшиться смерти*»⁵⁵. Без соприкосновения с пределом вещей, без пафоса истины (пусть мнимой или ложной) жизнь кажется русскому пустой, блёклой, мёртвой. И если даже он уже ни во что не верит, это часто означает, что он «просто из честности запретил для себя веру как “иллюзию” и теперь *верой служит* агностицизму, скептицизму, релятивизму, атеизму»⁵⁶. Только любовь к свободе и природная доброта, поддерживаемые православной традицией, предохраняли страну и народ с таким темпераментом от инквизиции и религиозных войн.

«Дух христианского “максимализма” и “героизма”» российского культурно-исторического типа рождает в нём также живое и глубокое чувство совести и справедливости, и — идеал святости⁵⁷. «*Русской душе присуща жажда праведности*»⁵⁸. Русским идеалом предстаёт Святая Русь — «*живой сонм русских правдолюбцев, верных Божьей правде*», знающих, что «*видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу*; что делающий по Божьи *побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим стоянием*»⁵⁹. Однако Русь именуется «святою» вовсе не потому, что в других странах нет святости и не потому, что в ней нет греха и порока, но потому, что в ней живёт глубокая, никогда не истощающая-

---

⁵⁴ Там же. С. 442.

⁵⁵ Там же. С. 384, 385.

⁵⁶ Там же. С. 442.

⁵⁷ Там же. С. 429.

⁵⁸ *Ильин И.А.* Святая Русь («Богомолье» Шмелёва). С. 133.

⁵⁹ *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 107.

ся, не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней и стать хотя бы её слабым отблеском⁶⁰. Россия жила, росла и цвела потому, что у неё был ведущий её идеал: «*Святая Русь учила и вела не святую Русь, воспитывая в ней те качества и доблести, которые были необходимы для создания великой, имперской России*»⁶¹.

Православие также воспитало ставший «характерным для русского народа дух милосердия и всенародного–бессословного и сверхнационального братства, сочувствие к бедному, слабому, больному, угнетённому и даже преступнику»⁶². Поэтому, напоминает Ильин, в России на частные пожертвования создавались богадельни, больницы и клиники.

С духом милосердия связана и щедрость русского человека. Россия владеет огромными внешними и внутренними природными богатствами и русский человек своеобразно осознаёт это богатство: «Где-то в инстинктивно сокрытом слое своей души русский “знает”, совершенно независимо от своего личного состояния, что он — *богатый человек*»⁶³. «Богаты “мы”, народ в целом. Богат *пространством и землёй, лесом и степью, цветами и пчёлами, дичью и пушниной, реками и рыбой; богат земными недрами. “Богаты мы” и сами по себе: много нас, разнообразны мы, состоим из множества национальностей, разбросаны по огромной империи... Это старинное представление адекватно внутреннему ощущению русского, именно ощущению собственной биологической, *жизненной силы, силы душевной приспособляемости, нервной неизрасходованности и духовной одарённости*»⁶⁴.*

Христианство всегда отстаивало «человека свободного, который вследствие спонтанной любви и пережитой им очевид-

---

⁶⁰ Ильин И.А. Святая Русь («Богомолье» Шмелёва). С. 135.

⁶¹ Там же. С. 136.

⁶² Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 325.

⁶³ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 406.

⁶⁴ Там же. С. 406–407.

ности обращается к Господу, свободно воспринимает Его закон, а потом переносит эту внутренне обретенную *свободную лояльность* на свою жизнь и культуру в целом»⁶⁵. Поэтому православие утвердило в России религиозную веру «на свободе и на искренности, связав их воедино», сообщив этот дух русской душе и русской культуре⁶⁶. «Можно с уверенностью сказать, что там, где сердце становится главным проводником веры и молитвы, подспудно царит влечение к свободе, ибо свобода в конечном счёте есть не только проявление *индивидуалистических инстинктов*, но и *любящего сердца*»⁶⁷. Там, где царит дух сердечности, там — воля к духовной независимости и добровольность в жизни⁶⁸. Православный русский верит в свободную волю и в свободную совесть, которые для него являются «краеугольными камнями» христианского мировоззрения: «Чтобы верить в Бога, русский должен свободно любить и свободно созерцать сердцем. В этом сущность и своеобразие русско-православного религиозного опыта, притом со всех точек зрения и направления: в молитве и ритуале, в *догматической экзегезе* и в применении нравственного порядка, в мировоззрении как таковом и в повседневной жизни, в форме благочестия и в способах благотворительности»⁶⁹. И миссионерство православное стремилось приводить людей «на крещение» — «любовью», но «не страхом», и отсюда в

---

⁶⁵ Ильин И.А. Свободная индивидуальность // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 397. Проблемы свободы религиозного мировоззрения И.А. Ильин рассматривает в «Аксиомах религиозного опыта», гл. «О религиозной автономии» и «О религиозной гетерономии». В частности, И.А. Ильин пишет: «Церковь, чтобы жить и крепнуть, должна *культивировать свободный и лично-самостоятельный религиозный опыт*». Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Т. I. С. 74.

⁶⁶ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 325.

⁶⁷ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 549.

⁶⁸ Там же. С. 550.

⁶⁹ Там же. С. 418, 428.

истории России возникла атмосфера религиозной и национальной терпимости⁷⁰.

Поэтому, говоря о своеобразии народной души, Ильин на первый план всегда выдвигает «*русскую любовь к свободе*» и отмечает, что «история России в целом есть история её борьбы за независимость, за свободное развитие, за вольный дух в вере и культуре»⁷¹. В культурном творчестве «*основная черта рускости, русской души*» — «русская душевная свобода», выраженная в «творческой лёгкости, подвижности, гибкости, лёгкой приспособляемости», «эмоциональной текучести и певучести, склонности к игре и импровизации»⁷².

Конкретным историческим проявлением русской любви к свободе Ильин называет внутреннюю колонизацию и казачество. Как и В.О. Ключевский, Ильин считает, что история России есть «история нескончаемой внутренней колонизации, и притом в двух параллельно протекающих процессах: *первый* — это колонизация как массовое мероприятие правительства, как проведение государственной политики возделывания новых земельных площадей; второй — колонизация как спонтанное творческое движение людей, как свободно растекающийся поток народа, стремящегося к хозяйственной независимости и свободе»⁷³.

«Свобода — вот воздух России, которым она дышит и о котором русский человек всюду тоскует, если он лишён его, — отмечает Ильин. — Это есть та свобода, которая уже *присуща* русскому человеку, изначально данная ему Богом, природой, славянством и верою; свобода, которую надо не завоёвывать, а достойно и творчески нести, духовно наполнять, осуществ-

⁷⁰ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 325.

⁷¹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 553.

⁷² Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 59.

⁷³ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 554–555. И.А. Ильин отмечает, что частная инициатива и свободное расселение способствовали росту государства вширь, и как таковая, колонизация одновременно являлась миссионерством. Там же. С. 556–557.

влять, освящать, оформлять... Я разумею свободу как *способ быть и действовать*; как уклад души и инстинкта; как живой стиль чувства и его проявления – естественного, непосредственного, откровенного в личном и искреннего в великом... Как размах души и полёт духа»⁷⁴.

Описывая «исторические бремена» России, формировавшие русскую цивилизацию, Ильин указывает и на «*бремя земли*» – «необъятного, непокорного, разбегающегося пространства», которое было не захвачено, но «само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды кочевников и армии оседлых кочевников»⁷⁵. Такая «географическая трибуна», на которой разыгрывается русская история, сама по себе ставила проблемы и определяла народную судьбу, указывает И.А. Ильин. Огромная территория Восточной Европы, расположенная между двух мощных континентальных блоков – Западной Европой и Азиатским континентом, «стала *проходным двором для переселения народов*, подлинной «ареной» *вечных кочевников* или тех, *кто не успел обрести оседлости*»⁷⁶. Восточные славяне вынуждены были жить и созидать на открытой равнине, обустраиваться на «проходном дворе предыстории и истории», служить оборонительным форпостом западноевропейской культуры, от которой они ничего не унаследовали, рассчитывать только на свои силы, и в любой момент ждать опасности нового вторжения и нападения⁷⁷. Так было во все эпохи: Россия должна была выдерживать «своеобразный, *только ей свойственный груз жизненных проблем*, который требовал от народа сил и способностей, развитие и упрочение которых в высшей степени осложнялось самой историей»⁷⁸.

---

⁷⁴ Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина. С. 56.

⁷⁵ Ильин И.А. О России. Три речи. С. 20.

⁷⁶ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 474.

⁷⁷ Там же. С. 475, 476.

⁷⁸ Там же. С. 471.

Вся русская история — «скрижаль безмерных трудностей, медленно и терпеливо, кровью и терпением, жертвенностью и храбростью одолеваемых народом»⁷⁹. История России подобна истории осажденной крепости, пишет Ильин: «Века тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собирания сил и нового, непрекращающегося ратного напряжения»⁸⁰. С древних времён русский крестьянин должен был брать с собою в поле оружие, а русский воин кормиться от плуга и косы. Именно суровой школой военной истории многое в России определялось: она привила национальному характеру своеобразную стойкость, подобно которой не найти во всей человеческой истории и которую никогда не следует упускать из виду⁸¹.

В этом направлении сказывалось и влияние климата, природы, почвы. «В целом же Россия возникла благодаря *терпению* и обрела величие *в упорстве*», — пишет Ильин⁸². Русский исторический путь развития назван учёным «*хождением по мукам*», и «эти исторические муки русский пронес и вытерпел как христианин»: они не были для него напрасны и бессмысленны, он «нёс их как жизненный крест, знал и верил, что по окончании их наступит воскресение», ибо «крест — истинный знак победы, обещание воскресения»⁸³.

Здесь важно не забывать о православном учении о бессмертии личной души, утраченном в современном протестантизме; учении о христианском терпении и об отдаче жизни «за други своя», напоминает Ильин⁸⁴. «Вера в бессмертие души настолько присуща русскому, что он пребывает в ней в полной убеждённости»⁸⁵. Этим Ильин объясняет свойственное

---

⁷⁹ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 229.

⁸⁰ Ильин И.А. О России. Три речи. С. 22.

⁸¹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 398—399.

⁸² Там же. С. 480.

⁸³ Там же. С. 495.

⁸⁴ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 326.

⁸⁵ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С.457.

русским удивительно спокойное отношение к смерти: «Пусть смерть потрясает как несчастье, или подкрадывается к ложу больного, или наступает на поле боя — вы не увидите мало-душия, страха, растерянности, а только серьёзную озабоченность об отпущении грехов и о чистоте тела»⁸⁶. Православное учение о бессмертной душе дало русской армии «все источники её рыцарственного, лично-бесстрашного, беззаветно-послушного и всепреодолевающего духа, развёрнутого в её исторических войнах»⁸⁷.

В своих работах И.А. Ильин раскрывает и другие характеристики российского культурно-исторического типа, определяемые не только воздействием христианства. Хотя письменная история русского народа и насчитывает всего одну тысячу лет, однако возраст народа не определяется памятью его истории, отмечает Ильин: русский народ, приняв христианство, удержал в своей памяти кое-что дохристианское и «это дохристианское прошлое его, утраченное его памятью, не утратилось в его опыте и в его духе»⁸⁸. Поэтому, чтобы представить себе культуротворческий акт народа, необходимо не упускать из виду всех основополагающих факторов его истории.

И.А. Ильин напоминает о необходимости учитывать психосоматическое устройство народа, его инстинкт, окружающую природу и климат, в которых народ проходил своё становление. При изучении российского культурно-исторического типа надо помнить «славянско-русскую душу с её темпераментом, подчеркнуто чувственным восприятием жизни, с её любовью к земле», помнить о «плоской, открытой со всех сторон равнине, которая на протяжении столетий служила проходным двором для степных азиатов-кочевников»,

---

⁸⁶ Там же. С. 458.

⁸⁷ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 327

⁸⁸ Ильин И.А. Духовный смысл сказки // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 260.

о «климате с его континентальной суровостью, с его резкими колебаниями, тяготами»⁸⁹.

И.А. Ильиным высказано немало глубоких суждений о влиянии природы и климата на формирование русского культурно-исторического типа. Если бы не было никаких других источников русской религиозности — «национально-славянско-душевных, духовных и божественно-благодатных», отмечает Ильин, то «величайшую и сильнейшую гарантию» можно усмотреть в самой природе⁹⁰. Ильин пишет о родстве русской природы с христианскими основами русской души⁹¹. «Свободное созерцание русскому дано от природы»⁹²: «русская природа не плывёт мимо души, она вторгается в неё, захватывая её в свой круговорот — то сумасшедше-пьянственной весной, то раскалённым грозным летом, то красавицей осенью, то бело-покровной, крепкоморозной, вихре-метелистой зимой»⁹³. Бескрайние просторы России «раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и лёгкость, каких нет у других народов», поэтому сама «духовная свобода дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога»⁹⁴. Русский человек связан со своей природой и созерцает её, «как таинство Божие, как живую силу Божию, как Божие задание, данное человеку, как Божью кару и Божий гнев, как Божий дар и Божию милость»⁹⁵. Бескрайность просторов и разноликая красота породили «наше видение, нашу мечтательность, нашу песню, нашу созерцающую “лень”»⁹⁶.

И.А. Ильин также отмечает, что природно-климатические «внешние явления» тысячи лет «настраивали душу нашего

---

⁸⁹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 514.

⁹⁰ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 219.

⁹¹ Там же. С. 224.

⁹² Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 405.

⁹³ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 219.

⁹⁴ Ильин И.А. О России. Три речи. С. 9.

⁹⁵ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 219.

⁹⁶ Ильин И.А. О России. Три речи. С. 14.

народа, испытывали, и проникали, и укрепляли его дух»⁹⁷. Ильин указывает на неравноценность земли в России — обилие степей, пустыни, топей, болот и на суровый климат, как на факторы, истощающие народные силы в тяжелых сельскохозяйственных работах. Русскому народу предназначено судьбою жить в суровой среде, безжалостно требующей от него приспособления, закалки, выносливости без меры и за любой бытийный шаг заставляющей расплачиваться тяжким трудом и лишениями⁹⁸. Отсюда происходит, по мнению Ильина, и великая выносливость русского народа.

И.А. Ильин определяет «для русской души две великие координаты, стоящие в тесной связи с природой и расой» — «*страстный темперамент и природная гармоничная свобода*»⁹⁹. Он пишет даже о «горячем темпераменте русских»¹⁰⁰. Поэтому не случайно, «борьба была на Руси извечно любимым видом народно-спортивных игр»: улица на улицу (уличанский бой), предместье на предместье (кончанский бой)¹⁰¹.

Среди других душевных, психосоматических качеств российского культурно-исторического типа Ильин называет пронизательность, неистощимое терпение и стойкость, способность вынести самый низкий жизненный уровень и при этом не падать духом, искусство самопожертвования и безрассудной самоотдачи, определённую независимость от земного, религиозную стойкость души, покладистость и гибкость, наследственную отвагу¹⁰². И.А. Ильин также отмечает склонность русского человека к простоте и естественности, всегда и везде ищущего «покоя, согласия, близости и размаха

---

⁹⁷ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 204.

⁹⁸ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 378, 380-382.

⁹⁹ Там же. С. 397.

¹⁰⁰ Там же. С. 520.

¹⁰¹ Там же. С. 518.

¹⁰² Там же. С. 540.

— в домашнем обиходе, в застолье, в дружбе, обществе, театре, клубе, на природе»¹⁰³. Он постоянно стремится самому себе или кому-нибудь раскрыть свою душу, хочет доверия и тёплых отношений, преодоления условностей, обмена мыслями о важнейшем в собственной жизни и на белом свете и «более всего любит человека сердечного и совестливого»¹⁰⁴. Поэтому российскому культурно-историческому типу никогда не грозит «обезличка человека», которой в России никогда не было¹⁰⁵.

С темпераментом связана и русская музыкальность. И.А. Ильин подчёркивает высокую степень музыкальности русских людей. Причём русская народная песня не соответствует европейской теории музыки, отмечает Ильин, она исходит непосредственно из внутреннего чувства, слуха и вкуса. И богатство этих песен неисчерпаемо в их мелодике, ритме и выразительности¹⁰⁶.

И.А. Ильин отзывается и на мнения о «своеобразии и относительной слабости мужского характера в России и усилении женского». Это вовсе не означает, что мужчины в России бесхарактерны, замечает Ильин. Однако суровость русской истории отразилась на характерных особенностях русского женского типа: «столетиями уходил мужик в поход, а женщина оставалась хранительницей очага, хозяйственно организующей силой, воспитательницей детей, образом волевого начала», затем ей приходилось выхаживать раненого мужа и она становилась таким образом «надежной хранительницей веры, носительницей молитвенного духа и любви к Отечеству», «ангелом-хранителем мужчины, источником силы и вдохновения, истинным духовным материнским лоном для детей»¹⁰⁷. Мужчина, на долю которого выпадают войны и страдания,

---

¹⁰³ Там же. С. 400.

¹⁰⁴ Там же. С. 392, 400.

¹⁰⁵ Там же. С. 486.

¹⁰⁶ Там же. С. 389.

¹⁰⁷ Там же. С. 492.

хочет видеть в женщине не просто возлюбленную, отмечает Ильин, не просто приятную спутницу жизни, он ищет твёрдый характер, ему нужен именно ангел-хранитель¹⁰⁸.

Именно в таких суровых природно-климатических, геополитических, исторических условиях жизни и борьбы, из этого обилия пространств и племён, русский народ должен был создать «в три-четыре века единое великое государство и единую великую духовную культуру»¹⁰⁹.

В муках и напряжениях своеобразной истории, в суровой борьбе с прекрасной, но строгой природой — сложилась Россия как единство, как живая система культуры и душевно-духовный уклад, — отмечает в своих трудах Ильин органичность российского культурно-исторического типа. Цельность культурно-исторического типа верно отражалась и во внешнем быту — со всей его шириной, простотой, добродушием, щедростью, свободолюбием, гостеприимством, молитвенной созерцательностью, медлительной задумчивостью, удалью и истовостью, недисциплинированной ленью и упорным трудолюбием; с его певучей музыкальностью, мечтательной и грустной; с его пассивной терпеливостью, которая кажется слабостью, но которая перетёрла и пережгла не одну исторически-стихийную силу; с его разлитой всенародно даровитостью и с беспечной склонностью растрачивать свои таланты. Такова Россия — «организм материи, души и духа»¹¹⁰. Так был сформирован российский культурно-исторический тип, с его цельностью духа и инстинкта¹¹¹.

Таким образом, И.А. Ильин раскрывает решающее влияние этнокультурных и духовно-религиозных факторов на формирование российского менталитета, на становление русской цивилизации.

---

¹⁰⁸ Там же. С. 495.

¹⁰⁹ Там же. С. 415. *Он же*. О России. Три речи. С. 21.

¹¹⁰ *Ильин И.А.* Россия в русской поэзии. С. 207—208.

¹¹¹ Там же. С. 226.

Российская государственность

В своём творчестве И.А. Ильин раскрывает основные социально-государственные установки российской цивилизации в их историческом развитии.

Для Ильина свободолюбие – стихия русского человека, его основная черта. Он напоминает, что уже в первых византийских и арабских исторических источниках восточные славяне описаны как исключительно свободолюбивый народ, не выносящий рабства, не поддающийся чужому господству и даже друг другу неохотно подчиняющийся. Ильин также подчёркивает русскую склонность к резкой индивидуализации мнений. Более того, он отмечает: «Менталитет нашего народа склонен к чрезмерному индивидуализму и даже к анархизму»¹¹². Это создавало трудности при необходимости объединения. Проблема организации для славян, как и вообще везде, где берет верх индивидуальность и социальная дифференциация, по видимому, с самого начала разрешалась на авторитарных началах, пишет Ильин¹¹³. И всей своей историей русский народ продемонстрировал два свойства: «Понимал, что в государстве и для государства он должен нести непомерные тяготы и жертвы, а в душе мечтал о всевозможнейшей свободе от любого давления государства»¹¹⁴. Из этих двух побудительных мотивов – порыва к свободе и инстинкта самосохранения, из этих двух сил – центробежной и центростремительной, единства и множества, разъединенности и сплоченности – складывался исторически государственный строй России.

В своих трудах Ильин раскрывает проявление свободолюбия как широкое распространение самоуправления в истории

¹¹² *Ильин И.А.* Мученичество Русской Церкви и его значение для христианских церквей других стран // *Ильин И.А.* Собр. соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т.14]. С. 395–396.

¹¹³ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 382.

¹¹⁴ Там же. С. 566.

России. Так, фактически полным самоуправлением пользовалась православная церковь, всегда имевшая автономные структуры управления. И только Петром I и Екатериной II эти отношения были нарушены, когда государство в известной мере отняло у церкви свободу суждений и силу организаторских способностей и, как считает Ильин, это не было благом ни для церкви и ни для государства¹¹⁵.

Имела свое непосредственное управление и любая церковная община — священнослужителями и епископатом. Имели свое собственное автономное управление и все прочие христианские конфессии и нехристианские церкви, а также ислам и иудаизм. Причём семейное и наследственное право у мусульман соблюдалось согласно законам шариата¹¹⁶.

С древнейшего времени самоуправление существовало в городах и весях России: в городах выбирались сотские и тысяцкие — старейшины из числа граждан в сто и тысячу человек; в крестьянских общинах — сельские старосты. Индивидуализация выражалась в склонности русского народа создавать те общественные формы, отмечает Ильин, которые покоятся на братстве: приход, артель, землячество, монастырь¹¹⁷.

И.А. Ильин указывает, что если бы прежнее русское правительство захотело установить централизованную тираническую власть, у него бы с этим не получилось ничего. Само пространство всегда требовало от России децентрализации и самоуправления; и опасность анархии всегда была в России больше, чем возможность авторитарного зажима. К тому же огромное пространство неуклонно шло навстречу народной жажде свободы и гарантировало ему такую свободу, о которой в Западной Европе не имеют даже представления¹¹⁸. Наоборот, указывает Ильин, российский государственно-

---

¹¹⁵ Там же. С. 544.

¹¹⁶ Там же. С. 568.

¹¹⁷ *Ильин И.А.* О России. Три речи. С. 16.

¹¹⁸ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 566.

правовой порядок можно было создать только путем узаконенного и поддерживаемого государством самоуправления всех слоев общества.

Учёный показывает и своеобразное использование российским государством замешанного на эгоизме и центробежности народного порыва к свободе. Склонность населения к анархии выливалась в колонизацию на периферию, до природных границ. Но естественная жизненная необходимость пробуждала инстинкт национального самосохранения, превращая анархистствующих беглецов в национальных защитников пограничных рубежей. Именно в казачестве, своеобразном русском рыцарстве, неукротимая любовь к свободе была признана государством и «получила свое консервативное, гражданственно-религиозное содержание» — охранять рубежи православного Отечества. Казаки же, отмечает Ильин, являли собой живой набор черт российского культурно-исторического типа — инициативность, отвагу, прилежание, самоуправление и воинственный дух¹¹⁹.

В казачестве российский культурно-исторический тип осваивал одновременно два «бремени» России — «бремя земли» и естественно присоединявшееся к нему «*время народности*»: «до ста восьмидесяти различных племён и наречий» должны были уживаться в России, подчёркивает И.А. Ильин. В лице казачества отразилась способность русского человека, с одной стороны — к уживчивости, с другой — к освоению социо-культурного богатства окружающих народностей. Опыт казачества весьма важен при рассмотрении российского культурно-исторического типа¹²⁰.

---

¹¹⁹ Там же. С. 563, 564.

¹²⁰ Ильин И.А. О России. Три речи. С. 21. Широту и уживчивость народов, принадлежащих по ментальности к российскому культурно-историческому типу, отражает и состав казачества. Во-первых, этнографическое своеобразие каждого казачьего войска. Во-вторых, существование не только русско-православного, но и иных казачеств в Российской империи: мусульманского башкирского, буддийских калмыцкого и бурятского.

Рассматривая проблему государственно-правовых отношений и национального правосознания И.А. Ильин отрицает все обвинения в том, что якобы у русского народа нет непосредственного правосознания. Оно есть, утверждает учёный, и это доказывает тысячелетняя история развития государства на одной шестой части земли, а также своеобразие культуры во всех областях жизни. Проявляется же это правосознание в российской культурно-историческом типе как «сознание долга, социально-морфологическая глубина, организаторская способность»¹²¹.

И.А. Ильин отмечает как один из даров православия принесение в Россию христианского правосознания – волю к миру, волю к братству и справедливости, лояльности и солидарности; чувство достоинства и ранга, способность к самообладанию и взаимному уважению¹²². Он выделяет также характерную черту российского правосознания: внутреннюю свободу, для которой не существует искусственно придуманных запретов¹²³.

И всё же российскому правосознанию недостаёт прочной формы и силы, отмечает Ильин. Он напоминает, что в истории России принципиально не было эпохи ранней европейской кристаллизации и консолидации на основе римско-правовой и римско-церковной культуры¹²⁴. Римское право с его основательной, но жестко отшлифованной культурой частной собственности и римская церковь с её дисциплиной воли и культурой власти – «две эти принципиальные предпосылки западноевропейской культуры» в России места не имели, чего не следует забывать при изучении русского пра-

---

¹²¹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 412.

¹²² Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 326.

Учёный считает, что именно «искренняя религиозность есть вернейший и глубочайший корень правосознания». Ильин И.А. О монархии // Вопросы философии, 1990, №4. С.127.

¹²³ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 389.

¹²⁴ Там же. С. 514.

восознания¹²⁵. Не следует забывать и последствия монголо-татарского ига для национального правосознания. Почти трёхвековая угроза всегда заново строить на пожарищах и начинать с нуля, утрата перспектив честного и напряженного хозяйствования нанесли непоправимый ущерб правосознанию, подчёркивает Ильин. В ходе столетий народ привык относиться к своему состоянию и к чужой собственности безразлично, как к чему-то ненадёжному, не заботясь о бережливости и экономии. Отсюда возник недостаток твердого лояльного правосознания в личном, так же как и в общественном отношении, фривольное обращение с правопорядком¹²⁶.

Однако, пишет Ильин, отсталость в области правосознания стала преодолеваться в России в XIX в. В это время появилась академически образованная интеллигенция и в течение столетия было достигнуто немало такого, что со временем стало образцом, вошло в российскую традицию¹²⁷. И хотя культура законности и свободы ещё нуждалась в России в дальнейшем совершенствовании, к началу XX в. народ России имел в основном сильную для него свободу, считает Ильин¹²⁸. В будущем же России ещё предстоит выполнить историческую задачу обретения «дисциплины желаний и мысли» — воспитать, приобрести, добиться в борьбе глубины правосознания¹²⁹.

В немалой степени учёный занимался проблемами культуры государственной власти в истории России. Он считал, что «постигнуть жизнь и смысл государственной формы невозможно помимо правосознания», так как государствен-

---

¹²⁵ Там же. С. 475. См.: *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1911.

¹²⁶ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 535–536.

¹²⁷ Там же. С. 536.

¹²⁸ *Ильин И.А.* России необходима свобода // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 167.

¹²⁹ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 412.

ная форма есть порождение правосознания¹³⁰. Источником монархизма в русской душе явилось выдержанное в патримониальном духе правовое сознание, которое в ходе веков и привело российское государство к монархической форме, пишет Ильин¹³¹. Из созерцательно-чувственного характера у русского человека родилась потребность переживать и свою государственность не абстрактно, а живой персонификацией, что привело к монархическому сознанию¹³². Именно созерцательность и предрасположенность к индивидуализации привели русский народ к тому, что он должен персонифицировать государство и иметь во главе государства такого человека, которому требуется от народа любовь и доверие и которому народ имеет все основания оказывать любовь и доверие. Для этого он должен связать себя с государством в религиозном плане, чувствуя себя в конфессиональном единении с главой государства. Такое религиозное, выдержанное в патримониальном духе правовое сознание в ходе веков привело русское государство к монархической форме, заключает И.А. Ильин¹³³.

Естественно, что у народа с цельным характером связующим звеном между царем и народом должна была стать религиозная вера, чтобы обе стороны похоже смотрели на мир и похоже выражали свои устремления, пишет Ильин. Так в истории России и было: между царем и народом устанавливалась «религиозно-нравственная пуповина», «духовно-органическая связь»¹³⁴.

---

¹³⁰ Ильин И.А. О монархии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. М., 1994. С. 450. «Выражая это психологически, — пишет И.А. Ильин, — можно было бы сказать: у всякого народа своя особая “душа” и помимо неё его государственная форма непостижима». Там же. С. 451.

¹³¹ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 573.

¹³² Там же. С. 406.

¹³³ Там же. С. 580.

¹³⁴ Там же. С. 581; Ильин И.А. Мировая политика русских Государей // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 122.

И.А. Ильин даёт феноменологическое описание этой религиозно-нравственной взаимосвязи, своеобразного духовного обмена между царем и народом. Обоюдная любовь и доверие диктовалась инстинктом самосохранения нации, укореняясь в общей христианско-православной вере и совести и укрепляясь общей молитвой друг за друга и друг с другом; так они становились зримыми в реальном сотрудничестве, в церковных обрядах и церемониях двора¹³⁵.

И.А. Ильин пишет, что «образ царя формировал и укреплял правосознание народа» и поясняет: в мире есть только один Бог, в семье — только один отец. И оба — Бог на небесах и отец на земле — зримы только сердцем, в сердце существуют. Более того, по отношению к обоим применителен художественно-идентифицирующий процесс. Бога я ношу в себе и образ моего отца генетически во мне; и оба во мне — через любовь, доверие и созерцание. В молитвенном созерцании — по отношению к Богу, ощущаемого не как образ перед собою, но как образ во мне: Он управляет мною и превращает мою волю в Свою. В процессе инстинктивно-любовного созерцания по отношению к отцу, я себя художественно идентифицирую с ним и продолжаю линию своего рода с его кровью и духом во мне¹³⁶. Аналогичное происходит в русской душе и по отношению к монарху, указывает Ильин. Подобно тому, как на небе есть только один Бог, а в семье только один отец, так у народа есть только один царь. Народ ощущает его в своей праведной вере, в религиозной ответственности, в очищении совести, в национальном инстинкте самосохранения, видит в нем помазанника Божия — отца государства и высказывает ему любовь, преданность и верность¹³⁷.

И.А. Ильин указывает, что в душе монархически созерцающего русского человека происходит религиозно обоснованный художественный процесс идентификации с идеальным

---

¹³⁵ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 581–582.

¹³⁶ Там же. С. 582.

¹³⁷ Там же.

образом царя — далеко не поверхностный и не простой, — с конкретным, исторически существующим в данное время образом царя¹³⁸. Он описывает «глубокие обстояния» духовно-органической связи царя и народа:

1. Своеобразие русского духовного уклада, не совмещающегося с западно-европейским укладом и властно требующего ассимиляции;

2. Православная вера, вовлекающая в религию главное чувствилище человеческой души и не мирящаяся с формальной обрядностью и условным ханжеством;

3. Особенность русской государственной судьбы, которую «надо понять трепетом сердца и принять совестью и волею»;

4. Сила нравственного излучения, исходившая от «монархически чувствующего и волящего народа»;

5. Чуткая даровитость русских государей, религиозно осмысливающих своё служение и вдохновлявшихся верою в русский народ, а также любовью к нему¹³⁹.

Таким образом, «величайшая и труднейшая загадка русской культуры» — согласие «стихийности свободы и свободолюбия русской души и русского духа» с «исторически данной формой государства» — разрешается на религиозно-духовном уровне сознания и социальности¹⁴⁰.

Как важнейшее социокультурное явление в истории России И.А. Ильин отмечает древнюю традицию «соединения и разделения церкви и государства»¹⁴¹. По его мнению, в течение XIII — XVII вв., когда «закладывался фундамент русской культуры, складывался национально-творческий культурный акт, православной церкви пришлось определять и выказывать свое собственное лицо, а это имело прямое отношение к государству»¹⁴².

---

¹³⁸ Там же. С. 583.

¹³⁹ *Ильин И.А.* Мировая политика русских Государей. С.122.

¹⁴⁰ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 570.

¹⁴¹ *Ильин И.А.* О России. Три речи. С.16.

¹⁴² *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 541.

История России, отмечает Ильин, свободна как от цезарепапизма, когда государь руководит и как первосвященник и как глава церкви, так и от папо-цезаризма, когда глава церкви одновременно является правителем и верховным главой государства¹⁴³. Так, по католическому учению, папа римский имеет верховную власть над всем миром, ибо он ведет своё главенство от первоверховного апостола Петра. В католической церкви государи, императоры и короли являются наместниками папы римского в земных политических делах, его вассалами, поэтому им судятся, даже смещаются. Ещё Ю.Ф. Самариным было описано, каким образом Римский престол обосновывал такие притязания: «В католицизме господствовала та мысль, что церковь, предписывая своим членам их обязанности... отвечает в то же время за строгое их исполнение и в случае нужды прибегает к принудительным мерам... Поэтому она добивалась мирской власти»¹⁴⁴. Православная же церковь всегда — в Московской Руси, в императорской России — понимала, пишет Ильин, что «только *искреннее* верование полноценно и что только *свободное* верование может быть искренним», поэтому не вмешивалась в дела политического правления¹⁴⁵.

Православие в допетровской России мудро разрешило труднейшее задание — найти правильное соотношение между церковью и светскою властью, с которым не справилась Западная Европа, католицизм. Согласно древней русской традиции, церковь и государство гетерогенны, неодинаковы — по духу, положению, достоинству, цели и практическому образу действия, пишет Ильин. У церкви нет ни светской власти, ни меча; она заботится об откровении и занимается миссионерской деятельностью; она милует, учит, совершает таинство обряда, обосновывает догматы и отстаивает их, рукополагает священников, способствует Царству Божию на земле. Дело

---

¹⁴³ Там же. С. 542.

¹⁴⁴ Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 163.

¹⁴⁵ Ильин И.А. Обоснование свободы // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 193.

меча — не её дело, ни во время войны, ни в процессе обращения людей в свою веру, ни в наказание за злодейство или ересь¹⁴⁶. Обычно меч и любовь, политика и обряд таинства — вещи для православного человека несовместимые, но при определённых обстоятельствах земной жизни, когда дело касается служения замыслу Божию, воин и монах, князь и митрополит объединяются, пишет Ильин¹⁴⁷. Государство и церковь, великий князь и митрополит московский в течение многих поколений совместно заботились о своем народе, рука об руку боролись за освобождение Руси и церкви от монголо-татарского ига. В ходе истории возник и укрепился своего рода их «симбиоз»: православная церковь не пыталась присвоить себе мирскую власть, а великие князья и русские цари не пытались подчинить себе церковь¹⁴⁸. Происходил процесс взаимной поддержки при взаимной лояльности.

Для православного мировоззрения князь есть правоверный и благочестивый христианин. Он старается нести свою службу по-христиански, хочет служить царству Божию на земле, он выслушивает советы, как лучше поступить, ставит свою мирскую власть в услужение Богу. А церковь старается по совести напутствовать правоверного князя и способствовать в делах национально-православного государства.

Таким образом, Ильин описывает «симфонию властей» — «органический симбиоз между церковью и государством» — как совместную защиту: государством — своего христиански-верующего народа и святых церкви, церковь — своей православной паствы, поддерживая при этом государство молитвой и советом. Он даёт образы идеи сослужения церкви и государства в Древней Руси: «Для государства — “пусть твое служение и твой меч будут как молитва”»; для церкви — “пусть

---

¹⁴⁶ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 326.

¹⁴⁷ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 542, 544.

¹⁴⁸ Там же. С. 541–542.

твоя молитва будет как сила и меч”»¹⁴⁹. «Церковь учит, ведёт, наставляет, советует и помогает: укрепляет, благословляет и очищает; но не посягает, не властвует, не повелевает и не порабощает. Она блюдёт свободу... она — власть, но не от мира сего; она — духовник и ангел-хранитель, — пишет Ильин. — А государство бережёт, обороняет, покоит церковь и предоставляет ей всё необходимое; проверяет себя голосом церкви, ищет совета, духовного умудрения и совестной чистоты»¹⁵⁰.

Рассматривая Покровский храм на Красной площади как символ российского социального сознания, Ильин отмечает, что в нём зодчие «осуществили блестящую идею дать единство в многообразии; соединить нечто невообразимо разнородное, максимально дифференцированное, особенное, богатое, избыточное декором в одно целостное, единственное в своем роде», и тем выразили главную идею России: «...беречь и сохранять единство, ценить индивидуальность, не подавлять её — дать человеку и народам возможность процветания в свободе и независимости и из каждого отдельно цветущего множества создавать великолепие единства»¹⁵¹. В России признается принцип индивидуальности, и человек, даже политически не свободный, духовно и культурно свободен. Так будет и впредь, утверждает Ильин.

Таким образом, Ильин отмечает специфику российского общественного и государственного устройства, раскрывает его формирование на основе культурно-национального уклада и особенностей исторического развития. Дух свободы способствовал колонизации пространства и широкому общественному самоуправлению; государственная необходимость вынуждала к расширению и дисциплинировала стихийных, самовольных колонизаторов. Именно из этих двух побудительных мотивов — порыва к свободе и инстинкта самосохра-

---

¹⁴⁹ Там же. С. 545. См.: *Николин А.* Церковь и государство (история правовых отношений). М., 1997.

¹⁵⁰ *Ильин И.А.* О России. Три речи. С. 16.

¹⁵¹ *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. С. 603.

нения, из этих двух сил — центробежной и центростремительной, единства и множества, разъединённости и сплочённости — складывался исторически государственный строй России. Оценивая специфику социальной организации российского культурно-исторического типа, Ильин делает важный вывод: история России была и остаётся упорной борьбой между порывом к свободе и жёсткой государственной необходимостью, между склонностью к анархии и инстинктом национального самосохранения.

Глава 26.

После войны

Весна 1945 г. принесла народам Европы долгожданный мир. Для Ильина, который жил в потоке всех важнейших событий, происходивших в России и Европе, пришло время итоговых трудов.

Русский мыслитель наблюдал, как первоначальные успехи фашизма в Италии в 1920-е гг. находили отклик в других странах, где левая интернационалистическая стихия разрушала общество и экономику. Однако позитивный итальянский опыт, по мнению Ильина, был скомпрометирован германским нацизмом, на «глубокие и серьёзные ошибки» которого он указывает. Это — 1. Безрелигиозность; 2. «Создание правого тоталитаризма»; 3. «Установление партийной монополии»; 4. «Уход в крайности национализма и воинствующего шовинизма»; 5. «Соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства»; 6. «Впадение в идолопоклоннический цезарепапизм»¹⁵².

Захваты Гитлера в Европе в 1937—1939 гг. только казались успехами. Они, как провидел И.А. Ильин, были для Германии

---

¹⁵² *Ильин И.А.* О фашизме // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 87.

опасны, а для самого фюрера гибельны. В итоге — «...Германии было предназначено впасть в преступное безумие и злодейство — и пасть»¹⁵³. Нацисты, по мнению Ильина, скомпрометировали фашизм, и «его культурно-политическая миссия не удалась», в результате чего «левая стихия разлилась с ещё большей силой»¹⁵⁴.

Германский империализм лишь прикрывался антикоммунизмом: коммунизм в России был для него только предлогом, чтобы «оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания». Как писал сам Ильин, он никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать откровенным врагам России — национал-социалистам, «презиравшим русских людей последним презрением». Можно было бы ещё понять Власова, если «его затея имела смысл спасти те сотни тысяч русских пленных и “остовцев”, которые буквально вымирали у немцев от голода и жестокого обращения». Но сами его выступления, по мнению Ильина, были всегда «лживыми и стратегически недопустимыми»¹⁵⁵.

В войне же против германского империализма «Россию спас народ», использовавший «форму советчины как орудие для разгрома своего векового наружного врага; он разыграл роль внутреннего врага против внешнего». Но «всё, что советы “добудут” в итоге этой победы, всё именно поэтому потеряет национальная Россия, ибо мир доселе не отличает “советское” от Русского, “коммунистическое” от национального»¹⁵⁶. Для Ильина по-прежнему «человек, ставший советофилом, уми-

---

¹⁵³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 02.07.1945. [Т. 13. Кн. II]. С. 316–317.

¹⁵⁴ *Ильин И.А.* О фашизме. С. 87.

¹⁵⁵ *Ильин И.А.* Письмо к Б.И. Николаевскому 03.04.1946 // *Ильин И.А.* Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). [Т. 12]. С.13. Тут же И.А. Ильин указывает на преступные действия «западных демократий», выдавших Советскому Союзу на казнь «власовских» солдат.

¹⁵⁶ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 09.09.1945. [Т.13. Кн. II]. С. 353–355.

рает заживо. Он предался дьяволу. Он — по ту сторону. Он губит русское национальное дело»¹⁵⁷.

На европейские страхи перед возможностью агрессии Интернационала мыслитель реагирует спокойно: «...нервная война будет продолжаться и обостряться; мировая не назрела...»¹⁵⁸, «...советы войны *до смерти боятся*: она их может *только погубить*... Я думаю: будет кровь и коммунисты *проиграют*»¹⁵⁹, «мировой конфликт будет изживаться местными недоворотами, трениями и стычками; и шансы на успех у коммунистов не велики. Не надо растрачивать огонь сердца на западноевропейские импрессии. Надо нам думать только о России и её судьбу строить в волевом порядке»¹⁶⁰.

Иван Александрович чужд идеалистических мечтаний, которым предаётся И.С. Шмелёв: «Россия пришла... и увидит и её увидят... Вот оно, “столкновение”-то — Россия—Европа... Вы чувствуете, как Православие — в микрокосме пусть! — идёт и — в него всматриваются?.. Это “явление” сколь чревато! Ведь сотни храмов, тысячи молений, — до священных стенаний — может ли всё это даже... — мимо?!.. О, нет. Какая величайшая ответственность ныне на нас!.. на всех! — и особенно на пастырях!... Продолжается православная миссия, отпочковываются “обитатели” и скиты... но уже — к Западу! И я чувю — как выпрямляется душа русского интеллигента! Это выпрямление уже давно, но всё идёт ускорением, с XX века... — ныне... — мчится... События последних 3-4 лет бросили снопы космического света на весь мир, — для меня, по крайней мере. И в этом свете вижу — провиденциальное: ныне уже не всемирная история, нет... — а космическая, апо-

---

¹⁵⁷ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 23.11.1946. [Т. 13. Кн. II]. С. 505, 507.

¹⁵⁸ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 02.08.1947. [Т. 13. Кн. III]. С.166.

¹⁵⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 02.01.1948. [Т. 3. Кн. III]. С. 232—233.

¹⁶⁰ Там же. С. 217.

калипсическая... — в голову кружащем, душу возносящем, глаза ослепляющем... Божиим Плане. Последствия не учесть... так всё космично-апокалипсично, провиденциально. Нет, не все миллионы-миллионы жертв... — кровь их — искупление за всех и за вся... Всё будет — оправдано... Мост на ту сторону — строится... — в Новый Мир нового человечества»¹⁶¹. Ильин трезво понимает все сложности, которые предстоят России на путях её выхода из цивилизационного кризиса.

В послевоенной Европе Ильин налаживает старые связи, ведёт переписку с представителями русской диаспоры самого разного духовно-политического склада — от Главы Дома Романовых Великого князя Владимира Кирилловича и архимандрита Константина (Зайцева), до социалистов С.П. Мельгунова и Б.И. Николаевского¹⁶².

Восстановление «лекционного опыта» на русском языке философу после войны не удаётся: «О чём бы и как бы я ни читал, приходило народишку — сколько кот наплакал — воробей накакал. На тарелку сборную клали от гривенника до полтинника. Помню, как я злился, читая, например, о Шмелёве. Я прекратил лекции по-русски... Люди, понимающие здесь по-русски, разрусели»¹⁶³. И.А. Ильин понимает, что борьба за русскую молодежь идёт не только в порабощённой России, но и в зарубежье: «Для этого существует целый ряд привлекательнейших и невиннейших, и полезнейших организаций. Скауты. Соколы. Янкмены. Армия спасения. Ротари-клубы. Оксфорды. Экуменисты»¹⁶⁴. Иван Александрович старается по возможности лично встречаться с русской молодежью, вести переписку. Имея громадный опыт

---

¹⁶¹ Шмелёв И.С. Письмо к И.А.Ильину 14.10.1947. [Т. 13. Кн. III]. С. 194, 197.

¹⁶² Ильин И.А. Письмо к Б.И. Николаевскому 30.06.1946. [Т. 12]. С. 14.

¹⁶³ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 01.04.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 300-301.

¹⁶⁴ Ильин И.А. Письмо к К.Е. Климову 30.04.1948. [Т. 12]. С. 65.

жизненных разломов, он как духовный учитель наставляет: «Жизненные затруднения учат нас всех... Они учат нас не просто “новому приспособлению”, а переустройству своего личного внутреннего мира, своего духовного характера. В этом их высший смысл, который требует от нас разумения и повиновения. Это надо делать на полном жизненном ходу. Так я и прожил всю жизнь, прислушиваясь к этому высшему смыслу и “вытачивая себя”. И Вам советую... Дело не в затруднении: вся жизнь состоит из них. Дело в том, чтобы выйти из затруднения лучшим, чем ты был, когда влез в него»¹⁶⁵. Для преодоления жизненных затруднений, подсказывает Ильин, «есть четыре средства: молитва, терпенье, юмор и работа (по возможности любимая работа!). Русский талант имеет все основания быть сейчас в депрессии, но победа в том, чтобы ей не поддаваться»¹⁶⁶. Да, «мир отдан дьяволу в научение и проучку» и «злодейства и гноя на наше земное пребывание хватит ещё», но всё же надо устраивать жизнь, «надо крепиться и молиться»: «... кто когда-нибудь хоть раз испытал, что значит услышанная и исполненная молитва, тот счастливый человек на всю жизнь. Он нашёл дверь и лестницу из земного ада»¹⁶⁷.

Однако находились среди учеников и предатели, клеветники, как некогда в Германии, те, кто публичной клеветой на учителя зарабатывал себе известность и благосклонность в антироссийских кругах. Таким иудой-предателем стал молодой ученик Ивана Александровича Роман Гуль, осенью 1949 г. выступивший с открытым письмом, «разоблачившим» учителя во множестве «грехов». Заодно достаётся и Наталье Николаевне: «Когда Ваша супруга начинает развивать “известнейшую теорию” об ответственности евреев за русскую

---

¹⁶⁵ *Ильин И.А.* Письмо к И.Г. Бен-Чавчавадзе 02.04.1951. [Т. 12]. С. 71.

¹⁶⁶ *Ильин И.А.* Письмо к И.Г. Бен-Чавчавадзе, конец 1947 г. [Т. 12]. С. 70.

¹⁶⁷ *Ильин И.А.* Письмо к М.А. Дерюгиной, без даты. [Т. 12]. С. 169.

революцию, а Вы сию теорию поддерживаете, то, право же, это и Марков и Гитлер»¹⁶⁸. В связи с этими «разоблачениями» ученика И.А. Ильин пишет Г.В. Офросимову: «Бывает так, что почта приносит гадкие письма, полные злобы, клеветы и дерзкой личной пачкотни. Такое письмо почта принесла мне сегодня. В нём за всю мою жизнь, начиная с Москвы, собраны сплетни и инсинуации, способные повредить моему имени; упоминается о вырезанных и сбережённых статьях; приводятся никогда не сказанные мною слова. Тон письма — ненавистно-обличительный и злобно-грозный. Главные тезисы: 1) Я всю жизнь был сменовеховцем. 2) Я был про-гитлеровцем. 3) Я являюсь антисемитом. Правда искажается, перемешивается с вопиющей ложью и фантазией. Автор просит “не отвечать” и “прекращает знакомство”. Такие письма я получал в Берлине от Меллер-Закомельского, от Левашова, от различных черносотенных антисемитов. И тоже с угрозами»¹⁶⁹. «Великое межевание не мною выдуманно, но меня обязует, — пишет мыслитель другу. — Система водо-непроницаемых перегородок и аскетического молчания просто необходима, прямо обязательна. Здесь всё связующе и трагически-серьёзно. Добродушно обывательствовать не смею»¹⁷⁰.

Однако есть самое главное, что сознаёт мыслитель: «Русский народ учится *самостоянию*. И научится! Мукою. Да. И я с ним 30 лет в муке. А почему не в *физической*? Потому что — в *духовной*! Эту духовную надо превратить в *его* науку. Ибо я есмь *орган* русского народа, его *пульс*, его *слово*, его *вопл*, его *драка*, раздаватель от его лица “русс-лановых” пощёчин. Но главное: *его* национальный философ»¹⁷¹.

---

¹⁶⁸ См.: Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). [Т. 11]. С. 425.

¹⁶⁹ Ильин И.А. Письмо к Г.В. Офросимову 08.09.1949. [Т.12]. С. 89.

¹⁷⁰ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 09.12.1947. [Т. 13. Кн. III]. С. 211.

¹⁷¹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 05.11.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 255.

У мыслителя по прежнему «циркулярный философ»: «Варится в 10 котлах; который начнёт “уходить” — с того крышка снимается, что готово — записывается — крышка закрывается — записанное откладывается — ибо другой котёл “уходит” — надо за него браться.

В таком порядке прожил я жизнь и теперь, будучи уже “Феклуныкиным отцом”, стою перед начатыми, подготовленными, сильно подвинутыми или полуготовыми трудами:

1. Учение о сущности правосознания (закончено в 1919 году, надо отредактировать).

2. Философия религии (лежит в виде большого курса лекций, на два тома, отдельные главы разработаны детально).

3. О духовном характере (для России!) (курс) (том).

4. Об очевидности (вороха набросков и материалов).

5. О равенстве и справедливости.

6. О методе философии (для будущих русских философов).

7. О Монархии и республике (недописанная книга).

8. Курс: введение в философию (для начинающих).

9. Вороха созревших “эссеев”: в том числе

учение о компромиссе

о частной собственности

проблема орфографии

Князь Мышкин и Ставрогин

О причинах русской революции

Кризис социализма и т.д.

10. Если бы Бог дал — доработать мой курс “Философия досократиков” (от Фалеса до Сократа *inclusivement*)¹⁷².

В последние годы жизни И.А. Ильин направляет свои творческие силы на разработку важнейших для него тем:

— «о методе философии» («Об очевидности» «для будущих русских философов», должных созерцать Совершенство и Истину),

---

¹⁷² Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 26.12.1946. [Т. 13. Кн. II]. С. 534. *Inclusivement*: включительно (лат.).

- «философия религии»,
- Россия (в списке «философов» – «О причинах русской революции», «Кризис социализма», «О Монархии и республике», «О духовном характере» – для России).

Глава 27.

Путь познания

В 1946 на немецком языке «сваривается» швейцарское издание монографии И.А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»¹⁷³. Издание книги на языке «философов» дало ей путь в сокровищницу европейской философской мысли.

В швейцарском издании книга была сокращена – за счёт второго тома, но именно в первом томе исследования раскрывается методология научного познания Ильина, применительно к философии Гегеля. В этой работе представлен удивительно точный научный инструментарий русского учёного.

Методология научного познания всегда занимала важное место в исследовательской работе Ильина. Он даже творчество К.С. Станиславского рассматривал в аспекте научного познания. Ильин понимал, что в эпоху всёпобеждающего рационализма живая нить познания теряется из виду: «В настоящее время философия переживает тот момент, когда понятие прожило своё богатство, износилось и протёрлось внутренне до дыры. И современные гносеологи напрасно выворачивают его, надеясь починить его как-нибудь или уповая на самочинное внутреннее зарождение в нём нового содержания. *Понятие голодает* по содержанию всё сильнее и сильнее; оно вспоминает те времена, когда в нём жило бесконечное богатство,

---

¹⁷³ *Ijlin I. Die Philosophie Hegels als kontemplative Gotteslehre. Bern, 1946. Философия Гегеля как созерцательное учение (нем.).*

когда оно само несло в себе бездну; понятие жадно тянется к иррациональному, к неизмеримой полноте и глубине духовной жизни. Не *погибнуть* в иррациональном, а *впитать* его и расцвести в нём и с ним — вот чего оно хочет; философия должна вспыхнуть и развернуть неизмеримые недра в себе, не порывая своего родства с наукой, т.е. сохраняя в себе борьбу за доказательность и ясность. Вне этого ей остаётся или мучительное умирание на школьных станках, или захлебывание в набегающей пене эмпирической религиозности. Пустословие заразлившегося рационализма и пышнословие самодовольного православничания — вот полюса её гибели. Душа моя тоскует по синтезу глубины переживания с победною кристалльностью формы и тянется к тем огромным, к тем героям, которые видели этот свет, как желанный и путеводный. Есть тысячи видов и оттенков сочетания этих полюсов, но иного уже не захочет тот, кто коснулся и ожёгся об этот свет»¹⁷⁴.

В гносеологических поисках Ильину помогло глубокое изучение наследия предметного созерцателя Г. Гегеля, а также своевременная встреча с основоположником феноменологии Э. Гуссерлем. «Пробраться сквозь чашу спекулятивных придумок и рассудочных построений, навязывающихся нашей ленивой мысли — вот первый и очень трудный этап»¹⁷⁵, который наметил себе философ ещё в 1911 г. «В той духовной борьбе за настоящую философию и за свою независимость, которую я веду сразу на несколько фронтов, все акты критики и отрицания требуют положительных, больших работ, дабы превратить посягательство и претензии в естественное и обоснованное дело. Главное во всём этом метод, не в смысле абстрактных правил или пустых дистинкций, а в смысле живого творческого распоряжения внутренними силами души, могущего превра-

---

¹⁷⁴ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 27/14.05.1911. [Т. 11]. С. 46.

¹⁷⁵ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 31.07/13.08.1911. [Т. 11]. С.

тить “просто душу” в “духовное достижение объективного предмета”. Философия (логика, этика, эстетика, метафизика) имеет свой предмет, “столь же объективный”, т.е. несравненно более объективный, чем камень, прошибающий голову, или половое влечение, мутящее душу. Это надо не только сказать, а показать, так, чтобы обнаружилось все вывихи и извращения мнимого философствования и псевдорелигиозного словоблудия. Надо указать и показать, ad oculos, в противовес всем параноидизирующим антропософиям, истерическим православничаниям, субъективным шатаниям, игре в понятия и проблемы, что философия нуждается прежде всего в честности и смирении, и ещё, во что бы то ни стало, в душе, владеющей своими эмпирическими недугами»¹⁷⁶. И.А. Ильин считал, что «философ без духовного опыта — выдумщик и комбинатор в пустоте»¹⁷⁷.

В предисловии к швейцарскому изданию монографии «Философия Гегеля...» на немецком языке Ильин писал: «Я никогда не был гегельянцем. Однако существует возможность и соответствующая способность правильно осознавать акт чужого созерцания и размышления и встать на творческую позицию философа в такой мере, что начинаешь жить в ней и философствовать соответствующим образом: ощущаешь всё, как он ощущал, “видишь” то, что видел он, не произнося “аминь” над духовной очевидностью»¹⁷⁸. И.А. Ильин был уверен в предметности созерцательной способности Гегеля, потому что сам шёл подобным же путём метафизического познания предметности мира. Однако мыслитель предупреждает, что «необходима величайшая осторожность в подходе к своему собственному творческому акту: не дергайте себя, не нудьте; не кричите на себя, не разъедайте себя

---

¹⁷⁶ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 19.02.1915. [Т. 11]. С. 87.

¹⁷⁷ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 22.08.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 52–54.

¹⁷⁸ Гулыга А. Цит. по: Русская идея и её творцы. Путь к очевидности (Ильин). М., 1995. С. 238.

сомнениями. Мне кажется, что лучше молиться и слушать, как сама трава растёт»¹⁷⁹.

В одном из своих замечательных творений, Иван Александрович несколько лирично относит себя к «созерцающим поэтам», которые «уверены в том, что всё, сущее на земле и на небе, может быть узрено или услышано нами и что всё ждёт от нас изображения и истолкования»¹⁸⁰. «Я ведь совершенно серьёзно отношусь к пророчественности, — писал он И.С. Шмелёву, — но только дело здесь совсем не в предсказывании, когда кто ногу сломит или кто чем заболит, а в том, чтобы уходить в наличную глубину, из которой видны духовные пути грядущего. Это и есть разновидность подлинного метафизического опыта: и сколько раз в жизни я приходил к этому правилу, после того, как конкретно-эмпирический навоз заваливал мою душу, сглупу перерытый моим собственным пяточком»¹⁸¹. В лёгкой форме эссе философ описывает свой опыт созерцательности: «Я обращаюсь к облакам, я ухожу в их созерцание и утешаюсь. Со всем незаметно и неожиданно оказываешься в другом мире, живущем по иным законам и радостно принимающем тебя в свой состав... Великое зрелище. Щедрый дар. Небесная картина. Божия беседа и Божие утешение. Этот дар даётся нам для того, чтобы нам было куда спастись от этого перенапряжённого, замученного мира, с его злобою и тяготою, с его чрезмерными требованиями. Здесь нам открывается дверь в царство лёгкой безответственности и прекрасного безразличия»¹⁸².

---

¹⁷⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 21.03.1937. [Т.13. Кн. II]. С. 178–181.

¹⁸⁰ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 315.

¹⁸¹ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 14.09.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 63.

¹⁸² Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 258–259.

Свой путь к созерцательно-интуитивному методу Гегеля И.А. Ильин начинает вместе классиком — с разоблачения рационального мышления (как формы эмпирического и абстрактного восприятия окружающей действительности).

Первая ступень человеческого мироощущения — эмпирическое чувствование, основывается на непосредственном соприкосновении с окружающим миром вещей и явлений через органы чувств. Уже следующая ступень — мысленное обобщение окружающей действительности — требует от человека дополнительных психических усилий, действий ума. Более высокие ступени мировосприятия — определение взаимосвязи предметов мира и закономерностей явлений, логическое мышление, эстетическое восприятие окружающей действительности, этический выбор между добром и злом — требуют ещё большего напряжения душевных, физических, духовно-волевых, умственных сил. Эмпирическое чувствование, лежащее в основании восприятия окружающего мира, требует минимальных затрат, потому человеку, живущему в «эмпирической непосредственности», в «многообразии вещей» материального мира, легче остаться в «наивном состоянии души», отмечает И.А. Ильин¹⁸³.

Начало утверждения в Европе с IV в. Христианской Церкви как социального и нравственного института остановило процесс разложения римского общества, внося в общественную, культурную и духовную жизнь европейских народов волевое начало. Христианство вернуло человека к созерцательно-творческим основам бытия. Более чем тысячелетнее творческое развитие христианской цивилизации создало национально-культурные лики множества народов. Но уже в период позднего средневековья в западноевропейской цивилизации спадает накал религиозно-духовной жизни, западные народы начинают терять духовно-созерцательную основу своего мировосприятия, чувственность всё в большей

---

¹⁸³ *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 25.

степени занимает сознание людей. Чувственная культура становится всё более востребованной, вытесняя идеалы христианской культуры. Всё более становясь «потребителем» материальных благ (в т.ч. психически-комфортных благ новой культуры – чувственного искусства, литературы и т.д.), человек оскудевал как духовное существо с заданием совершенствования своего идеального, принадлежащего вечной душе состояния. Постепенно люди уверовали в свое преимущественно материальное бытие. К XVIII-XIX вв. рационально-гуманистические теории уводят мысль западного общества от понимания духовной сущности человека. Таким образом, Ильин приходит к выводу о коренном значении духовного фактора в процессе восприятия реальности и показывает последствия его искажения.

«Душа человека, – пишет Ильин, – пленяется тем, во что она верит»¹⁸⁴. В результате ослабления религиозно-духовного опыта ослабело и духовно-созерцательное восприятие мира. Потеря духовных оснований общественного сознания привела к секуляризации европейской научной мысли. Человек провозглашается «мерой всех вещей»: чувственно-эмпирический опыт утверждается как единственно объективный и реальный. Это приводит западную цивилизацию к абсолютизации формально-логического мышления, под активным напором которого рушится идеалистическое мироощущение. В конце концов, абсолютизация эмпирического мировосприятия приводит к тому, что, наблюдая эфемерность (невечность) и единичность конкретно-эмпирического, человек нового времени утрачивает сам предмет (смысл) бытия – вот причина его неверия, в т.ч. и в вечное бытие своего «я»¹⁸⁵.

Однако дальнейшее развитие формально-логического мышления, вместе с развитием естественных наук, приводит

---

¹⁸⁴ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 48.

¹⁸⁵ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 30.

учёный ум к пониманию недостаточности самого формально-логического мышления. Теперь уже развитие философии нового времени, времени господства формально-логического мышления, приводит к пониманию новых противоречий конкретно-эмпирического и абстрактно-логического. И философия, в её высшем выражении XIX в. — немецкой классической философии (Кант, Гегель) — остаётся на религиозно-идеалистической платформе.

Научной, философской мысли понятно, что непосредственная чувственность — чужда мысли: если мимолетные явления — «вихрь атомов конечного бытия» — принимаются за единственную (и высшую) реальность, то предмет мысли исчезает¹⁸⁶. Сознание не доходит до вопроса об укоренённости явлений конкретно-эмпирического. Теряется сознание абсолютной нереальности эмпирического мира, где каждое мгновение всё становится чем-то иным — эмпирический мир ни одной вещи не оставляет возможности вечного бытия. Это единичное неподвластно познанию, а «в мире дискретной эмпирии всё единично»¹⁸⁷. Пытающиеся мыслить в области конкретно-эмпирического (единичного) не могут дойти до сознания подлинного средоточия всех элементов, ибо конкретно-эмпирическое «лишено Разума и Духа», и в высшем смысле есть небытие¹⁸⁸.

Чувственное знание не даёт достаточной информации для выявления закономерностей и обобщений, и отсюда возникает необходимость абстрагироваться от конкретно-эмпирического, что и делает всякая наука. Потому уже эмпирические науки приучают мысль к абстракции, чем готовят поле деятельности для философского познания. Именно в философии, указывает Ильин, достигается высшая абстракция¹⁸⁹. Для философии конкретно-эмпирическое гибнет

---

¹⁸⁶ Там же. С. 30.

¹⁸⁷ Там же. С. 33.

¹⁸⁸ Там же. С. 35, 48.

¹⁸⁹ Там же. С. 37.

окончательно, т.к. в философии работает мысль, а она враждебна мимолётности конкретно-эмпирического: раскрывая «познавательное убожество» конкретно-эмпирического, она готовит катарсис истинного познания. Интеллектуальность процесса научного познания означает, что он протекает в области идеального: сознание уже не фиксируется на конкретно-эмпирическом, отрывается от него. В процессе научного познания мысль останавливается на одной стороне явления, отделяясь от других, и – начинается анализ, начинается «необходимая определённая в мышлении», невозможная в сфере эмпирической¹⁹⁰. Мысль деформирует конкретно-эмпирическое: абстракция оказывается неполнотой конкретно-эмпирического. Однако ценою такой неполноты (абстракции) сознание «покупает» мысленность и определённую¹⁹¹. Сводя многообразие конкретно-эмпирического к единству, мысль ищет то, что устойчиво. Но в материальном мире нет ничего устойчивого. И эмпирические науки, устанавливая на основе сходных явлений «научные законы», в этих законах как бы хотят показать сущность вещей и явлений. Но добытое таким образом аналитическое единство (научный закон) – понятие отвлечённое, не имеющееся в конкретно-эмпирическом. Имеет ли это аналитическое единство (научный закон) какое либо реальное содержание? Как конкретно-эмпирическое оно не реально, т.к. вневременно и внепространственно, указывает И.А. Ильин: оно просто, несложно, оно – самотождественно. Но из этих-то абстрактных, формальных, самотождественных понятий и «слагается корпус эмпирической науки»¹⁹². Фактически эмпирические науки изучают содержание «мыслимых единиц», науки философские – их форму. Причём эмпирические науки готовят основное орудие истинной философии – абстрактное мышление, уже в эм-

---

¹⁹⁰ Там же. С. 38.

¹⁹¹ Там же. С. 39.

¹⁹² Там же. С. 42.

пирических науках «душа отрывается от чувственной конкретности и научается жить в понятиях»¹⁹³.

Однако, отмечает Ильин, эмпирические науки, вырабатывая привычку к рассудочной мысли, параллельно создают и отрицательный фон – абсолютизацию рассудочной мысли, рационального опыта, что может привести к затмению зрения истинного Абсолюта, бытийной Реальности, ведения Божия¹⁹⁴. К тому же в эмпирических науках абстрактное – неживое и как одно из свойств чувственного мира единично (наподобие конкретно-эмпирического)¹⁹⁵. Эта абстракция, указывает Ильин, не имеет метафизического (абсолютного) бытия, в этом её незавершённости, неразумность и недуховность, потому она не может быть предметом истинного знания.

Наряду с конкретно-эмпирическим и абстрактным уровнями познания Ильин выделяет спекулятивный или интуитивно-созерцательный (художественно-созерцательный). Спекулятивная философия Гегеля, по его мнению, есть высшее выражение пути истинного научного познания. Созерцательное мышление проходит путь от ложной внешней объективности к «истинной объективности» – внутренней¹⁹⁶. Сочетая в созерцании абстрактное мышление с интуицией, исследователь касается предмета непосредственно, так, как это происходит в поэтическом и мистическом переживании: погружаясь в созерцаемый предмет, душа забывает о себе и живёт вне времени и пространства. Спекулятивная мысль пропитана работой воображения и не может быть понята логически-формальной мыслью: для спекулятивного мышления необходимы реальный душевный опыт и творческое воображение.

---

¹⁹³ Там же. С. 44.

¹⁹⁴ Там же. С. 53.

¹⁹⁵ Там же. С. 44, 46.

¹⁹⁶ Там же. С. 50. Первичная объективность мира эмпирических вещей ложна своей временностью, объективность естественнонаучных законов ложна неимением за собой конкретных явлений.

Первое же, что необходимо созерцательному мыслителю, отмечает Ильин, — «это смирение и способность к самоотвержению в познании... чтобы изолировать в душе нормальное пульсирование личных влечений и личного аффективного интереса от чистого объективного обстояния, имеющего обнаружиться в предмете»¹⁹⁷. Чувственно-вещественное, личное самочувствие нигде не должно заслонять Предмета¹⁹⁸.

Для того чтобы верно понять этот основополагающий пункт гегелевского учения, вскрывающий одно из самых кардинальных его прозрений и указующий исток всей его философии, необходимо, указывает Ильин, «отказаться от привычного созерцания предметов и обновить в себе специфический характер его видения» — «это необходимо выполнить по отношению к предмету, именуемому *человеческой психикой*»¹⁹⁹. «Сознание передаёт себя предмету», растворяется в нём, вмысливается в его сущность и предмет начинает господствовать в душе: в созерцательном мышлении происходит тождество субъекта и объекта²⁰⁰. Для созерцательного мышления необходимо «уничтожение» (забвение) сознания, т.к. его чувственность мешает, искажает познание. Мыслящая интуиция («сверхчувственное внутреннее созерцание») преодолевает психологизм и антропологизм, ликвидирует субъективность и, растворяясь в мыслимом содержании, непосредственно, бесчувственно воспринимает сущность объекта. Созерцательное забвение в мыслимом предмете Ильин уподобляет совпадению души с Богом в молитве²⁰¹. Но в религиозном отождествлении душа сохраняет ограниченную природу: отождествление происходит, как говорит Ильин, только «абсолютно-реальным составом», по

---

¹⁹⁷ Там же. С. 50. С. 52.

¹⁹⁸ *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. Т. II. Гл. 24. О смирении и трезвении. М., 2002. С. 114, 209.

¹⁹⁹ *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 364.

²⁰⁰ Там же. С. 55.

²⁰¹ Там же. С. 57.

причине чего сознание становится объективным²⁰². Мысль как мышление субъекта, тождественное смыслу объекта, — есть подлинный Предмет познания. Если имманентный мысли элемент сознания (исследователь Предмета) отрекается от чувственной субъективности и силой интуиции преодолевает психологизм, то этот элемент сознания (т.е. субъект, исследователь) становится реальной частью объекта, самого смысла, который сам себя мыслит, созерцает и познаёт: познание разворачивается внутри объекта, смысла, сознание оказывается не вне смысла, а в нём самом, как присущий ему элемент²⁰³. Нет другого объекта, происходит акт самопознания наподобие тому как человек обращает свою мысль на самого себя, познаёт своё «я». Здесь событие метафизическое, духовное, т.к. душа (элемент сознания) *срастворяется* Субстанции, Абсолюту, Предмету²⁰⁴. Такое сращение с Абсолютом, отмечает Ильин, каждый человек может осуществить только самостоятельно, в величайшем «уединении» и «погружении» в себя²⁰⁵. Но «для того, чтобы познать духовный предмет, необходимо самому духовно быть и организовывать в себе духовный опыт»²⁰⁶.

Мышление «общё человеку с Божеством» и оно «превращает душу в Дух»²⁰⁷. Из сферы души человек выходит в сво-

---

²⁰² Там же. С. 57. И.А. Ильин отрицает всякую чувственность в акте религиозного отождествления и предупреждает: из чувственности складывается ложная религиозность, то, что аскеты христианского Востока называют «прелестью». Там же. С. 60–61.

²⁰³ Там же. С. 56.

²⁰⁴ Здесь уместно будет вспомнить Евангельские слова: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне... Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут» (Евангелие от Иоанна. XV, 4, 7).

²⁰⁵ *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 363.

²⁰⁶ *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. III. О возрождении философского опыта // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 67–68.

²⁰⁷ *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 62.

бодную сферу мысли. Предмет находит себя в элементе сознания и мыслит себя им, ведёт его: способом существования души человека становится «самозабвенная жизнь в предмете», созерцательное мышление. Таков путь тождества субъекта с объектом, индивидуального сознания («элемента сознания») с предметом (предметом мысли): сознание (как живой процесс души) сливается в метафизическое единство с мыслимым предметом, а значит со смыслом, ибо смысл совпадает с предметом (как явлением абсолютной реальности). Слияние мышления и смысла образует «живой движущийся смысл»; при погружении мысли в предмет открывается некий смысл, неизвестный рационально-абстрактному мышлению.

И.А. Ильин говорит об образности созерцаемого смысла, необходимо сделать творческое усилие, чтобы «увидеть воображением то, о чём мыслит душа»²⁰⁸. Сращённые мышление и воображение имеют единый предмет и в этом предмете смысл совпадает с образом²⁰⁹. Здесь «мысль (т.е. мышление, тождественное смыслу) есть подлинный абсолютный “Предмет” познания; это есть объект (смысл), включивший... в себя субъект (мышление) и благодаря этому сам по себе обладающий способностью развернуть своё содержание в имманентном ему элементе сознания... Это есть смысл, или смысловое содержание, которое уже не кем-то мыслится, но само себя мыслит и само себя созерцает». И это не «методологический приём», подчёркивает Ильин, «но метафизическое, духовное событие»²¹⁰.

Смысл сам себя созерцает... Вот цель познающего духа, и потому «элемент сознания», не отвергаясь мысли, должен смирить свой рациональный ум («нет более “моей души”, есть только сам смысл, само понятие») и научиться молит-

---

²⁰⁸ Там же. С. 68.

²⁰⁹ Там же. С. 67. Здесь воспринятый образ есть смысл, говорит И.А. Ильин, так как образ отражает сущность самого предмета.

²¹⁰ Там же. С. 70.

ве²¹¹. А иначе, как человек может слить свой дух с духом познаваемого им Предмета, если он не будет признавать наличие этого Предмета как Абсолюта? Если человек не имеет опыта молитвы, то он не способен будет понять это ощущение Абсолюта. Молитва — беседа с Богом, стремление выйти с Ним навстречу. Понятие в спекулятивной философии становится «не только предметом для сознания», но и «предметом вместе с сознанием». Так древние аскеты Восточной Христианской церкви, опытные в безмолвном (молитвенно-созерцательном) делании, учат молиться с ощущением желания дать Св. Духу самому молиться в подвизающемся. Ощущения вневременности, которые встречаются у молящегося, недоступны рационалисту. Потому ему недоступен и предмет созерцательной мысли (и спекулятивной философии в целом), почему многие и не понимали Гегеля: одни усваивали его строгую логику созерцательных откровений через язык эмпирического логизма, другие, соблазнившись строгостью его логических построений, обвиняли философа в отсутствии религиозного духа. Сам строгий логик юридической школы, Ильин внял и логике, и религиозному духу Гегеля, чем преодолел барьер непонимания религиозной сущности спекулятивной мысли.

Поняв фрагментарность всего эмпирического (абсолютно всего), поняв относительность логических законов (их неполноту, незавершённую), честный исследователь должен будет искать основание для разума, для смысла существования, т.е. некий Абсолют, неподверженный изменению, т.е. разрушению, а значит внепространственный и вневременной. И уж если «познающий субъект» (т.е. человек) признает существование некоей почвы для укоренённости всего сущего, то он должен будет признать укоренённость и своего «я» в этом Абсолюте. Признав себя «элементом сознания» (Абсолютного Сознания), подчинить себя этому сознанию — и начинать открывать вместе с ним, под его водительством внутреннюю суть Абсолюта, Понятия. И вот Понятие уже «не только предмет для сознания,

---

²¹¹ Там же.

оно — предмет вместе с сознанием; оно само есть свой субъект и само есть свой объект»²¹². Здесь начинается новый строй жизни, новое бытие души: она «познаёт возможность восходить к “объективной” жизни»²¹³. В пределах души открывается новая сфера, позволяющая душе «отдавать себя подлинной жизни объективного, предмета и смысла»²¹⁴. Ощущение объективности есть ощущение Бога: человек удостоверяется в Боге, признаёт приоритет Его воли как благо и становится способным смирить мысль и идти уже в потоке не своего сознания, но сознания Абсолюта. Предмет ведёт моё сознание как своё и я познаю и Предмет (мир) и себя, как укоренённый в Предмете «элемент сознания». «“Идеальное” (внутреннее) оказывается более реальным, чем “реальное” (внешнее), — включает И.А. Ильин. — Внешние вещи, принимаемые наивными реалистами за подлинную реальность, лишены её; они суть только “субъективные явления”... Идеальное есть средоточие абсолютной реальности»²¹⁵. Мысль есть «первенствующая идеальная или духовная основа, интеллектуально-интуитивное, само себя творящее, метафизически-реальное начало», но первоначало «не субъективно-человеческое, а субъективно-объективное»²¹⁶.

И.А. Ильин говорит об объективности мысли и сознания, а значит и об объективности познания спекулятивным (интуитивно-созерцательного) метода, потому что здесь

---

²¹² Там же. Возникает этическая проблема доверия Предмету, «Абсолютному Сознанию». Религиозная вера есть, прежде всего, доверие своему Божеству. И здесь, в акте спекулятивного (созерцательного) познания, без такого доверия-веры не обойтись. Вот где необходимы и интуиция и этическое совершенство (чтобы не ошибиться в истинности Предмета).

²¹³ Там же. С. 71.

²¹⁴ Там же. С. 72.

²¹⁵ Там же. С. 73.

²¹⁶ Там же. С. 74. Обозначение мысли как идеальной имеет тот смысл, что она принадлежит не эмпирическому миру вещей, но миру внутреннему, душевному.

«смысловое содержание» «само себя мыслит, и само себя созерцает». Сознание, оказавшись в Предмете, отрекается от себя ради того, чтобы сам Предмет вёл его по пути своего самопознания. В интуитивно-созерцательном методе научного познания истины «есть только сам смысл, само Понятие», которое и предмет для сознания, и – предмет вместе с сознанием. Подчеркнём: Понятие «само есть свой субъект и само есть свой объект»²¹⁷. Но для достижения такого тождества субъекта и объекта необходимы, как уже было сказано, глубокие изменения в метафизическом строении и характере самодеятельного и самосознающего понятия, личного сознания. Этот метафизический акт близок религиозному акту молитвенного единения творения с Творцом. Рассматривая процесс познания чисто эмпирически, субъект отрывается от предмета познания пространственно, как инобытие. Но растворяя своё сознание в испытываемом Предмете (в этом задача и путь спекулятивной, созерцательно-интуитивной философии и методологии), нужно через свой внутренний мир узреть объективную жизнь Понятия. Осознав человеческую душу как «способ существования» Понятия, должно понимать, что мыслимое Понятие вовсе не рабствует человеческому сознанию: «Понятие есть сама себя мыслящая (созерцающая) духовность, и тем самым сама себя изнутри творящая сила»²¹⁸. Понятие объективно существует и осуществляет в себе всякое бытие. Сама человеческая душа есть проявление Понятия. Созерцающий рассудок (творческая мысль) оказывается самостоятельным сверхчеловеческим началом, самим Понятием, самим смыслом, и самой реальностью, входя в состав познаваемого бытия. Укоренённая в сверхчеловеческом мысль оказывается «себя мыслящим смыслом», одновременно и субъектом и объектом познания²¹⁹. И.А. Ильин определяет «всеобщность мысли»: «По-

---

²¹⁷ Там же. С. 70.

²¹⁸ Там же. С. 85.

²¹⁹ Там же. С. 84, 89. «Подобно акту самопознания, – пишет И.А.

нятие мыслит себя само; это значит всеобщее обращено само на себя,... “рефлексия” на себя»²²⁰.

Как же тогда решается соотношение всеобщности и единичности при их тождественности? Ответ Ильина таков: «Единичное входит во всеобщее как его живая часть, а всеобщее входит в единичное как его живая сущность»²²¹. Сущность растворена в своих единичных явлениях. И всеобщее и единичное есть духовные величины и субстанциальные реальности. Они – живые смыслы. Истина, говорит Ильин, именно в этом «взаимопроникающем единстве всеобщего и единичного»: «идеально-реальная всеобщность создаёт и охватывает идеально-реальную единичность»²²². Ошибка абстрактного сознания в том, что оно отделяет себя от объекта и в своих абстрактных понятиях не видит реальности (абстрактная пустота). В созерцающем сознании мысль не отделена от реальности, понятие от явления. Ильин указывает, что и во всеобщности обнаруживается та же абстрактная пустота, если она отрывается от единичного и особенного²²³. Но в созерцательном сознании всеобщность неотрывна от конкретности.

Итак, Абсолют открыт для созерцающего сознания (спекулятивной философии), и потому «познание не оторвано от Абсолютного»²²⁴. Объект (как «предмет» познания, как смысл, который надо познать) включает в себя субъект (как мышление) и благодаря этому разворачивает своё содержание в имманентном ему «элементе сознания». Предмет развёртывается в сознании и абсолютное становится познавае-

---

Ильин, – “понятие” как таковое пребывает неизменно в состоянии обращения на себя». Т.е. обнаруживается тождество объекта и субъекта. Там же. С. 71.

²²⁰ Там же. С. 94.

²²¹ Там же. С. 95.

²²² Там же. С. 96.

²²³ Там же. С. 97.

²²⁴ Там же. С. 70.

мым²²⁵. И.А. Ильин признаёт Предмет не трансцендентным сознанию: как смысл он присущ (имманентен) мышлению и перед созерцательной мыслью ставится задача — познать абсолютное (до возможных пределов). Более того, Ильин даёт ясное указание, что сам Предмет (познаваемая мышлением субстанция) разворачивается в сознании, в результате чего созерцающая мысль познаёт абсолютное²²⁶. Таков путь познания самого Ильина, осознающего идеально-духовные истоки человеческого сознания и укоренённость индивидуального «элемента сознания» в абсолютной субстанции, т.е. в Божественной Реальности. Учёный глубоко утвердился в сознании невозможности познания истины вне духовного опыта²²⁷. Неизбежно заблуждение самого гениального ума, если он не утверждает себя на верном основании: неверное укоренение производит и неверный плод. Первейшая задача исследователя — определиться с верным пониманием бытия предмета исследования и принципами его развития.

Духовно-субстанциональное укоренение личности — во все не новация Ильина. Вся свою многотысячелетнюю историю, вплоть до нового времени, человечество включало сферу идеальных, духовно-религиозных переживаний в состав реального бытия. Для Ильина объективность идеального Предмета безусловно реальна, ибо в нём он утверждает свой познающий разум и из переживаний Предмета выводит свои научные умозаключения. Опираясь на Гегеля, Ильин говорит о возможности и необходимости возврата мышления от беспочвенного рационализма, пытающегося утвердиться на формально-логических выводах и соприкасающегося только с миром эмпирического ума, к его естественному созерцательно-интуитивному состоянию. Религиозное мышление базируется вовсе не на галлюцинациях своих «внутренних видений», но на реальном утверждении

---

²²⁵ Там же. С. 69—70.

²²⁶ Там же. С. 69.

²²⁷ В этом нас убеждает и другое фундаментальное исследование И.А. Ильина — «Аксиомы религиозного опыта».

индивидуального сознания в сфере абсолютного сознания, вневременно-пространственной субстанции, Предмете, дающем понятию возможность существования (в эмпирическом мире понятие должно исчезнуть как «реально не существующее»). Религиозное сознание вовсе не «отвергается уму», но утверждается на уме высшего порядка. В обществе, утвердившем рационалистический метод познания критерием познания вообще, отрицают иные пути поиска реальности. Но тот же рационалистический метод мышления не объясняет себе идеалистические истоки самих логических понятий, их утверждение в мысли. А если в самой мысли есть более глубокие корни? Ведь в обращении мысли на самую себя нет никакой иной чувственной (эмпирической) реальности, есть только идеальное бытие некоей «мыслящей души». Как объяснить это последовательному рационалисту? Во внутреннем обращении мысли на себя открывается возможность, пишет Ильин, выхода к абсолютному бытию²²⁸. Открывая иную – не внешне-эмпирическую – реальность во внутреннем мыслительном опыте, сознание, тем самым, «уводит душу в сферу Духа», преодолевается бездна между «внешним» и «внутренним», индивидуально-единичным и Абсолютным²²⁹.

Вслед за Гегелем Ильин показывает, что диалектика есть жизнь и метод Понятия²³⁰. Диалектическое движение есть движение самого Понятия, которое непрестанно становится во внутренние противоречия для разделения на новые понятия. Абстрактное всеобщее, самоопределяясь, отрицает своё «мертвенное содержание» и вступает на «путь самодеятельности»²³¹. Ильин называет это «первой негацией» (самоотрицанием). Творческая сила «истинного всеобщего» делит понятие на противоположности. При этом сохраняется полнота всеобщего, т.к. оно самодостаточно. Но оно становится «определённым»

---

²²⁸ Там же. С. 81.

²²⁹ Там же. С. 81.

²³⁰ Там же. С. 115–117.

²³¹ Там же. С. 98.

или «особенным»²³². Особенное как ветвь дерева, которая не может существовать вне ствола (всеобщего): «особенное входит во всеобщее как его живая часть»²³³. Особенности отличны друг от друга, но не от всеобщности: они представляют всеобщность свою спецификой. Все особенности содержат в себе всеобщность как свою сущность. Они — атрибуты всеобщности. Всеобщность — их общая живая ткань, субстанция особенностей.

В особенном всеобщность совершает своё второе отрицание (негацию): в результате возникает единичность, единичное понятие. Необходимым условием бытия в сфере единичного является дифференциация: «единичное есть начало индивидуальности»²³⁴. Здесь понятие ведёт многообразно-раздельную жизнь. При всём богатстве единичности определениями и содержаниями, истинную внутреннюю сущность её можно познать только в связи: (а) «с высшими ступенями особенного и всеобщего» и (б) «с соседними единичными образованиями» (как проявлениями той же всеобщности и определённости)²³⁵. И.А. Ильин выстраивает бытийный ряд: всеобщее — особенное — единичное²³⁶. Эти три ступени бытия образуют единое целое — Понятие («пятое воедино»)²³⁷.

Единичное получает свои свойства от присутствия в нём всеобщего, индивидуальное — от субстанциального, лич-

---

²³² Там же. С. 99. Это «особенное» не исключается и не может быть исключённым из всеобщего: определение происходит в пределах всеобщего.

²³³ Там же. С. 100.

²³⁴ Там же. С. 102.

²³⁵ Там же. С. 103.

²³⁶ Другие определения этих трёх категорий бытийного ряда, встречающиеся у И.А. Ильина: 1) всеобщее, абсолют, род, понятие, тотальность/целокупность (живых смыслов, мысленных определений), органическая тотальность, абсолютная субстанция, великое спекулятивное целое, единый смысл (всех определений), конкретное единство; 2) особенное, вид, определение, качество; 3) единичное, конкретность, личность, особь (понятие как единичность).

²³⁷ Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека*. С. 108.

ность — от Абсолюта. «Единичное проникнуто всеобщим» (всеобщее — «живая внутренняя сущность единичного»), «всеобщее проникнуто единичным» (единичное — «живая часть всеобщего»): «так ветки и листья составляют дерево и сами получают от него свои существенные соки»²³⁸. Потому противопоставление всеобщего и единичного — не имеет смысла, а понимание всеобщего приводит к пониманию единичного. Всеобщность сообщает единичности свои свойства саморефлексии, поэтому оно имеет творческое, самодеятельное начало. И эта самодеятельность, «движущаяся к обогащению себя новыми определениями, есть принцип и сущность всякой жизни»²³⁹. Чтобы познать свою сущность единичность должна отринуть свою отделённость, отвергнуться себя, понять себя фрагментом, органом смысловой субстанции. Это будет путь к Абсолюту, к Духу²⁴⁰. Одухотворяя себя сознанием единства с родовой тотальностью, индивидуальность познаёт её сущность, а значит, и свою, как проявление этой субстанции.

Снимается противоречие между историческим бытием эмпирически-конкретного единичного и абстрактного особенного. Конкретное получает бытие как конкретно-спекулятивное. Отсюда вытекает важный вывод о способности единичного, конкретного к историческому бытию. Это в свою очередь помогает понять культурно-историческую концепцию Ильина. Проявление всеобщего (Абсолюта) в единичном обнаруживается в действии «свободных от материальности» сил: а) в сфере природы — в действии физических законов (напр., тяготения); б) в сфере духа — в нравах, разумных представлениях, общественных законах. Эти нематериальные силы проявляются только на ступени, на уровне единичного, т.е. материального, эмпирического мира вещей и «все вместе в качестве “особых всеобщностей” несут в себе

---

²³⁸ Там же. С. 104.

²³⁹ Там же. С. 105.

²⁴⁰ Там же. С. 107.

дыхание единого духа, единой всеобщей субстанции»²⁴¹. Абсолют, дающий единичностям бытие относится к этому «инобытию» единичностей как к себе, ибо даёт ему свою сущность²⁴².

Так И.А. Ильиным обнаруживается важная для познания сущности метафизического и социального бытия деталь. Узрев тождество всеобщего и единичного, спекулятивная наука «раскрывает сущность космического и, в частности, социально-политического обстояния»: «Бог есть Всеобщее, а фрагменты мира единичны; и государство есть Всеобщее, а человеческая личность единична»²⁴³. Метафизическая (онтологическая, бытийная, абсолютная) полнота личности проявляется только в Совершенном Абсолюте, в Боге, а полнота социальная — в государстве. С этих позиций ясным становится не только смысл диалектического процесса истории, но оправдывается религиозная вера и национальный, государственный патриотизм. Как в богообщении личность ощущает абсолютную ценность своего бытия, так в патриотическом чувстве, т.е. в любви к родовому началу — свою социальную и культурную (духовно-творческую) значимость и ценность.

Таким образом, Ильину близко гегелевское понимание истории как объективации смыслов, их конкретно-историческая реализация с целью разоблачения перед Лицом Божиим всех возможных потенций общественного, человеческого развития. В таком свете понимания истории Ильин и строит свою концепцию исторического и духовно-культурного бытия, излагает причины эпохальных событий, видит перспективы цивилизационного развития. Укореняясь в духов-

---

²⁴¹ Там же. С. 110.

²⁴² Там же. С. 111. И.А. Ильин пишет о любви Абсолюта к инобытию, к тем единичностям, которым он даёт свою сущность, и тем самым даёт обоснование своим культурологическим идеям о необходимости укоренения творческого акта в духе, который укрепляет художника в главной творческой силе — любви.

²⁴³ *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 106.

ном видении человека и творимой им культуры, он «созерцает Божественный план в истории»²⁴⁴.

Глава 28. Путь духа

Мыслитель ясно понимал, что «мы присутствуем на великом суде Божиим», поэтому ему «необходимо не предвидение мраков, которым, может быть, и не суждено наступить; а бесстрашие и спокойствие, и зоркое глядение в события»²⁴⁵.

Иван Александрович обладал живой верой, что прослеживается на протяжении всей его жизни. В 1913 г. он удивлялся сестре, что у той «недостаёт некоторой решительности религиозно видеть и верить»²⁴⁶. Гонимый, он пишет в 1930 г.: «Я не верю в то, что жизнь строится случайностями... События я воспринимаю в плане религиозном. Тот всеблагий перст, который я столько раз благодарно и трепетно осязал в моей жизни — лучше ведаёт, что мне нужно и чего мне не нужно. Как могу я роптать? я твёрдо знаю и двадцать раз проверил одно: когда я служу из последних сил и до последних сил, — то остальное Он всегда устраивал на путях, неожиданных для меня и незаслуженно милостивых»²⁴⁷. Вера мыслителя не была отвлечённым «философствованием», он безусловно верил, что «не кончается наша жизнь здесь. Уходит туда. И “там” реальнее здешнего. Это “там” — земному глазу не видно. Есть особое внутреннее, нечувственное видение, видение сердца; то самое, которым мы воспринимаем и постигаем все лучи Божии и все Его веяния. Нам не следует хотеть ви-

²⁴⁴ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Кн. II. С. 161.

²⁴⁵ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 10.03.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 285–287.

²⁴⁶ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 11.01.1913. [Т. 11]. С. 77.

²⁴⁷ Ильин И.А. Письмо к Н.Н. Крамарж, осень 1930 г. С. 288.

деть эти лучи и веяния — земными чувствами; это неверно, это была бы галлюцинация. Но мы должны учиться видеть сердцем, — уже здесь, и Господа, и тех светлых, которых Он отозвал к Себе. Из этого видения... рождается единственное и великое утешение; рождается созерцание, ради которого можно и должно жить на свете»²⁴⁸. «Господь не химера. Он реальнее всех нас. И мы есьмы только через *Него*. Это надо видеть. Но видеть это нам не всегда по силам. Увидеть пустоту и отчаяние богоотрицающего акта и показать его другим — есть акт *Бого-исповеднический!* Ибо Бог видится не только своим *присутствием* в душе святого и героя, но Он показывает себя и в отсутствии своём, через это самое отсутствие»²⁴⁹.

Он воспринимал «чудо» «с лёгкостью и простотою»: «...не потому, что отмечаю его чудесность, а потому, что испытываю его чудесность как духовную естественность. Это так же, как помогающая, спасающая молитва. Это так же, как реальность Бога и иных из Его “способа быть” излучающихся сил. Может быть, икона где-нибудь и не обновилась. Но, что она может сама обновиться, в этом моё созерцание ни малейшего преткновения не испытывает»²⁵⁰. «Мы должны *принимать* это, спускающееся в воронках к нам из того мира в этот, “Реальное” — *опытом*, не требуя сразу: “карты на стол” “объясняй всё до конца”. Здесь *не в объяснении* дело, а в *удобопредставимости*, которая даётся *опытом*. Вы выговариваете закон потустороннего бытия — “нет времени, всё сразу”, нет пространства, всё вместе и рядом; *это так и есть*. И я это *почти* вижу. В сновидениях во всяком случае осязаю ясно. И ещё другие законы: “узнаю, не разумею, что *узнал*”; “осязаю дух духом, не

---

²⁴⁸ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 28.08.1936. [Т. 13. Кн. II]. С. 158.

²⁴⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 10.10.1938. [Т. 13. Кн. II]. С. 236.

²⁵⁰ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 19.04.1937. [Т. 13. Кн. II]. С. 188.

осознав ещё, что осязал”; “знаю бессловесно — кто и что — а ни сознанием, ни именем не постиг”»²⁵¹.

Но это была и «разумная» вера. Он пенял И.С. Шмелёву, отвергавшему разумность веры: «После каждого из этих писем, буйно вдохновенных, к нам приходил Разум, “чесал в затылке” и жаловался на полученные от Вас мимоходом “затрешины”. Об “искусстве Богопознания” — у Вас великолепно... Но веру “сверхлогичную”, “вверх ногами” — мы оба совсем не видим; и “безумием” её совсем не считаем. Апостол Павел был еврей, еврейский рационалист, “конструировавший” и рассуждавший. У него “ум” был *отнюдь* не тем, чем он был у Апостола Иоанна, Иакова, Петра; у Антония Великого, Макария Великого, у Исаака и Ефрема Сирина и др. *Эти* шли *от сердечного созерцания* и поэтому писали и говорили, что ум обретается в сердце, что разум *предшествует* вере (sic! sic!!), что разум есть *сущность* сердца и души. И у Вас в письмах об этом *превосходно!* Но насчёт “вверх ногами” — это *затрешина*, и я жалобы Разума принял к сердцу»²⁵².

Понятие созерцательности веры у мыслителя связано все не с отрицанием разумности, а с внутренне-разумным поиском Совершенства, когда ум и сердце человека вместе тоскуют и ищут его как естественную необходимость Бытия: «Кто ищет Бога, тот должен влюблённо хотеть совершенства, созерцать из горящего сердца, жить совестью и подчинить всему этому своё нечувственное воображение. Человек, тупикующий в конструктивном понимании, Бога не найдёт. Бог не выдумывается, не выкомбинировывается, не гипотезируется в “бесконечности”, не исчисляется — а любит, любовью видится, совестною любовью осуществляется»²⁵³.

---

²⁵¹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 16.03.1939. [Т. 13. Кн. II].

С. 261.

²⁵² Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 11.04.1946. [Т. 13. Кн. II].

С. 414.

²⁵³ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 29.01.1947. [Т. 3. Кн. III].

С. 20.

Но веру философов-выдумщиков И.А. Ильин отрицает. «Не постигаю Вашего интереса к Булгакову, – удивляется он И.С. Шмелёву. – Не дай Бог никому так “уверовать”, как он. Был резонёр-выдумщик с Фёдоро-Карамазовским уклоном, таким и остался... Всё это волна безответственной выдумки от неверия и религиозной слепоты – Розанов – Мережковский – В. Иванов (выкрест) – Булгаков – Бердяев. Всё это “рыба завоняла с головы”, “большевизм” до большевизма – Белый, Блок и Ремизов где-то у них в ногах шныряли. “Булгаковед” – “Бердяеволог” – “Ивановогност” – “Мережковскофилолог” – “Розановомикроскопист” – “Блокогистолог”... Бедная, бедная моя Россия!... Вы уже давно вошли туда, где из этих словоблудов никто и не бывал! Э-эх!... Все эти люди – неумевшие отличить духа от пола, молитвы от оргазма, вдохновения от соблазна, созерцания от выдумки, ответственности от кокетства. По-ме-лом их! Брандспойтом! Дезинфекция, дезинсекция, дератизация! Что – они – Вам?! “Э, дяденька”, сказал мне один опытный грибоискатель, “что же Вы поганок-то набрали?”»²⁵⁴. И.С. Шмелёв отвечал: «О Булгакове и Ко – вполне согласен с Вами, и не тянусь к нему и Ко. А мне надо нащупывать, как все же он продирался... Было не уверование, а домышление веры... и умственные “прыжки над бездной”. Я знаю... сердцем... что “вера” приходит – озарением Милостию Божией. Для “детей сердцем”»²⁵⁵.

Религиозная обрядность первоначально не имела для Ивана Александровича большого значения, но с годами он всё более утверждался в её смысле. Да, «обряд не выше созерцания; а созерцание не есть физический акт»²⁵⁶. Но он в земном

---

²⁵⁴ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 11.02.1947. [Т. 13. Кн. III]. С. 35–36.

²⁵⁵ *Ильин И.А.* Письмо к И.А.Ильину 18.02.1947. [Т. 13. Кн. III]. С. 39–40.

²⁵⁶ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 21.03.1937. [Т.13. Кн. II]. С.178–181.

существовании человека так же необходим, как инстинкт: «Это неверно: долой инстинкт, давай дух! Надо *принять* инстинкт, *простить* инстинкт и *влюбить его в Божьи лучи!* А это дело — или индивидуальное, или долго-медленное. Не грозите здоровому инстинкту катастрофой, это неверно и незаслуженно. Это соблазн радикального интеллектуализма. Я не пошлость защищаю, а максимализм отвожжу»²⁵⁷. Иван Александрович говорил и о «богосозерцании в природе»: «Слепы те, кто... не понимает того, что природа несёт нам *откровение божественное*»²⁵⁸.

Начатую в 1919 г. «Философию религии», вылившуюся в объёмный труд «Аксиомы религиозного опыта», мыслитель заканчивает к концу жизни. «Моя философия религии движается. Пишу семнадцатую главу, — делится он с И.С. Шмелёвым в 1948 г. — Но это не о Боге, а о человеческом акте. Это не теология религиозного Предмета, а скромная педагогика религиозной души. Это белибердяевым удавалось подслушивать, что говорил Бог, когда ничего не было; а я искони был беспомощный дверестучатель, не “тео-соф” (не люблю я их!), а “тео-мор” (от греч. морос — глупец). Вся моя философия в духе Сократа... Всё в Божией руке и Божией Милости. На обороте прилагаю приблизительный список глав в Аксиомах религиозного опыта. Вы сразу разочаруетесь: никаких догматических выдумок (а la булгаков), никаких белибердяевских откровений... Словом — о методе (путь к цели, верная дорога)»²⁵⁹. В письме к архимандриту Константину (Зайцеву), с которым Ильин сблизился в переписке в послевоенные годы, философ отмечает: «Я не пишу о *Догматах*, ибо они приняты мною в Никео-Цареградском

---

²⁵⁷ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 07.01.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 224–225.

²⁵⁸ Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 221, 222.

²⁵⁹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 01.04.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 298–299.

составе; а “неодогматику” гг. Булгакова, Бердяева и других я искони относил к их сомнению и глупости. Я пишу об *Акте*: как *должен* сложиться акт веры в душе современно-го человека, всё растратившего и оскудевшего. Ибо если он *так* сложится в любой душе, уже конфессиональной или неверующей, то акт этот *приведёт его к священному естеству Православия*»²⁶⁰.

И вот, после тридцать лет труда: «Окончил “Аксиомы религиозного опыта”, 26 глав, около 700 печатных страниц», — удовлетворённо сообщает мыслитель И.С. Шмелёву 4 августа 1949 г. — Рвусь дальше»²⁶¹. Однако издать книгу было весьма не просто, что и описывает Иван Александрович писателю: «Печатание моих произведений — есть дело очень трудное и очень сложное. Почему? Тому следуют пункты.

1) В церковных издательствах (Мюнхен, Жорданвиль) сидят сами писатели и нуждаются в книгах полемических (напр., книги Михаила Польского, Кирилла Зайцева и т.п.). Один Нафанаил чреват потоком...

2) К Гукасову я с самого начала вовсе не хотел обращаться, зная хорошо 1) его самого, 2) ту пощёчину, которую он получил в *Наших Задачах* (№ 50 “Искажение русской истории” — опровержение гнусной статьи Нольде, помещённой Тхоржевским и Гукасовым в *Возрождении* №1; Гукасов при встрече с издателем *Наших Задач* — вызывающе спросил: “Вы что, ссориться с нами хотите?!” — чем и расписался в получении оной пощёчины).

3) Такого же унижения я жду и от УМСА. На сей раз меня уговаривают: Владыка Анастасий, И.С. Шмелёв и Вл.П. Рябушинский»²⁶².

---

²⁶⁰ Ильин И.А. Письмо к Архимандриту Константину 10.10.1951 // *Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954)*. [Т.12]. С. 160–161.

²⁶¹ Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 04.08.1949. [Т.13. Кн. III]. С. 397–398.

²⁶² Ильин И.А. Письмо к И.С.Шмелёву 25.03.1950. [Т.13. Кн. III]. С. 420.

Книга была издана лишь благодаря помощи В.П. Рябушинского, уже не имевшего того состояния, что были у его предков в дореволюционной России: в изгнании он зарабатывал своими антикварными познаниями. Но тем не менее, уже почти слепой старик, прочитав рукопись Ильина, собрал все возможные средства и передал на напечатание книги. Как обычно, великий труд русской мысли был издан не богатым меценатом, но подвижником благочестия.

В предисловии к своему труду мыслитель пишет: «Я долго вынашивал эту книгу, годами и десятилетиями, предпочитая не торопиться с её опубликованием, но снова и снова удостовериться в верности найденных и формулируемых основ религиозного опыта, и прежде всего — желая проверить и перепроверить свой собственный религиозный акт и его содержания, ибо философия обязывает больше, чем какая-нибудь другая наука, очищать и проверять орган своего предметного восприятия и строго взыскивать с себя за высказываемые слова и излагаемые описания. И ныне, когда я закончил эту книгу, отнюдь не исчерпав предмета (ибо кто же и когда исчерпает его?), я расстаюсь с ней в уверенности, что с моими описаниями и формулами не согласятся только люди иного религиозного акта, которым остаётся только пожелать, чтобы они поняли основание нашего расхождения»²⁶³.

Размышляя о причинах, заставивших взяться за этот труд, мыслитель отмечает, что почти каждый из теологов «считает свой собственный религиозный акт — естественным и истинным, единственно возможным, “священным” и не нуждающимся ни в каком совершенствовании или обновлении и что... ему остаётся только учить других тому, что он намыслил; прочие же, несогласные с ним теологи — находятся в “печальном заблуждении” или в “невежестве и ереси”... Отсюда взаимное непонимание, и даже вражда». «Из этого

---

²⁶³ Ильин И.А. Собр. соч. Аксиомы религиозного опыта. Т. II. С. 297.

“смешения языков” не выведут их никакие догматические споры, никакая богословская “спекуляция”, “диалектика” и “конструкция”. Ибо прежде всего необходимо договориться о религиозном акте, о его строении и о его аксиомах. Именно этому я и посвятил своё исследование, — выяснению аксиоматических основ религиозного опыта и религиозного акта»²⁶⁴. «Я посвятил моё исследование той стороне религии, которая большинством верующих, и особенно большинством теологов, оставляется без внимания, и притом потому, что она “подразумевается” ими, как имеющаяся у них, как несомненно-достоверная и не подлежащая обсуждению. Именно потому она не рассматривается ими, не проверяется, не выговаривается и не культивируется. Каждый из них считает с самого начала, что он “умеет веровать”, и что то, что ему передано в детстве и подтверждено его пастырем и академией — есть сущая истина. Религиозный акт осуществляется (или не осуществляется) подавляющим большинством людей в том виде, как он у них сложился “сам”. И потому он не проверяется, и не удостоверяется, и не совершенствуется, хотя на самом деле именно он составляет сущую живую основу веры и религиозности, а потому и предрешает содержание самой веры. Но именно вследствие этой наивной уверенности и этого замалчивания — религиозный акт “выдыхается” и “вырождается”. Оставленный без внимания, как якобы несомненно-достоверный и неоспоримый, он ведёт людей к самонению и религиозной гордыне, угашает в них общеобязательные для всякого верующего смирение и трезвение и приводит людей различных религий и исповеданий — к взаимному непониманию, к вражде и даже презрению»²⁶⁵.

Как пишет сам И.А. Ильин, «в этом исследовании я *не* пытаюсь раскрыть религиозный акт Православия во всём его богатстве и своеобразии: я ограничиваюсь формулированием аксиом религиозной веры, наиболее совершенно осу-

---

²⁶⁴ Там же. С. 298–299.

²⁶⁵ Там же. С. 297–298.

ществляемых именно в Православной вере. Я не ставил себе задачей дать догматическую апологию, изложить учение о каждом таинстве в отдельности, проследить «Лето Господне» в двенадесятых празднествах, описать молитвенное богатство Православной Церкви, обосновать почитание Богоматери и святых, показать своеобразие обряда, богатство храмового зодчества, сокровища иконописи, зовы и ликование звонов, мудрость канонов и творческую силу старчества. Всё это действительно входит в акт православной религиозности. Но я не мог объять всё это дивное обилие. Для этого мне нужна была бы ещё одна жизнь, а не только та, которая ныне клонится к закату. Я исследовал только аксиоматические основы религиозного акта; а всё указанное сделают другие, чтобы показать неосведомлённым иноземцам и иноверцам подлинный лик восточного Православия. И ни по одному вопросу, затронутому в моём исследовании, у меня нет чувства, что я высказал всё то, что я испытываю и созерцаю в Предмете. Напротив, у меня всегда оставалось и остаётся чувство, что я только начал, что глубина и сложность Предмета неисчерпаемы и что они требуют и от меня, и от других ещё великих очистительных и познавательных усилий»²⁶⁶.

Глава 29.

Грядущая Россия

«**Н**ам надо жить не эмигрантщиной и не ближайшей злобой дня. Надо уйти в ту глубину России, которая чревата будущим... Уходить в наличную глубину, из которой видны духовные пути грядущего»²⁶⁷, — так думал

---

²⁶⁶ Там же. С. 299–300.

²⁶⁷ *Ильин И.А.* Письмо к И.С. Шмелёву 14.09.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 63.

Ильин, наблюдая разномыслие и интриги эмиграции, её неспособность объединиться во имя будущего России. Главной задачей мыслящих русских людей он считал «зоркое глядение в события»²⁶⁸, «внимательное изучение процессов, происходящих внутри России»²⁶⁹.

Однако мыслитель видит, что эмигрантская «пресса почти сплошь лишена руководящей мысли, способности выделить главное, объяснить неясное, формулировать новые, поставленные историей проблемы, наметить основные задачи эмиграции, указать ей верные точки для приложения сил и содействовать обновлению духа в эмиграции»²⁷⁰. «Моя же судьба такая, — пишет он в 1951 г., — что я своих детей рожаю, а мой народ их не принимает, и чужие народы их не хотят. Всё, что написано по-русски и переведено на английский и итальянский — безнадежно лежит. И я начинаю мириться с тем, что уйду, завещая мои книги Богу и России»²⁷¹. «Мириться» для Ильина вовсе не значило отстраниться, он лишь скорбно понимал, что в земной жизни ему уже не удастся узреть грядущее обновление России. Ум же его, погружённый в любящее сердце, не переставал трудиться до последнего земного вздоха на благо будущего Отечества.

Охватить большую русскую аудиторию личным общением не было возможности, а драгоценное время уходило. Поэтому, мыслитель ставит себе задачу письменного изложения основных проблем российской цивилизации в их исторической перспективе для будущих русских поколений. И в 1948 г. Ильин становится «диктатором собственного ответ-

---

²⁶⁸ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 10.03.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 285.

²⁶⁹ *Ильин И.А.* Что может делать эмиграция // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 16.

²⁷⁰ *Ильин И.А.* Эмигрантская пресса // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 17.

²⁷¹ *Ильин И.А.* Письмо к М.А. Дерюгиной 11.11.1951. [Т. 12]. С. 175.

ственного творчества»²⁷²: в течение нескольких лет, вплоть до своей кончины, он регулярно издаёт, пишет и распространяет статьи-бюллетени с анализом русской истории и культуры, о национальном духе, его преимуществах и недостатках, об исторических ошибках и путях их преодоления в деле грядущего возрождения Великой России. В историю русской мысли эти статьи вошли в виде сборника «Наши задачи». «О строительстве грядущей России, о причинах революции, о новых русских политических формах — я не нахожу за 35 лет моего изгнания из России (а я не беженец и не эмигрант), нигде, ничего. Почему Россия рухнула, как она восстановится, что нам делать для этого, что было бы верно на 25 лет и на века — вот о чём думают Наши Задачи»²⁷³.

Работа задумывалась как научно обоснованная и доступная в изложении, не уклоняющаяся от тяжёлых, «неудобных» вопросов и лишённая партийной принадлежности. В общем можно сказать, что учёный стал методично писать в уже отработанной им форме небольших статей большой труд по истории русского народа, его культуры и государства, стремясь к постижению дальнейшего пути национально-государственного развития России. Читая «Наши задачи», надо помнить, что Ильин весьма серьёзно и ответственно относился к каждому написанному слову: «За исключением личных писем к приятелям я всё пишу в лупу, как часовщик. Взвешивается не только самое слово и его оттенок, но и возможные, вероятные, неизбежные ассоциации у читателя. Шлифую и выбрасываю. С чувством ответственности за всё. Бурлящее негодование сдерживается: блюдётся мера сатирического безвкусица (ибо сатира неизбежно несколько карикатурит, преувеличивает и безкусничает!). Всея ладонью ударяю только там по столу,

---

²⁷² Ильин И.А. Письмо к С.П. Мельгунову 13.03.1948. [Т. 12]. С. 104–105.

²⁷³ Ильин И.А. Письмо к В.Я. Баумгартнеру 07.10.1953. [Т.12]. С. 238.

где необходимо вскрыть сатанинскую безмерность зла»²⁷⁴. И.А. Ильина очень беспокоило и то, что «в наше слепое время люди думают: всё, что против коммунистов, всё хорошо. Но вот поднимается чёрное на красное, растление справа на растление слева — и мы опять будем задыхаться»²⁷⁵.

Можно сказать, что вместе с другими трудами по русской истории «Наши задачи» писались русским мыслителем для «верной передачи духа национального воспитания»²⁷⁶. Мыслитель предупреждает будущих воспитателей новой России, её лидеров: «Когда мы размышляем об исторических путях и судьбах России и особенно о её будущем, то мы должны иметь в виду прежде всего размеры и своеобразие переживаемого ею крушения, его глубину и сложность. Поистине наше положение беспрецедентно в истории человечества, и ни одна из известных иноземных революций не даёт нам никаких сколько-нибудь глубоких аналогий. ...Ни один народ в мире не имел и не имеет ни такой территории, ни такого национального состава, ни такой истории, как Россия. У нас своя, особая вера, свой характер, свой уклад души. Мы иначе любим, иначе созерцаем, иначе поём. У нас иное правосознание и иная государственность. ...Формы национальной идеологии и национального возрождения должны возникнуть из самых душевно-духовных недр самого народа, из его национально-патриотического горения; они должны быть рождены его собственной проблематикой, его страданиями, его характером, его историческими и культурными заданиями. И только тогда они будут ему по силам; только тогда они будут для него целительны... И прежде всего они должны быть именно по силам ему, его исторически сложившемуся характеру и его культурному уровню... Русские

---

²⁷⁴ Ильин И.А. Письмо к С.П. Мельгунову 27.03.1948. [Т. 12]. С. 107.

²⁷⁵ Ильин И.А. О Солоневичах // Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). Комментарии. [Т. 13. Кн. II]. С. 554.

²⁷⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 208.

патриоты в борьбе за Россию должны сами творить и полагаться на свой разум и на свои силы»²⁷⁷.

В деле национального воспитания И.А. Ильиным большое значение отводится ведущему слою, национальной интеллигенции: «Проблема интеллигенции сводится к тому, чтобы это меньшинство чувствовало бы своё духовное задание и непрестанно готовило бы себя к нему. Это задание — умственно и духовно воспитывать свой народ в духе его самобытной молитвы и самобытного творчества. Именно отсюда различие между интеллигенцией и полуинтеллигенцией»²⁷⁸. Лишь духовно живущая, служащая творческая интеллигенция может понять: «Россию породит только новая идея, её могут воссоздать только обновлённые души»²⁷⁹. А «безыдейная интеллигенция не нужна своему народу», ибо «она не исполняет своего назначения; она не может никого вести; она есть историческая накипь, политический мираж. Она есть мнимая реальность; и потому она ничего не совершит»²⁸⁰. Мыслитель обращался к единомышленникам-патриотам, учёным и деятелям русской культуры: «Мы должны *освоить волею* наше прошлое и волею замыслить наше будущее»²⁸¹.

Так мыслитель ставит главные задачи «русской интеллигенции, уцелевшей от кризиса и вновь подрастающей». Прежде всего она должна преодолеть в своём духовном укладе те «отжившие предрассудки», которые она исповедовала до революции и в массе своей продолжает в из-

---

²⁷⁷ Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 7. М., 1998. С. 453–454.

²⁷⁸ Ильин И.А. Об интеллигенции // Ильин И.А. Собр. соч.: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1948 гг. [Т. 20]. М., 2006. С. 381.

²⁷⁹ Ильин И.А. Духовный кризис русской интеллигенции. [Т. 20]. С. 388.

²⁸⁰ Там же. С. 390.

²⁸¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 206.

гнании. Русская интеллигенция «не видела и не постигала глубокого своеобразия России. Она не понимала, что Россия может строиться только самобытным творчеством,... что русский национальный духовный акт – иной, чем у западного европейца, и что поэтому у русского должна быть иная вера, иная наука, иное искусство, иное правосознание, иное государство, иной уклад жизни»²⁸². Только поняв своеобразие России, она сможет:

«I. Найти в себе национальную, религиозно-духовную почву, укорениться в ней и сплотиться.

II. Верно понять пути, судьбы, опасности и потребности России.

III. Верно восчувствовать своё отношение к народной массе и свой ранг.

IV. Стать национально-верным, патриотически горящим, идейно-творческим и государственно-ведущим органом своего народа.

V. И воспитать в своём народе тот духовный характер, без которого России не быть.

Будет это – будет возрождённая, великая Россия на славу себе и на дружбу и безопасность соседним народам. Не будет этого – и начнётся повторение старого»²⁸³.

Однако надо ясно себе представлять как «велики трудности в поисках собственного жизненного пути» для свободной русской души, которой «даны *страсть и мощь*», и как показала революция, народная душа нередко «может поддаваться зову страсти». Поэтому «*форма, характер и преобразование суть её исторически жизненные задачи*. В них она вдумывается постоянно... И именно поэтому русские мыслители и художники, воспитатели и государственные мужи должны бесстрашно вершить своё дело и противосто-

---

²⁸² Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 345–347

²⁸³ Ильин И.А. Духовный кризис русской интеллигенции. [Т.20]. С. 414–415.

ять этим опасностям»²⁸⁴. «Россия-Родина-Мать, брошенная своим сыном и замученная своей трагической судьбой, борется «за своих внучат — за грядущие поколения»²⁸⁵. И «мы призваны к тому, чтобы найти *ключи от тайны русского духа*. Мы должны найти *пути*, которые ведут к *русскости души*» и «передать нашим детям, ... что быть *русским — это дар и счастье, призвание и обетование; что в этом есть Божия благодать*, зовущая к служению и подвигам»²⁸⁶. Мы должны освоить волею наше прошлое и волею замыслить наше будущее»²⁸⁷.

В трудах И.А. Ильина рассмотрены все стороны национального воспитания в период его выхода из духовного и государственного кризиса. Чтобы возродить Россию, мыслитель определяет основные направления национального воспитания, которые можно сгруппировать по основным направлениям.

Первое направление — национально-культурное воспитание.

«Для соблюдения священного понятия родины и преодоления как больного национализма, так и всеразлагающего интернационализма, — отмечает мыслитель, — перед каждым поколением стоит задача верной передачи «духа национального воспитания»²⁸⁸.

1) Как на важнейшее достояние национальной культуры И.А. Ильин указывает на язык народа: «Язык вмещает в себе... всю душу, всё прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа»²⁸⁹. «Силою прирождённой даровитости, чуткости и вкуса... русскому народу удалось

---

²⁸⁴ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 387.

²⁸⁵ Ильин И.А. Художество Шмелёва // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 163.

²⁸⁶ Ильин И.А. О России. С. 28.

²⁸⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 206.

²⁸⁸ Там же. С. 208.

²⁸⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 202.

выработать себе язык единственной в своём роде звучности, певучести, гибкости и выразительности»²⁹⁰. Ильин говорит об особой фонетике «русской стихии», «непередаваемой певучей доброте и ширине», «сочности языка», «в которой уже столько веков купается русская душа»²⁹¹. «Русский язык хочет звучать и петь, быть естественным и выразительным, наслаждаться означаемым предметом... Он шумит вместе с лесом и шепчет с камышом, сверкает с молнией и рокошет с громом, щебечет с птицами и плещется с волною»²⁹².

«В семье должен царить культ родного языка», и «важно, чтобы пробуждение самосознания ребёнка... совершилось на его родном языке»²⁹³. «Надо, чтобы ребёнок с пяти-шести лет научился вместе с Пушкиным благодарить Бога за то, что родился русским, и вместе с Гоголем — радостно дивиться на гениальность русского языка»²⁹⁴. «Существенны семейные беседы о преимуществах родного языка», важно постоянное домашнее чтение русских классиков и Священного Писания на церковно-славянском языке²⁹⁵. И.А. Ильин отмечает важность для восприятия русской культуры древнего, церковно-славянского языка, который «благодаря вековой церковной практике» и «древним русским летописям» «запечатлелся в народной душе», «сделался языком религиозным. Слышит русский этот язык — у него появляется ощущение, что он прислушивается к своему древнейшему прошлому, которое должно поведать ему нечто новое о конечных и священных вещах»²⁹⁶.

---

²⁹⁰ Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 208.

²⁹¹ Ильин И.А. Художество Шмелёва; Ильин И.А. Творчество Шмелёва. С.112.

²⁹² Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 391.

²⁹³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 202–203.

²⁹⁴ Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 414.

²⁹⁵ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 203.

²⁹⁶ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 453.

2) Песня. «В России была весьма высокой культура церковного, концертного и оперного пения»²⁹⁷. «Наше музыкальное пение музыкально, гармонично, лирично, воздыхательно, страдательно, смиренно и исполняется с великой силой страстотерпия. Таково и наше смирение; так воспринимаем мы и Евангелие; так понимаем и учение Спасителя»²⁹⁸.

Пение научает первому одухотворению душевного естества. Через песню ребёнок должен «бессознательно усваивать *русский строй чувств и духовных чувствований*»²⁹⁹. «Русская песня глубока, как человеческое страдание, искренна как молитва, сладостна как любовь и утешение... Надо постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями... По всей стране создавать детские хоры... Хоровое пение национализирует и организует жизнь — оно приучает человека *свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении*»³⁰⁰. «Особый способ музыкального и художественного созерцания и творчества» должен будет «очистить и оздоровить атмосферу музыкального модернизма» и создать новую русскую школу³⁰¹.

3) «Сказка — это ответ всё испытавшей древности на вопросы вступающей в мир детской души»³⁰². Сказка «даёт ребёнку первое *чувство героического* — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы... Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в

---

²⁹⁷ Там же. С. 389, 390.

²⁹⁸ Ильин И.А. Мученичество Русской Церкви и его значение для христианских церквей других стран. [Т. 14]. С. 395—396.

²⁹⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 203.

³⁰⁰ Там же. С. 203.

³⁰¹ Ильин И.А. Музыка Метнера // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 305.

³⁰² Ильин И.А. Духовный смысл сказки // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 272.

прошлое и пророчески глядя в будущее». Потому «национальное воспитание неполно без сказки», а приобщение к чужеземным сказкам вместо родных ведёт к интернациональному безличью»³⁰³.

«Мы исказили свой душевно-духовный уклад и мы выветриваемся и отмираем, если мы потеряли доступ к нашей народной сказке»³⁰⁴. В тревоге о судьбе России – «вспомните о русской сказке и прислушайтесь к её тихому, древнему, мудрому голосу». «Сотни и тысячи лет этому отстою национального духовного опыта», ибо в ней «хранится мудрость древней, до-письменной Руси»³⁰⁵.

4) «Поэзия пленяет душу гармонией и ритмом, учит “духовному восторгу”»³⁰⁶. «Вряд ли есть ещё один народ на свете, который имел бы такую поэзию, как русская... Русский поэт есть одновременно национальный пророк и мудрец, и национальный певец и музыкант... Русская поэзия вместила в себя глубочайшие идеи русской религиозности и русской философии, и сама стала органом национального самосознания»³⁰⁷. «Русские поэты были не только созерцателями природы и быта: они видели историю России, её пути и судьбы, её опасности, соблазны и крушения, её призвание, предназначение и смысл её бытия»³⁰⁸. Русская поэзия, как и молитва, есть «голос самой России»³⁰⁹.

Классические национальные русские поэты должны дать ребёнку *первую радость стиха*, где в прекрасные образы облечена мудрость: «Русский поэт одновременно – национальный пророк и национальный музыкант. И русский

---

³⁰³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 204–205.

³⁰⁴ Ильин И.А. Духовный смысл сказки. С. 262.

³⁰⁵ Там же. С. 259, 260.

³⁰⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 205.

³⁰⁷ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 210–211.

³⁰⁸ Там же. С. 227.

³⁰⁹ Там же. С. 208.

человек, с детства влюбившийся в русский стих, никогда не денационализируется»³¹⁰.

Второе направление — духовно-нравственное. И.А. Ильин отмечает важное значение религиозной свободы: «Императорская Россия понимала, что только *искреннее* верование полноценно и что только *свободное* верование может быть *искренним*. Мы не сомневаемся в том, что будущая Россия восстановит эту свободу, — не свободу соблазна, ... но свободу Богосозерцания и Богоисповедания»³¹¹.

5) «Молитва есть сосредоточенная и страстная обращённость души к Богу. Каждый народ совершает это обращение по-своему и *самобытную молитву* надо вдохнуть ребёнку с первых лет жизни. Молитва даст ему *духовную гармонию*, пусть он переживёт её по-русски. Молитва даст ему источник *духовной силы* — *русской* силы. Молитва даст ему религиозный опыт и поведёт его к религиозной очевидности — *по-русски*. Ребёнок, научившийся молиться, *сам пойдёт в церковь* и станет её опорой, *русской* опорой, русской церкви. Он найдёт пути — и в глубину русской истории, и на простор русского возрождения»³¹².

6) «Преклонение перед *святыми и героями* возвышает душу и указывает верный жизненный путь»³¹³. «Тот, кто ищет путей к России, тот пусть идёт к её гениям и пророкам», которые «открыли наши очи, отверзли наш слух, закалили наши сердца, выговорили за нас и от нас символ нашего национального Боговосприятия... Они показали нам и то, чем мы *призваны* быть, и то, к чему мы *способны*; и то, как нам *восходить* на эту высокую и трудную

---

³¹⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 205.

³¹¹ Ильин И.А. Обоснование свободы // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 193.

³¹² Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 204.

³¹³ Там же. С. 205.

гору. Это наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители»³¹⁴.

Ребёнок «после пяти-шести лет должен услышать о героях своей страны и влюбиться в них; он должен научиться “стоять” вместе с ними, бороться, побеждать и *не искать награды*. Надо, чтобы он научился вместе с Пушкиным благодарить Бога за то, что родился русским... Чем раньше он начнёт скромно, но уверенно гордиться своею рускостью, тем лучше»³¹⁵. Живые образы «*национальной святости и национальной доблести*» пробуждают в ребёнке волю к подвигу и служению и дадут «непоколебимую веру в духовные силы своего народа»³¹⁶.

7) «Быт есть только обыденный покров душевной и духовной жизни, и природа говорит совсем не только глазу и уху, всему телу, но больше всего душе и глубже всего духу». Именно через быт и природу истинные художники показывают «душевный и духовный уклад» нации³¹⁷. «Духовная культура народа не есть его почётное кладбище; нет, она живёт и творится и в нас, его сынах, связанных со своею родиной любовью, молитвою и творчеством». Русское духовное возрождение совершается в нас, в наших душах, в их горении, творческом напряжении и очищении, каждодневном быту, при духовной цельности жизни становящейся бытием³¹⁸.

Третье направление — государственно-политическое.

8) «История учит *духовному преемству и сыновней верности*: а историк, становясь между прошедшим и будущим своего народа, должен сам видеть его судьбу, разуметь его путь, любить его и верить в его призвание», тогда он становится «истинным национальным воспитателем». «Русский

---

³¹⁴ Ильин И.А. О России. С. 31.

³¹⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 414.

³¹⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 205.

³¹⁷ Ильин И.А. Россия в русской поэзии. С. 203.

³¹⁸ Ильин И.А. О России. Три речи. С. 8.

ребёнок должен с самого начала почувствовать и понять, что он славянин... и в тоже время сын великого русского народа, имеющего за собою величавую и трагическую историю... Необходимо пробудить в ребёнке уверенность, что история русского народа есть живая сокровищница, источник живого научения, мудрости и силы». Учитель должен ясно указать ребёнку все источники национальной силы и славы.. Однако «преподаватель истории отнюдь не должен скрывать от ученика слабых сторон национально-го характера», при этом исключая из преподавания «тон скрытого сарказма»³¹⁹.

9) Армия. В российском гражданине необходимо воспитывать чувство, что «армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины; воплощение храбрости моего народа, организация чести, самоотверженности и служения — вот чувство, которое должно быть передано ребёнку его национальным воспитателем. ... Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, — родина останется без обороны, государство распадётся и нация сойдёт с лица земли»³²⁰. Каждому должно быть понятно: «Русская армия неотделима от русского народа: она есть воплощение его воли, его силы, его храбрости, его разума»³²¹.

10) Территория. «Ребёнок должен увидеть воображением пространственный простор своей страны, это национально-государственное наследие России. ... Он должен почувствовать, что русская национальная территория добыта кровью и трудом, волею и духом... Национальная территория не есть пустое пространство... но исторически данное и взятое духовное пастбище народа, его творче-

---

³¹⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 206—207.

³²⁰ Там же. С. 207.

³²¹ Ильин И.А. Они аннексировали // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 127.

ское задание, его живое обетование, жилище его грядущих поколений»³²².

«Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна... Она была и будет *Империей*, единством во множестве: государством... органического и духовного единения»³²³. «Не территория священна и неприкосновенна... но территория, необходимая для расцвета русской национальной духовной культуры, всегда будет испытываться русскими патриотами как священная и неприкосновенная»³²⁴.

11) Государственное воспитание. «В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчленённой России... Мир изобилует “руссофобами”, врагами национальной России... Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилom *его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России*»³²⁵. Поэтому каждому русскому необходимо понять, что «политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага» и что «русское дело может делаться только русскими руками и не должно делаться по иностранной указке, ибо иностранная указка всегда ограничит, исказит или даже погубит национальный интерес»³²⁶.

Четвёртое направление — хозяйственно-правовое.

12) Правосознание. В русской душе должен быть *преодолен раб*; в ней должно начаться новое *гражданственно-свободное правосознание*³²⁷.

³²² Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 207.

³²³ Ильин И.А. Обоснование свободы. С. 195.

³²⁴ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 179.

³²⁵ Ильин И.А. Против России. С. 66–67.

³²⁶ Там же. С. 67; Ильин И.А. Национальный вождь и партийные главари // Там же. С. 35.

³²⁷ Ильин И.А. О страданиях и унижениях русского народа // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 199.

«Ребёнок должен как можно раньше почуять *реальность чужого страдания* и научиться *вчувствоваться в него*, чтобы жалеть, беречь и помогать»³²⁸. Так мы воспитаем в себе «*новое правосознание*, — религиозно и духовно укоренённое, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине»³²⁹.

13) Хозяйство. «В грядущей России... личный творческий инстинкт человека должен быть признан, поощрён, духовно дисциплинирован и устроен в свободе». Человек опять должен получить «доступ к частной собственности», чтобы иметь свободу труда и свободу предметного служения³³⁰. Лишь тогда Россия быстро возродится и зацветёт.

«Мы должны воспитать в себе... новое *чувство собственности* — заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; новый хозяйственный акт»³³¹. «Ребёнок должен с раннего детства почувствовать творческую радость и силу труда, его необходимость, его почётность, его смысл. Он должен внутренне испытать, что... труд есть источник здоровья и свободы. В русском ребёнке должна проявиться склонность к *добровольному, творческому* труду, и из этой склонности он должен почувствовать и осмыслить Россию как бесконечное и едва початое трудовое поприще. Тогда в нём пробудится живой интерес к русскому национальному хозяйству, воля к русскому национальному богатству как источнику духовной независимости и духовного расцвета русского народа. Пробудить в нём всё это значит зало-

---

³²⁸ Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 413—414.

³²⁹ Ильин И.А. О главном // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 163.

³³⁰ Ильин И.А. Обоснование свободы // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 192.

³³¹ Ильин И.А. О главном. С. 163.

жить в нём основы *духовной почвенности и хозяйственного патриотизма*»³³².

Все эти меры воспитания дадут возможность «возвращения к себе» — «к живым и драгоценным корням своей национальной культуры», чтобы творчески осуществить полноту национальной идеи во всей земной жизни — «в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании»³³³.

Вопрос в том: как можно всё это осуществить? Каков конкретно-исторический путь? Да, в XX в. многие «загнали сами себя в тупик и не видят ни перспективы, ни исхода: или *тоталитарная диктатура* — или *формальная демократия*». Мыслитель предупреждает: «*Боже избави Россию от всякого тоталитаризма — левого, правого и среднего*», как и от формальной западно-европейской демократии³³⁴. По верному предвидению И.А. Ильина, после многих лет хозяйственного и общественного разгрома, насилия над свободой личности нельзя будет говорить ни о государственной дисциплинированности народа, ни о его здоровом правосознании, поэтому он «окажется неспособным к осуществлению демократического строя»³³⁵. После левого тоталитаризма можно ожидать или «*затяжную жирондистскую анархию*» или «*свирепую крайне-правую тиранию*»³³⁶. И.А. Ильин напоминает, что лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» однажды уже «привёл Россию к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже *антикоммунистической*. Мы понимаем, что доктринёрам — их доктрина дороже России: на то они и доктринёры. Но

---

³³² Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 208.

³³³ Ильин И.А. О страданиях и унижениях русского народа. С. 199.

³³⁴ Ильин И.А. Оптимизм в политике // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 85.

³³⁵ Ильин И.А. Что же предстоит в России? // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 172.

³³⁶ Там же. С. 172.

нам Россия дороже всего, и мы не желаем ни всероссийского распада, ни нового вымирания русского народа в подготовляемых расчленителями гражданских войнах»³³⁷. Россия не должна платить «любую цену» за «псевдодемократическое разнуздание, которое доктринёры называют “свободой”», «она должна прежде всего восстать из поражения и возобновить свою хозяйственную и духовную жизнь. А потом только... думать о своём демократическом облачении»³³⁸.

Поэтому в концепции русского мыслителя, всю жизнь посвятившего изучению сущности и своеобразия России, видится третий исход из кризиса: от анархии и затяжных гражданских войн Россию может спасти только «национально-государственно-воспитывающая диктатура»³³⁹. Именно эта «твёрдая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура», должна будет помочь народу «выделить кверху свои подлинно-лучшие силы» и «воспитать народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве»³⁴⁰.

«1. Диктатура, но не тоталитарная, не интернациональная, не коммунистическая; диктатура, организующая новую неформальную демократию, а потому демократическая диктатура; — не демагогическая, “сулящая” и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угашающая свободу, а приучающая к подлинной свободе.

2. Демократия, но не формальная, не арифметическая...; демократия качества, ответственности и служения — с избирательным правом, понятным и осуществлённым

---

³³⁷ Ильин И.А. Демократия — немедленно и во что бы то ни стало // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 178.

³³⁸ Там же. С. 178

³³⁹ Ильин И.А. Что же предстоит в России? С. 174.

³⁴⁰ Ильин И.А. Демократия — немедленно и во что бы то ни стало. С. 177.

по-новому. А за этими двумя возможностями скрывается множество новых политических форм в разнообразнейших сочетаниях, начиная с новой, творческой, чисто русской *народной монархии*³⁴¹.

И диктатура эта, по убеждению мыслителя, «станет *изнуртой*»³⁴². Национальный диктатор должен будет:

- 1 – сократить и остановить хаос;
- 2 – немедленно начать качественный отбор людей;
- 3 – наладить трудовой и производственный порядок;
- 4 – если нужно будет, оборонить Россию от врагов и расхитителей;
- 5 – поставить Россию на ту дорожку, которая ведёт к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры³⁴³.

Но никакой правитель, какой бы полнотой власти он ни обладал, каким бы верным сторонником национально-цветущей державной России он ни был, не вытянет тяжкий груз национально-государственных проблем, если не встретит внутреннего отклика от своего народа. «Современный человек должен понять, что судьба его зависит от того, что он сам излучает в мир и притом во всех сферах жизни; что речь идёт об очищении, об оживлении его сердца, о его творческой самоотдаче... Только излучающее сердце способно обновить культуру; только в нём зарождаются новые творческие идеи»³⁴⁴. Поэтому, когда Россия «выйдет из-под развалин», необходимо будет, чтобы «каждый из нас осязал в самом себе и чудесные дары нашей России, составляющие самую русскость нашей русскости, и те пробелы, те слабо-

---

³⁴¹ Ильин И.А. Оптимизм в политике. С. 85.

³⁴² Ильин И.А. Предстоящий в России хаос // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 20.

³⁴³ Ильин И.А. О грядущей диктатуре // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 461.

³⁴⁴ Ильин И.А. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 8. С. 564.

сти, те недостроенности и неустроенности русской души, которые не дали нам устоять против мирового соблазна, но привели наш народ на гноище мировой истории, те несовершенства и незавершённости нашего национально-го характера, без одоления которых нам не перестроить России — ни нам, ни нашим детям и внукам³⁴⁵. «Духовно-свободная Россия *была и будет*», — безоговорочно верит И.А. Ильин³⁴⁶, и «когда над Россией взойдёт духовное солнце, то всё будет пересмотрено в духе и всё найдёт своё верное место»³⁴⁷.

---

³⁴⁵ Ильин И.А. О России. Три речи. С. 7.

³⁴⁶ Ильин И.А. Святая Русь («Богомолье» Шмелёва) // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 139.

³⁴⁷ Ильин И.А. Творчество Мережковского // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 198.

По-летнему солнечное и тёплое утро 3 октября 2005 года. Москва встречает своих изгнанников: самолётом из Парижа в столицу России доставили останки двух супружеских пар – Деникиных и Ильиных. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II возглавил церемонию перезахоронения в некрополе Донского монастыря останков генерала Антона Ивановича Деникина, философа Ивана Александровича Ильина и их жён. Церемония началась освящением закладного камня часовни-мемориала национального согласия и примирения. В церемонии перезахоронения, символизирующей возрождение духовного единства народа, приняли участие видные государственные чиновники и деятели культуры, священнослужители Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. На церемонии были полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе Г.С. Полтавченко, мэр Москвы Ю.М. Лужков, министр культуры и массовых коммуникаций РФ А.С. Соколов, председатель Российского фонда культуры Н.С. Михалков, дочь генерала А.И. Деникина – М.А. Деникина, многие москвичи, православные люди.

* * *

В последний год жизни Иван Александрович Ильин написал о себе: «Я человек одномысленный и, при всей бесконечности чаемых постижений и признаваемых собственных нехваток, законченный. И если бы мне была дарована ещё одна жизнь, то я хотел бы повести и вывести её вторым этажом на том же фундаменте – русском, и православном, и философ-

ском. Оттуда, где я стою, тысяча нитей ведут дальше, продолжением “в свете Лица Его”, к “Свету неприступному”»¹. Это написал человек, изгнанный из своего Отечества, человек, подвергавшийся преследованиям в родной стране, не раз ожидавший в застенках смертного приговора...

«Тысячу раз прав тот, кто, пренебрегая выпадающими на его долю несправедливостями, продолжает посильно служить Божьему Делу на земле»², — в этом русский мыслитель, переживший все возможные несправедливости и от своего народа, и от народов иных, был глубоко уверен. Для И.А. Ильина «служить Божьему Делу на земле» значило служить Отечеству, помогать своему народу исполнять Творческий замысел о нём, ибо народ для него был явлением Личным, предстоящим Богу на путях Истории. И любовь его к своему народу, его духу и лику, была крепка до смерти, поэтому он не мог отречься от него и в чёрные неблагодарные дни. От этой великой любви в мыслителе никогда не иссякала вера в грядущее возрождение Великой России — национальной по лику, православной по духу, державной по волевому душевному складу. Иван Александрович всегда чувствовал себя русским воином и воином Христовым. «Я и сейчас солдат, Его солдат, — писал он в изгнании. — Мне и сейчас необходимо спокойствие и бесстрашие, чтобы творить... Остальное добывается, умиряется и совершается молитвой»³. «Важно не казаться и не считаться; важно быть, быть русским, любить Россию, бороться за неё честно и грозно и стоять до конца за торжество дела Божьего на земле, — считал русский гений. — Россия всюду, где бьётся верное ей сердце. И человек, блюдуший достоинство России, как своё собственное, и своё достоинство,

---

¹ *Ильин И.А.* Письмо к И.М. Андриевскому 09.01.1954 // *Ильин И.А.* Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). [Т.12]. М., 1999. С. 179.

² *Ильин И.А.* О воспитании русского народа к справедливости // *Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. М., 1993. С. 242.

³ *Ильин И.А.* Письмо к И.С.Шмелёву 10.03.1948 // *Ильин И.А.* Переписка двух Иванов. [Т. 13. Кн. III]. М., 2000. С. 286–287.

как русское, — вкладывается тем самым в её историю как драгоценная русская сила, несёт её в себе, служит ей и совершает жизненный путь, который называется не карьерой, а подвигом верности. Россия всегда строилась своими верными строителями, своими непоклонными головами»⁴.

В статье «Пророческое призвание Пушкина» И.А. Ильин писал о неотделимости гениального русского поэта от России, его «насыщенности Россией»⁵. Таким был сам Иван Александрович, всей жизнью своей исполнивший свой великий завет: «Служить России и только России»⁶.

---

⁴ *Ильин И.А. Без карьеры // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 59.*

⁵ *Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 42.*

⁶ *Ильин И.А. Письмо к Н.Н. Крамарж 22.04.1928 // Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). [Т.11]. М., 1999. С. 265.*

Оглавление

Часть I. **Москва**

Глава 1. Род	8
Глава 2. Становление	15
Глава 3. Гармония	25
Глава 4. Университетская кафедра	30
Глава 5. Европа	38
Глава 6. Познать человека	45
Глава 7. Духовные основы общества	57
Глава 8. Война	65
Глава 9. 1917-й	72
Глава 10. Наука	82
Глава 11. Белое дело	91
Глава 12. Изгнание	95

Часть II. **Германия**

Глава 13. Русский научный институт в Берлине	102
---	-----

Глава 14. О сопротивлении злу	111
Глава 15. Полемика о борьбе со злом	120
Глава 16. «Возрождение» и «Русский колокол»	129
Глава 17. Борьба продолжается	143
Глава 18. Нация	155
Глава 19. Национальные лики	168
Глава 20. Культура	171
Глава 21. Русская литература	182
Глава 22. Противостояние	196

Часть III. Швейцария

Глава 23. Цолликон	206
Глава 24. Русская цивилизация	212
Глава 25. Российская государственность	232
Глава 26. После войны	243
Глава 27. Путь познания	250
Глава 28. Путь духа	271
Глава 29. Грядущая Россия	279

**Александр Михайлович Шарипов,
кандидат исторических наук**

**РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ
ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН.
ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ**

**Редактор
В.М. Хлёткин**

**Художественный редактор
Ю.В. Дородонов**

**Компьютерный набор
Л.Б. Борисова**

**Компьютерная верстка
М.Э. Демина**

**Корректор
Т.А. Александрова**

Подписано в печать 02.04.08. Тираж 500 экз.

Бумага офсетная. Формат 84х108/32

Усл. печ. л. 15,96. Заказ № 65

**Издательство Главархива Москвы
117393, Москва, Профсоюзная ул., 80
Издательство «Деловой ритм»
delritm@mail.ru**

**Отпечатано в ООО РИА «ВивидАрт»
127550, Москва, Дмитровское ш., д. 47, кор. 2
Тел.: (495) 976-29-14
E-mail: info@vividart.ru**

Патриотизм духовно прав и свят. И народ, лишённый его, обречён на распадение и гибель: он или найдёт в себе любовь к Родине или погибнет.

И.А. Ильин. О патриотизме

Когда Господь создавал мир, он каждую вещь замыслил в её законченном совершенстве и эту задуманную им великолепную идею вдохнул в самую вещь как свою живую душу или как свою творческую идею, которая с тех пор борется в ней с материей и как бы расцветает в ней. Такую творческую идею России я и имею в виду... Она есть то, что было всегда в народе и что сражалось за народ, что определяло образ мыслей его, выстраивало и шлифовало его творческий акт, служило мерилom его лучших творений, выражая в них себя... Она есть существующая в его душе склонность, тенденция, поиск, которым он следовал, следует и будет следовать и которые отражаются в структуре его творческого акта. Я получил эту идею от русского народа, с молоком своей матери, дышал ею в самые ранние годы, прислушивался к ней, исследовал, познавал в более поздний период моей жизни, чтобы, наконец, сказать о ней, сформулировать и показать как факт и как знание.

*И.А. Ильин. Сущность и своеобразие
русской культуры*

